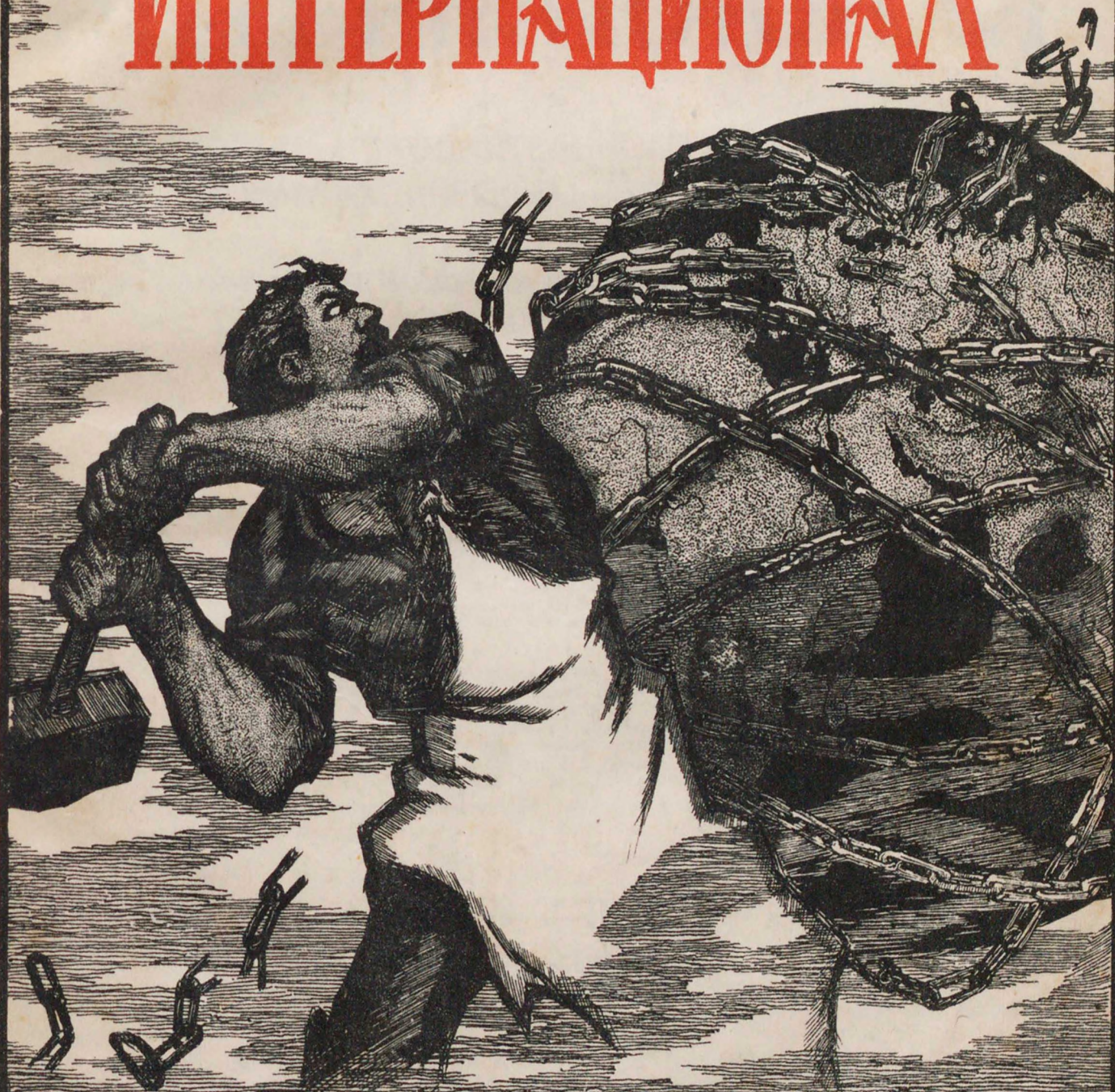

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№
7-8

МОСКВА -
КРЕМЛЬ.

ПЕТРОГРАД -
СМОЛЬНЫЙ.

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ
1919г.

КОГДА МЫ, МЕРТВЫЕ, ПРОСНЕМСЯ...

Два года, но более богатые событиями, более знаменательные, чем века! Два года длится уже русская рабочая революция — грандиознейшая драма, самого захватывающего, самого величественного содержания, какую только когда-либо знавала всемирная история. Эти два года означают пробуждение мертвых, восстание масс, задавленных гнетом, из могил к новой жизни, основанной на свободе и солидарности. Это — пробуждающий клич, обращенный к мировому пролетариату и возвещающий, что заря новых времен уже занялась. *Ex oriente lux* — свет воссиял с востока! Первые удары в набат мировой революции самые угнетенные из всех рабов. Последние стали первыми. В то время, как рабочие массы Запада все еще медлили, русский пролетариат в единодушном, смелом порыве встал во главе международного рабочего класса, борющегося против войны, против капитализма и империализма.

Мировая война нанесла смертельный удар царизму, давно уже прогнившему насквозь, и лишеному всякой жизненной силы. В марте 1917 г. его веками строившееся здание рухнуло с треском и грохотом. Рабочие и солдаты, дружно объединившись, выступили против правящего класса и без особых затруднений сбросили царское иго. Буржуазия попыталась было править судьбами новой России и отвести поток революции в сторону — так, чтобы она осталась только политической революцией, не превращаясь в социальную. Такова была та цель, к которой стремился Керенский во время его недолгой и не весьма славной карьеры. Увидев, к чему ведет эта политика буржуазного правительства, рабочие и солдаты восстали снова под руководством исполненных ясного сознания своей цели большевиков. Так произошла вторая революция, великая и славная революция рабочих, которая — после сравнительно бескровной борьбы в течение нескольких дней с 6-го по 11-ое ноября 1917 г. — увенчалась победой и благодаря которой в России была провозглашена социалистическая республика на основе диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата является необходимой формой государственного устройства при переходе от капиталистического строя к социалистическому. Она отстраняет прежде господствовавший класс имущих от всякого влияния на судьбы страны и передает всю политическую и экономическую власть в руки городского и сельского пролетариата. Диктатура пролетариата осуществляется в России посредством Советов, являющихся формой организации новой демократии. Как парламент является выражением воли буржуазной демократии, так Советская власть является выражением демократии пролетарской. ТРУД — вот новая основа всех гражданских прав. Сколько бы ни возражали против этого наши реакционеры и правые социалисты, именно это и есть чисто социалистический принцип, который осуществляется таким образом в России пролетарской диктатурой. И факт тот, что в России к власти приобщились теперь гораздо более широкие слои истинной демократии, чем в каком-либо из хваленых буржуазно-демократических государств Запада, где демократия — лишь пустой звук, лишенный внутреннего содержания, красиво размазанная кулиса, за которую невозбранно ведет свое хищническое существование капитализм.

Опираясь на свою диктатуру, русские рабочие и крестьяне приступили к осуществлению обширной социалистической программы. Земля, находившаяся в России, как и повсюду, в руках немногих собственников, была экспроприрована и предоставлена в пользование, под общественным контролем, массам самих земледельцев. Всякая купля, мена, продажа земли, всякая спекуляция землей подверглись запрету, чем и были устранены самые существенные причины социального неравенства. Промышленность и средства сообщения были национализированы и также поставлены под непосредственный контроль и руководство самих рабочих. Банки и капиталы стали собственностью государства; жилые дома — общественной собственностью. Введена трудовая повинность для всех трудоспособных. Рабочее время сокращено

до 6—7, или в известных случаях самое большое до 8 часов в день. Путем ряда социальных реформ осуществлено призрение стариков, больных, инвалидов и детей. Одним словом, рабочая революция означала сознательное, целесообразное стремление подвести под всю экономическую и общественную жизнь здоровые социалистические устои.

Но она означала также духовную революцию. Наибольшая опасность и унижительность нищеты, убожества, рабства прежде всего заключается в том, что они убивают в человеке душу. А наивысшее и благороднейшее приобретение революции заключается в том, что она, как это произошло в России, разбила духовные оковы народа и зажгла свет над страной, в которой прежде царили тьма и невежество. Упразднение государственной церкви явилось первым шагом в этом направлении. *Ecrasez l'infâme* — раздавите гадину — таков был лозунг всех революционеров со времен Вольтера. Церковь рухнула, и на ее месте утвердилась школа. За эти два года в России открыты десятки тысяч новых школ. Основаны десятки тысяч народных библиотек. Высшим школам и университетам оказывается всяческое содействие. Миллионы будящих сознание, просвещающих ум сочинений распространяются в самых низших слоях народа. Чистые ясные воды науки мощными потоками оросили Россию, оплодотворяя и облагораживая неведомую до селе почву. И какое чудесное зрелище явили народные массы, с такой пылкой жадной просвещения устремившиеся к открытым для них теперь источникам знания! Это свидетельствует о том, что революция стремилась не только к материальным улучшениям, но была и неиссякаемым духовным источником сил для трудящихся классов. Теперь должны умолкнуть все эти разговоры о низком умственном уровне русского пролетариата! Русский пролетариат и в этом смысле оставил за собой рабочих западных стран, которых он превзошел и в смысле отваги, самопожертвования и других пролетарских добродетелей.

Разумеется, созидательная социалистическая работа не могла не вызвать самого отчаянного противодействия со стороны приверженцев старого строя. В своих стремлениях задушить революцию они не гнушаются никакими средствами. Саботаж, заговоры, измена, убийства рабочих вождей, вооруженные мятежи характеризуют контр-революционные методы борьбы. Буржуазия оказалась варварным и бессовестным внутренним врагом Советской Республики, врагом, с которым могла справиться лишь железная диктатура. Сверх того, республике приходилось вести и внешнюю войну — сначала с центральными державами, навязавшими России постыдный Брестский мир, а затем с Антантой и покорными ей пограничными с Россией государствами, которых Антанта натравила на Социалистическую Республику, как натравливают свору кровавых псов на преследуемую жертву. Каждому мыслящему человеку ясно, что раз вся энергия русского пролетариата должна была направляться на самозащиту от этих бесчисленных хищников, то тем самым создавались почти непреодолимые затруднения для спокойного, успешного хода внутренней преобразовательной работы. В два года невозможно, даже при наличии самых лучших

ресурсов, установить идеальный общественный строй. И задача эта становится еще невозможнее, когда война пылает на всех фронтах, когда и внутри страны притаился беспощадный враг, а в наследство от царизма осталось прогнившее и дезорганизованное государственное здание.

Честь и слава русскому пролетариату за то, что он, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, несмотря на то, что все рабочие остальных стран оставили его и ему пришлось одному вести свою титаническую борьбу с превосходными силами мирового капитала, все-таки сумел так последовательно и целесообразно выполнить свою социалистическую созидательную работу. Его заслуга не только не уменьшается, а еще более увеличивается в виду того преступного равнодушия, которое обнаружили к делу своих русских товарищей одураченные социал-патриотами рабочие круги других стран.

Как раз в эти дни мировая реакция, с Верховным Советом Антанты во главе, готовит новую попытку завершить свою продолжительную работу и задушить свободную Россию. О, как они ненавидят эту страну, этих большевиков, которые угрожают спокойному будущему хищников и паразитов! Они знают, что в России бьется сердце мировой революции, работает ее мозг. Они знают, что, если русская революция останется непобедимой, то волны ее рано или поздно захлестнут и капиталистические государства Запада. Ужас и бешенство охватывают этих капиталистов при мысли о приближающемся извержении вулкана. Смерть большевикам — вот лозунг международного капитала.

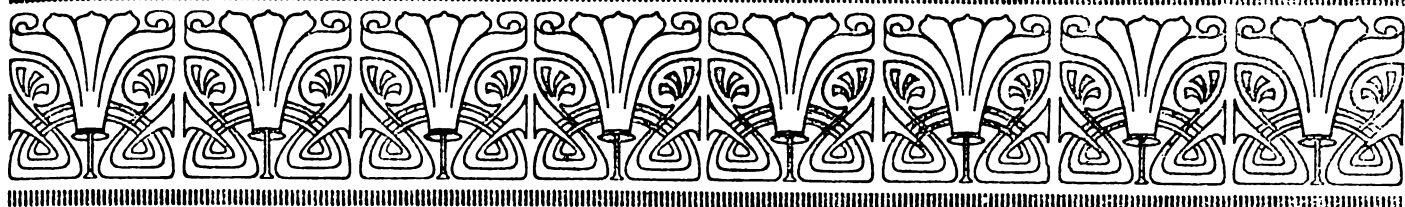
Европейский и американский пролетариат должны поспешить на помощь российскому пролетариату. Большевики никогда не закрывали глаз на то, что судьба русской революции будет зависеть от рабочих Англии и Америки. Если мертвые массы пробудятся и там к жизни, то победа международного пролетариата обеспечена. Если же они останутся в своих могилах, позволят своим правительствам продолжать блокаду и снабжать врагов России военным снаряжением и деньгами, то они станут убийцами русской Советской Республики. Тут подтверждается основной социалистический принцип, что освобождения своего рабочий класс может достигнуть лишь путем ненарушимой международной солидарности.

Окончательное падение капитализма стало уже исторической необходимостью, и никакою силою оружия не оживить его. Неизбежными спутниками капитализма всюду являются хаос, моральное разложение, возврат к варварству. Лишь на социалистической основе может снова возникнуть подлинный общественный порядок, при котором будет возможно развитие промышленности, процветание культуры. Поэтому конечная победа большевизма несомненна, если роду человеческому вообще не суждено погибнуть окончательно.

Воздадим же честь нашим русским товарищам за их бессмертный вклад в дело освобождения, за тот мощный революционный импульс, который никогда не заглохнет в потоке времен и пробудит наконец от мертвой спячки всех пролетариев к свободной и братской жизни!

3. ХЕГЛУНД.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

В сборнике социалистов-революционеров „Год русской революции 1917-1918“ (Москва, 1918, Московское Издательство „Земля и Воля“) помещена замечательно интересная статья Н. В. Святицкого: „Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание (предисловие)“. Автор дает цифры по 54 избирательным округам из общего числа 79.

В состав обследования автора вошли почти все губернии Евр. России и Сибири. Не вошли из этого числа губернии: Олонекская, Эстляндская, Калужская Бессарабская, Подольская, Оренбургская, Якутская и Донская.

Мы приведем сначала основные итоги, опубликованные Н. В. Святицким, а затем рассмотрим политические выводы, которые из этих данных вытекают.

I.

По 54 округам было подано всего в ноябре 1917 года 36.262.560 голосов. Автор приводит цифру 36.257.960, распределенную по 7 областям (плюс армия и флот), но итог приводимых им цифр по отдельным партиям дает именно указанную мной цифру.

Распределение по партиям таково: эсеры русские получили 16,6 миллионов голосов, а если присоединить эсеров других наций (украинских, мусульманских и пр.), то 20,9 миллионов, т. е. 58%.

Меньшевики получили 668.064 голоса, а если прибавить сюда аналогичные группы „народных социалистов“ (312 т.), „Единства“ (25 т.), кооператоров (51 т.), украинских с.-д. (95 т.), украинских социалистов (507 т.), немецких социалистов (44 т.) и финских социалистов (14 т.), то получим итог 1,7 миллиона.

Большевики получили 9.023.963 голоса.

Кадеты получили 1.856.639 голосов. Прибавляя к ним „союз земельных собственников и землевладельцев“ (215 т.), „правые группы“ (292 т.), старообрядцев (73 т.), националистов: еврейских (550 т.), мусульманских (576 т.), башкиров (195 т.), латышей (67 т.), поляков (155 т.), казаков (79 т.), немцев (130 т.), белоруссов (12 т.) и „списки разных групп и организаций“ (418 т.), получаем итог помещичьих и буржуазных партий в 4,8 миллиона.

Известно, что эсеры и меньшевики шли в блоке в течение всего периода революции с февраля по октябрь 1917 года. Кроме того, все развитие событий, и за это время и после него, доказало определенно, что обе эти партии вместе представляют мелкобуржуазную демократию, которая так же ошибочно мнит и называет себя социалистической, как и все партии II-го Интернационала.

Объединяя три основные группы партий на выборах в Учр. Собрание, мы получаем такой итог:

партия пролетариата (большевики) . . .	9,02	миллиона = 25%
партии мелкобуржуазной демократии (с.-р., меньшевики и т. п.) . . .	22,62	„ = 62%
партии помещиков и буржуазии (к.-д. и т. п.)	4,62	„ = 13%
В с е г о	36,26	миллиона = 100%

Приведем теперь данные, которые Н. В. Святицкий дает по областям:

Число поданных голосов в тысячах.

Область *) (и армия отдельно)	За эсеров (русск.)	%	За большевиков.	%	За кадатов	%	ВСЕГО
Северная	1.140,0	38	1.177,2	40	393,0	13	2.975,1
Центр.-Промышл.	1.987,9	38	2.305,6	41	550,2	10	5.242,5
Поволж.-Чернозем.	4.733,9	70	1.115,6	16	267,0	4	6.764,3
Западная	1.242,1	43	1.282,2	44	48,1	2	2.961,0
Восточно-Уральская	1.547,7	43 (62%) ¹⁾	443,9	12	181,8	5	3.583,5
Сибирская	2.094,8	75	273,9	10	87,5	3	2.786,7
Украина	1.878,1	25 (77%) ²⁾	754,0	10	277,5	4	7.581,3
Армия и флот	1.885,1	43	1.671,3	38	51,9	1	4.363,8

Из этих данных по областям видно, что большевики были, во время выборов в Учредительное Собрание, партией пролетариата, эсеры — партией крестьянства. В чисто крестьянских районах, великорусских (Пов.-Черноз., Сибирь, Вост. Ур.) и украинском, эсеры имели 62—77% голосов. В промышленных центрах большевики имели преобладание над эсерами. Это преобладание преуменьшено в тех порайонных данных, которые привел Н. В. Святицкий, ибо наиболее промышленные округа соединены у него с мало промышленными и все не промышленными. Погубернские данные, приводимые Святицким для партий эсеров, большевиков, кадатов и затем „национальных и других групп“, показывают, например, следующее:

В Северной Области преобладание большевиков кажется ничтожным: 40% против 38%. Но в этой области соединены непромышленные округа (губернии Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская), где преобладали эсеры, и про-

¹⁾ Цифра в скобках, 62%, получается Святицким при добавлении мусульманских и чувашских эсеров.

²⁾ Цифру в скобках, 77%, даю я, добавляя украинских эсеров.

³⁾ Автор не совсем обычно разделил Россию на районы: Северный: Арханг., Волог., Петрогр., Новг., Псковск. Лифл. — Центр.-промышл.: Владим., Костр., Моск., Нижегород., Ряз., Тульск., Тверск., Яросл.—Пов.-Черноз.: Астр., Воронежск., Курск., Орл., Пенз., Сам., Саратов., Тамб. — Зап.: Витеб., Минск., Могил., Смол. — В.-Ур.: Вятск., Каз., Перм., Уф. — Сибирск.: Тоб., Том., Алт., Енис., Ирк., Забайк., Приамур.—Украина: Волын., Екатер., Киевск., Полт., Таврич., Харьк., Херсонская, Черниговская.

мышленные: Петроград столичный — 45% большевиков (по числу голосов), 16% эсеров; Петроградская губерния — 50% большевиков, 26% эсеров; Лифляндская — 72% большевиков, 0 эсеров.

Из губерний центральной промышленной области Московская дала 56% большевиков, 25% эсеров; Московский столичный округ — 50% большевиков, 8% эсеров; Тверская губ. — 54% большевиков, 39% эсеров; Владимирская — 56% большевиков, 32% эсеров.

Отметим мимоходом, как смешны перед лицом таких фактов речи о том, будто большевики имели и имеют за собой „меньшинство“ пролетариата! А эти речи слышим мы и от меньшевиков (668 тыс. голосов, а с добавлением Закавказья еще 700—800 тысяч против 9 миллионов у большевиков) и от социал-предателей II-го Интернационала.

II.

Как же могло произойти такое чудо: победа большевиков, имевших $\frac{1}{4}$ голосов, над мелкобуржуазными демократами, шедшими в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими $\frac{3}{4}$ голосов? Ибо отрицать факт победы теперь, после двух лет помощи Антанты — всемирно могущественной Антанты — всем противникам большевизма, просто смешно.

В том-то и дело, что бешеная политическая ненависть потерпевших поражение, в том числе всех сторонников II-го Интернационала, не позволяет им даже поставить серьезно интереснейший исторический и политический вопрос о причинах победы большевиков. В том-то и дело, что „чудо“ есть тут лишь с точки зрения вульгарной мелкобуржуазной демократии, вся глубина невежества и предразсудков каковой демократии разоблачается эгим вопросом и ответом на него.

С точки зрения классовой борьбы и социализма, с этой точки зрения, покинутой II-ым Интернационалом, вопрос разрешается бесспорно.

Большевики победили, прежде всего, потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса.

Возьмем обе столицы, Петроград и Москву. Всего голосов в Учред. Собрание подано было в них 1.765,1 тысяч. Из них получили:

эсеры	218,0	тысяч
большевики	837,0	„
кадеты	515,4	„

Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонгэ, Макдональды и К^о), ни разбивали себе лба перед богами „равенства“, „всеобщего голосования“, „демократии“, „чистой демократии“ или „последовательной демократии“, от этого не исчезнет экономический и политический факт **неравенства** города и деревни. Это — факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом.

Вопрос только в том, **какой класс**, из „городских“ классов, сумеет вести за собой деревню, осилит эту задачу и какие формы это **руководство города** примет.

Большевики имели за собой в ноябре 1917 года гигантское большинство пролетариата. Конкурирующая с ними, среди пролетариата, партия, партия меньшевиков, была разбита к этому времени на голову (9 милл. голосов против 1,4, если сложить 668 тыс. и 700—800 тыс. Закавказья). И притом разбита была эта партия в пятнадцатилетней борьбе (1903—1917), которая **закалила**, просветила, организовала авангард пролетариата, **выковав** из него действительно революционный авангард. И притом первая революция, 1905 год, подготовила дальнейшее развитие, определила **практически** взаимоотношение обеих партий, сыграла роль генеральной репетиции по отношению к великим событиям 1917—1919 годов.

Мелкобуржуазные демократы, называющие себя „социалистами“ II-го Интернационала, ль блт отделяться от серьезнейшего исторического вопроса сладенькими фразами о пользе „единства“ пролетариата. За этим сладеньким фразерством они забывают исторический факт накопления оппортунизма в рабочем движении 1871—1914 годов, забывают (или не хотят) **подумать** о причинах краха оппортунизма в августе 1914 г., о причинах раскола международного социализма в 1914—17 г.

Без серьезнейшей и всесторонней подготовки **революционной** части пролетариата к изгнанию и подавлению оппортунизма нелепо и думать о диктатуре пролетариата. Этот урок русской революции надо бы зарубить на носу вождям „независимой“ германской социал-демократии, французского социализма и т. п., которые хотят теперь вывернуться посредством словесного признания диктатуры пролетариата.

Далее. Большевики имели за собой не только большинство пролетариата, не только закаленный в долгой и упорной борьбе с оппортунизмом **революционный** авангард пролетариата. Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий „ударный кулак“ в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот „закон“ военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией.

Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали, но они не всегда совпадают) в значительной степени решают политическую судьбу народа, — разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка.

В обеих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил. Мы имели здесь почти **вчетверо** больше, чем эсеры. Мы имели здесь **больше, чем эсеры и кадеты, вместе взятые**. Наши противники, кроме того, были раздроблены, ибо „коалиция“ кадетов с эсерами и меньшевиками (меньшевики имели и в Петрограде и в Москве всего по 3% голосов) была до последней степени скомпрометирована среди трудящихся масс. Ни о каком действитель-

ном единстве эсеров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент.¹⁾ Как известно, в ноябре 1917 года даже вожди эсеров и меньшевиков, во сто раз более близкие к идее блока с кадетами, чем эсеровские и меньшевистские рабочие и крестьяне, даже эти вожди думали (и торговались с нами) насчет коалиции с большевиками без кадетов.

Столицы мы завоевали в октябре-ноябре 1917 года **наверняка**, имея подавляющий перевес сил и самую солидную политическую подготовку, как в смысле собирания, сосредоточения, обучения, испытания, закала большевистских „армий“, так и в смысле разложения, обезсиления, раз'единения, деморализации „армий“ „неприятеля“.

А имея возможность наверняка быстрым, решающим ударом завоевать обе столицы, оба центра всей капиталистической машины государства (как в экономическом, так и в политическом отношении), мы, не смотря на бешеное сопротивление бюрократии и „интеллигенции“, саботаж и т. д., могли при помощи центрального аппарата государственной власти **доказать делами** трудящимся непролетарским массам, что пролетариат единственный надежный союзник, друг и руководитель их.

III.

Но прежде, чем переходить к этому, самому важному, вопросу — вопросу об отношении пролетариата к непролетарским трудящимся массам, — следует еще остановиться на **армии**.

Армия во время империалистской войны вошла в себя весь цвет народных сил, и если оппортунистические вожди II-го Интернационала (не только социал-шовинисты, т. е. прямо перешедшие на сторону „защиты отечества“ Шейдеманы и Ренодели, но и „центровики“) своими словами и своими делами укрепляли подчинение армии руководству империалистских разбойников как немецкой, так и англо-французской группы, то настоящие пролетарские революционеры никогда не забывали слов Маркса, сказанных в 1870 году: „буржуазия научит пролетариат владеть оружием“! О „защите отечества“ в империалистской, т. е. с обеих сторон грабительской, войне могли говорить только австро-немецкие и англо-франко-русские предатели социализма, а пролетарские революционеры все внимание направляли (начиная с августа 1914 года) на революционизирование армии, на использование ее **против империалистских разбойников буржуазии**, на превращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против „своей“, „национальной“ буржуазии.

Предатели социализма **не подготовили** за 1914—17 годы использование армий против империалистских правительств каждой нации.

Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года. Конечно, предатели социализма, Шейдеманы и Каутские всех наций,

¹⁾ Интересно отметить обнаруживаемое и вышеприведенными данными единство и сплоченность партии пролетариата, при громадной раздробленности партий мелкой буржуазии и партий буржуазии.

отделялись по этому поводу фразами о **разложении** армии большевистской агитацией, но мы **гордимся** тем, что исполнили свой долг, разлагая сильнейшего классового врага, отвоёвывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян для борьбы против эксплуататоров.

Результаты нашей работы сказались, между прочим, и на том голосовании по выборам в У. С. в ноябре 1917 года, в котором (голосовании) участвовала в России и армия.

Вот главные результаты этого голосования, как их приводит Н. В. Святыцкий:

Число голосов (в тысячах), поданных в ноябре 1917 г. на выборах в Учредительное Собрание:

Части армии и флота.	За эсеров.	За большевиков.	За кадетов.	За национ. и др. группы.	Всего
Северный фронт	240,0	480,0	?	60,0 ²⁾	780,0
Западный „	180,6	653,4	16,7	125,2	976,0
Юго-западный фр.	402,9	300,1	13,7	290,6	1.007,4
Румынский фронт	679,4	167,0	21,4	260,7	1.128,6
Кавказский „	360,0	60,0	?	—	420,0
Балтийский флот	—	(120,0 ¹⁾	—	—	(120,0 ¹⁾
Черноморский флот	22,2	10,8	—	19,5	52,5
Итого	1.835,1	1.671,3 +(120,0 ¹⁾	51,8 + ?	756,0	4.364,5 +(120,0 ¹⁾
		1.791,8			+ ?

Итого дает: за эсеров 1.885,1 тыс. голосов, за большевиков—1.671,3 тыс. А если добавить к последним 120,0 (приблизительно) от балтийского флота, то получаем за большевиков 1.791,8 тысячи голосов.

Следовательно, большевики получили **немногом менее**, чем эсеры.

Армия была, следовательно, уже к октябрь-ноябрю 1917 года **на половину большевистской**. Без этого мы не могли бы победить.

Но, имея почти половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах, **ближайших к столицам** и вообще расположенных не чрезмерно далеко. Если вычесть Кавказский фронт, то у большевиков в общем получается перевес над эсерами. А если взять северный и западный фронты, то у большевиков получается **свыше 1 миллиона голосов** против 420 тысяч у эсеров.

Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 года **политический „ударный кулак“**, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом, не могло быть и речи, когда на северном и западном фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность **отвоёвывать крестьян у эсеровской партии**, о чем пойдет речь ниже.

¹⁾ Цифра приблизительная: выбрано 2 большевика. В среднем Н. В. Святыцкий считает по 60.000 голосов на 1 избранный. Поэтому я и беру цифру 120.000.

²⁾ О том, какая партия получила 19,5 тыс. голосов от Черном. флота, сведений не дано. Остальные же цифры этого столбца относятся, видимо, почти целиком к украинским социалистам, ибо выбрано было 10 украинских социалистов и 1 с.д. (т. е. меньшевик).

IV.

Мы изучили, на основании данных о выборах в У. С., три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армий, близких к центру.

Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство **непролетарских** трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий.

Главное именно в этом.

И главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны „социалистов“ (читай: мелко-буржуазных демократов) II-го Интернационала состоит в непонимании ими того, что

государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелко-буржуазных партий.

Полные мелкобуржуазных предразсудков, забывшие самое главное в учении Маркса о государстве, господа „социалисты“ II-го Интернационала смотрят на **государственную власть** как на какую то святыню, идол или равнодействующую формальных голосований, абсолютом „последовательной демократии“ (и как там еще подобная ерунда называется). Они не видят в государственной власти просто **орудия**, которым **разные** классы могут и должны пользоваться (и уметь пользоваться) в **своих классовых целях**.

Буржуазия пользовалась государственной властью как орудием класса капиталистов против пролетариата, против всех трудящихся. Так было при самых демократических буржуазных республиках. Только изменники марксизма „забыли“ это.

Пролетариат должен (собрав достаточно сильные, политические и военные, „ударные кулаки“) низвергнуть буржуазию, отнять у нее государственную власть. чтобы это **орудие** пустить в ход ради **своих классовых целей**.

А каковы классовые цели пролетариата?

Подавление сопротивления буржуазии.

„Нейтрализация“ крестьянства, а, по возможности, привлечение его — во всяком случае большинства его трудящейся, неэксплуататорской части — на свою сторону.

Организация крупного машинного производства на экспроприированных у буржуазии фабриках и средствах производства вообще.

Организация социализма на развалинах капитализма.

* * *

Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, „учат“ народ, в издевку над учением Маркса: пролетариат должен сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть,

и затем уже, на этой основе „последовательной“ (иные говорят: „чистой“) демократии, организовать социализм.

А мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции:

Пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся.

* * *

Каким образом государственная власть в руках пролетариата может стать орудием его классово-вой борьбы за влияние на непролетарские трудящиеся массы? за привлечение их на сторону пролетариата? за оторвание, отвоевание их от буржуазии?

Во-первых, пролетариат достигает этого тем, что пускает в ход не старый аппарат государственной власти, а **ломает** его вдребезги, не оставляет в нем камня на камне (вопреки воплям запуганных мещан и угрозам саботажников) и создает **новый** государственный аппарат. Этот новый государственный аппарат приспособлен к диктатуре пролетариата и к его борьбе против буржуазии **за** непролетарские трудящиеся массы. Этот новый аппарат не выдуман кем-либо, а **выроста**ет из классовой борьбы пролетариата, из ее распространения вширь и вглубь. Этот новый аппарат государственной власти, новый тип государственной власти есть **советская власть**.

Российский пролетариат, завоевав государственную власть, немедленно, через несколько часов, объявил старый государственный аппарат (веками приспособленный, как показал Маркс, к служению классовым интересам буржуазии, хотя бы при самой демократической республике) распущенным и передал **всю власть советам**. А в советы допускались только трудящиеся и эксплуатируемые, при исключении всех и всяческих эксплуататоров.

Таким путем, сразу, одним ударом, немедленно **после** завоевания государственной власти пролетариатом, пролетариат **отвоевывает** у буржуазии **громдную массу** ее сторонников из мелкобуржуазных и „социалистических“ партий, ибо эта масса — трудящиеся и эксплуатируемые, которых буржуазия (в том числе и ее подпевалы, Черновы, Каутские, Мартовы и К^о) обманывала и которые, **получив советскую власть**, получают **впервые** орудие массовой борьбы за свои интересы против буржуазии.

Во-вторых, пролетариат может и должен сразу или во всяком случае очень быстро отвоевать у буржуазии и у мелкобуржуазной демократии „их“ **массы**, — т.-е. массы, шедшие за ними, — отвоевать **посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков и буржуазии**.

Буржуазия этого сделать **не может**, хотя бы она обладала какой угодно „могучей“ государственной властью.

Пролетариат, на другой же день после завоевания им государственной власти, это сделать **мо-**

жет, ибо он имеет для этого и аппарат (советы) и экономические средства (экспроприация помещиков и буржуазии).

Именно так российский пролетариат отвоёвал у эсеров крестьянство и отвоёвал, в сущности, через несколько часов после завоевания пролетариатом государственной власти. Ибо, через несколько часов после победы над буржуазией в Петрограде, победивший пролетариат издал „декрет о земле“, и в этом декрете целиком и сразу, с революционной быстротой, энергией и беззаветностью, осуществил все насущнейшие экономические нужды большинства крестьян, экспроприровал полностью и без выкупа помещиков.

Чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не майоризировать их, не командовать ими, а помогать им и быть друзьями их, победившие большевики ни слова своего не вставили в „декрет о земле“, а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы эсерами в эсеровской газете.

Эсеры кипятились, возмущались, негодовали, вопили, что „большевики украли их программу“, но над эсерами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы! Вот этой диалектики никогда не могли понять представители II-го Интернационала: пролетариат не может победить, не завоевывая на свою сторону большинства населения. Но ограничивать или обуславливать это завоевание приобретением большинства голосов на выборах при господстве буржуазии есть непроходимое скудоумие или простое надувательство рабочих. Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону, пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки; он должен, во-вторых, ввести советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, добить влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей среди большинства непролетарских трудящихся масс революционным осуществлением их экономических нужд за счет эксплуататоров.

Возможность всего этого дана, разумеется, лишь известной высотой капиталистического развития. Без этого основного условия не может быть ни выделения пролетариата в особый класс, ни успеха его длительной подготовки, воспитания, обучения, испытания в борьбе на долгих годах стачек, демонстраций, опозорения и изгнания оппортунистов. Без этого основного условия не может быть той экономической и политической роли центров, овладевая которыми, пролетариат овладевает всей государственной властью или, вернее, ее жизненным нервом, сердцевинной, узлом. Без этого основного условия не может быть той родственности, близости, связи между положением пролетариата и положением непролетарских трудящихся масс, которые (родственность, близость, связь) необходимы для влияния пролетариата на эти массы, для успеха его воздействия на них.

V.

Пойдем дальше.

Пролетариат может завоевать государственную власть, осуществить советский строй, удовлетворить экономически большинство трудящихся за счет эксплуататоров.

Достаточно ли этого для полной и окончательной победы?

Нет.

Только иллюзия мелкобуржуазных демократов, „социалистов“ и „социал-демократов“, как их главных современных представителей, может вообразить, что при капитализме трудящиеся массы в состоянии приобрести столь высокую сознательность, твердость характера, пронизательность и широкий политический кругозор, чтобы иметь возможность одним голосованием решить или вообще как бы то ни было наперед решить, без долгого опыта борьбы, что они идут за таким-то классом или за такой-то партией.

Это иллюзия. Это слащавая побасенка педантов и слащавых социалистов типа Каутских, Лонгэ, Макдональдов.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы он, с одной стороны, не осуждал массы на состояние забитости, задавленности, запуганности, распыленности (деревня!), темноты; — если бы он (капитализм), с другой стороны, не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т. д.

Поэтому вывести трудящихся из капитализма к коммунизму способен только пролетариат. О решении наперед со стороны мелкобуржуазной или полумелкобуржуазной массы трудящихся сложнейшего исторического вопроса: „быть вместе с рабочим классом или с буржуазией“ нечего и думать. Неизбежны колебания непролетарских трудящихся слоев, неизбежен их собственный практический опыт, позволяющий сравнить руководство буржуазии и руководство пролетариата.

Вот это обстоятельство и упускают постоянно из виду поклонники „последовательной демократии“, воображающие, что серьезнейшие политические вопросы могут быть решены голосованиями. На деле эти вопросы, если они остры и обострены борьбой, решает гражданская война, а в этой войне гигантское значение имеет опыт непролетарских трудящихся масс (крестьян в первую голову), опыт сравнения, сопоставления ими власти пролетариата с властью буржуазии.

Выборы в У. С. в России в ноябре 1917 года, сопоставленные с двухлетней гражданской войной 1917—1919 годов, чрезвычайно поучительны в этом отношении.

Посмотрите, какие районы оказались наименее большевистскими. Во-первых, Восточно-Уральский и Сибирский: 12% и 10% голосов за большевиков. Во-вторых, Украина: 10% голосов за большевиков. Из остальных районов наименьший процент голосов за большевиков дает крестьянский район Великокорссии, Поволжско-Черноземный, но в нем за большевиков подано 16% голосов.

И вот именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьшим, мы наблюдаем наибольший успех

остатков (иногда бессознательных) великорусского империализма и шовинизма у „русских“ коммунистов; во-вторых, мы обязаны именно в национальном вопросе, как сравнительно маловажном (для интернационалиста вопрос о границах государств — вопрос второстепенный, если не десятистепенный) идти на уступки. Важны другие вопросы, важны основные интересы пролетарской диктатуры, важны интересы единства и дисциплины борющейся с Деникиным Красной Армии, важна руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству; гораздо менее важен вопрос, — будет ли Украина отдельным государством, или нет. Нам несколько не может удивить — и не должна пугать — даже такая перспектива, что украинские рабочие и крестьяне перепробуют различные системы и втечение, скажем, нескольких лет испытают на практике и слияние с Р. С. Ф. С. Р. и отделение от нее в особую самостоятельную У. С. С. Р., и разные формы их тесного союза, и т. д., и т. п.

Пытаться наперед, раз на всегда, „твердо“ и „бесповоротно“ решить этот вопрос было бы узостью понимания или просто тупоумием, ибо колебания непролетарских трудящихся масс по **такому** вопросу вполне естественны, даже неизбежны, но все для пролетариата не страшны. Действительно умеющий быть интернационалистом представитель пролетариата должен относиться к **таким** колебаниям с величайшей осторожностью и терпимостью, обязан предоставить **самим** непролетарским трудящимся массам изжить эти колебания на собственном опыте. Нетерпимы и беспощадны, непримиримы и непреклонны мы должны быть по другим, более коренным вопросам, отчасти уже указанным мною выше.

VI.

Сопоставление выборов в У. С. в ноябре 1917 года и развития пролетарской революции в России с октября 1917 года по декабрь 1919 дает возможность сделать выводы, относящиеся к буржуазному парламентаризму и пролетарской революции всякой капиталистической страны. Попытаемся изложить вкратце, или хотя бы наметить, главные из этих выводов.

1. Всеобщее избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач разными классами. Оно показывает, как **склонны** решать свои задачи разные классы. Самое **решение** этих задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы, вплоть до гражданской войны.

2. Социалисты и социал-демократы II-го Интернационала стоят на точке зрения вульгарной мелкобуржуазной демократии, разделяя ее предвзвешенный, будто голосование способно решить коренные вопросы борьбы классов.

3. Учасие в буржуазном парламентаризме необходимо для партии революционного пролетариата ради просвещения масс, достигаемого выборами и борьбой партий в парламенте. Но ограничивать борьбу классов борьбой внутри парламента, или считать эту последнюю высшей, решающей, подчиняющей себе остальные формы борьбы, значит переходить фактически на сторону буржуазии против пролетариата.

4. Такой переход на сторону буржуазии совершают фактически все представители и сторонники II-го Интернационала и все вожди германской т.-наз. „независимой“ социал-демократии, когда они, признавая на словах диктатуру пролетариата, на деле в своей пропаганде внушают ему ту мысль, что он должен сначала добиться формального выражения воли большинства населения при капитализме (т. е. большинства голосов в буржуазном парламенте) для имеющего наступить затем перехода политической власти к пролетариату.

Все, исходящее из этой посылки, вопли германских „независимых“ с.-д. и т. п. вождей гнилого социализма против „диктатуры меньшинства“ и тому подобное означают лишь непонимание этими вождями фактически господствующей, даже в наиболее демократических республиках, диктатуры буржуазии и непонимание условий ее разрушения классовой борьбой пролетариата.

5. Это непонимание состоит в особенности в следующем: забывают, что буржуазные партии господствуют, в громадной степени благодаря обману ими масс населения, благодаря гнету капитала, к чему присоединяется еще и самообман насчет сущности капитализма, самообман более характерный для мелкобуржуазных партий, которые обычно хотят заменить классовую борьбу более или менее прикрытыми формами примирения классов.

„Пускай сначала, при сохранении частной собственности, т. е. при сохранении власти и гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата, — только тогда она может и должна взять власть“ — так говорят мелкобуржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя „социалистами“.

„Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный государственный аппарат, — тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их за счет эксплуататоров“ — говорим мы. Обратное будет в истории редким исключением (да и при таком исключении буржуазия может прибегнуть к гражданской войне, как показал пример Финляндии).

6. Или, иными словами:

„Сначала дадим обязательство признавать принцип равенства или последовательной демократии при сохранении частной собственности и ига капитала (т. е. фактического неравенства при формальном равенстве) и будем добиваться решения большинства на этой основе“ — так говорят буржуазия и ее подпевалы, мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами.

„Сначала классовая борьба пролетариата разрушает, завоевывая государственную власть, основы фактического неравенства, а затем победивший эксплуататоров пролетариат ведет за собой все трудящиеся массы к уничтожению классов, т. е. к тому единственно-социалистическому равенству, которое не является обманом“ — говорим мы.

7. Во всех капиталистических странах, наряду с пролетариатом или с той частью пролетариата,

ЖАН ЛОНГЭ.

Дорогой друг! Счастливый случай и вошедшая в поговорку любезность Жана Лонгэ доставили мне стенографический текст речи, которую социалистический депутат произнес 18 сентября истекающего года во французской палате прошлого состава. Речь озаглавлена: „Против империалистского мира — за революционную Россию“. На полчаса брошюра погрузила меня в атмосферу французского парламента эпохи упадка буржуазной республики и заставила вспомнить о том освежающем презрении, с каким Маркс отзывался об искусственной атмосфере парламентаризма.

Чтобы сразу подкупить противников, Жан Лонгэ начинает с напоминания своим „коллегам“ о том чувстве меры и о той любезности, которые никогда не покидали его в настоящем собрании. Он присоединяется полностью и целиком „к столь справедливым соображениям, которые были здесь поддержаны нашим коллегой Вивиани, с его чудесным красноречием“. Когда Лонгэ пытается пустить в ход ланцет своей критики, наиболее наглые крикуны империализма пытаются сразу заткнуть ему глотку именем Эльзас-Лотарингии. О! предупредительность составляет главную черту Жана Лонгэ. Из предупредительности он стремится, прежде всего, найти общую почву с противником. Эльзас-Лотарингия! Разве же Лонгэ не сказал только что, что он сам находит в мирном договоре ряд счастливых параграфов? „Тут только что сделали намек на Эльзас-Лотарингию. Мы все согласны на этот счет“. И Жан Лонгэ моментально прячет в жилетный карман свой критический ланцет, который удивительным образом похож на инструмент для чистки ногтей.

В своей критике мирного договора Лонгэ исходит из понятия о нации, как это понятие дал не кто другой, как Ренан, этот реакционный иезуит без бога. От Ренана, который должен обеспечить общую почву с националистическим парламентом, Лонгэ переходит к освободительному принципу самоопределения наций, который был „выдвинут русской революцией и воспринят президентом Вильсоном“. „Именно этот принцип, господа, да, почтенный высокий принцип Ренана, Ленина и Вильсона“ Жан Лонгэ хотел бы видеть воплощенным в мирном трактате. Но, „в известном числе случаев (так и сказано: в известном числе случаев) принцип самоопределения наций остался в мирном договоре неосуществлен“. Это обстоятельство огорчает Лонгэ.

Куртуазного оратора перебивают, его называют адвокатом Германии. Жан Лонгэ энергично обороняется против обвинения в том, что он является защитником Германии, т. е. раздавленной и угнетенной страны, против Франции, в лице ее правящих палачей. „Моими друзьями в Германии — восклицает Лонгэ — были те, которые восставали против кайзера, претерпели годы тюрьмы и

среди которых несколько отдали свою жизнь за дело, которое мы защищаем“. О каком именно „деле“ идет речь, — о „восстановлении поправленного в 1871 г. права“ или о разрушении буржуазного строя, — Лонгэ не говорит. Трусами Либкнехта и Люксембург он отбивается от атак французских империалистов. Если при жизни герои германского коммунизма были укором всем Лонгэ, состоявшим пайщиками империалистского блока, на одном крыле которого стоял русский царь, то после смерти они как раз хороши для того, чтобы мнимой дружбой с ними импонировать французским рабочим, а их героическое мученичество кидать, как умиловительную кость, разъяренным псам французского империализма.

И сейчас же после этой операции Жан Лонгэ обращается в сторону „красноречивой речи нашего друга Вандервельда“. Я подсчитываю: три строки текста отделяют упоминание о мученических образах Либкнехта и Люксембург от ссылки на „нашего друга Вандервельда“. Там, где жизнь разверзла пропасть, не оставив между Либкнехтом и Вандервельдом ничего, кроме презрения революционера к предателю, там куртуазный Лонгэ одним об’ятием дружбы охватывает и героя и ренегата. Мало этого. Для того, чтобы легализовать свое уважение — в парламентском смысле слова — к Либкнехту, Лонгэ призывает в свидетели королевского министра Вандервельда, который признал, — а кому же лучше это знать, чем Вандервельду? — что два человека спасли честь немецкого социализма: Либкнехт и Бернштейн. Но ведь Либкнехт считал Бернштейна жалким полхалимом капитализма. Но ведь Бернштейн считал Либкнехта сумасшедшим и преступником. Что из того? На подмостках издыхающего парламентаризма, в искусственной атмосфере лжи и условности, куртуазный Жан Лонгэ без усилий сочетает Либкнехта, Вандервельда и Бернштейна, как он только что об’единил Ренана, Ленина и Вильсона.

Но парламентские приказчики империализма не спешат становиться на общую почву, которую удобряет своим красноречием Лонгэ. Нет, они не хотят уступать из своих позиций ни пяди. Каковы бы там ни были отзывы Вандервельда о Либкнехте и Бернштейне, но ведь бельгийские социалисты голосовали за мирный трактат. „Скажите, господин Лонгэ, да или нет, голосовали ли бельгийские социалисты за мирный трактат? (Очень хорошо! Очень хорошо!)“. Сам Жан Лонгэ собирается, для запоздалого ремонта своей социалистической репутации, голосовать против трактата, появление которого он подготовил всем своим поведением. Поэтому он просто на просто не отвечает на вопрос. Да или нет? Голосовали ли бельгийские „друзья“ за подлый, бесчестный, насквозь пропитанный жестокостью, жадностью и низостью Версальский договор? Да или нет? Жан Лонгэ молчит. Раз

чел нам параграф относительно упразднения позорного Брест-Литовского мира? При упоминании о Брест-Литовском мире Жан Лонгэ выходит из себя. „Брест-Литовский мир это памятник зверства и бесчестия прусского милитаризма“. Лонгэ мечет громы и молнии. Не мудрено: парламентские молнии против давно сметенной революцией Брест-Литовского мира составляют такой благоприятный, такой счастливый фон для деликатных критических операций депутата над миром Версальским.

Жан Лонгэ за мир с Советской Россией. Но, разумеется, не в каком-либо компрометирующем смысле. Нет, Лонгэ твердо знает хороший путь к миру. Это путь самого Вильсона, который послал в Советскую Россию своего уполномоченного Буллита. Смысл и содержание миссии Буллита теперь достаточно известны. Его условия представляли собой усугубленное воспроизведение Брест-Литовских параграфов Кюльмана и Чернина. Тут было и расчленение России и ее жестокое экономическое ограбление. Но... выберем другую тему для разговора. Вильсон, как известно, за самоопределение наций, а Буллит... „Я рассматриваю господина Буллита, как одного из наиболее прямых, наиболее честных, наиболее благонамеренных людей, каких я когда-либо встречал“. Как отрадно узнать у Лонгэ, что праведники еще не перевелись на содержании американской биржи, и что во французском парламенте еще существуют депутаты, которые знают истинную цену американской добродетели.

Отдав дань признательности Клемансо и Буллиту за их доброту к России, Лонгэ не отказывает в поощрении и республике советов. „Никто не поверит тому, — говорит он, — чтобы советский режим держался в течение двух лет, если бы он не имел за собой глубоких масс русского народа. Он не мог бы построить армию в 1.200.000 солдат, руководимых лучшими офицерами старой России и сражающихся с энтузиазмом волонтеров 1793 г.“ Этот момент речи есть кульминация Лонгэ. Упомянув об армиях Конвента, он утопает в национальной традиции, покрывает ею все классовые противоречия, объединяется с Клемансо в героических воспоминаниях и в то же время дает историческую формулу косвенного усыновления советского государства и советской армии.

Таков Лонгэ. Таков официальный французский социализм. Таков парламентаризм Третьей Республики в своем наиболее „демократическом“ выражении. Условность и фраза, дряблость и уклончивость, куртуазная ложь, доводы и приемы мелкого адвоката, который, однако, подмостки своей трибуны всерьез принимает за арену истории. Теперь, когда класс открыто идет на класс, когда

исторические идеи вооружены до зубов и решают свою тяжбу сталью, каким оскорбительным издевательством над нашей эпохой являются „социалисты“ типа Лонгэ. Мы его только что видали: он кланяется направо, расшаркивается налево, молится великому Гладстону, который обманывал Ирландию, склоняется перед своим физическим дедом Марксом, который презирал и ненавидел лицемера Гладстона, восхваляет царского наперсника Вивиани, первого министра-президента империалистской войны, сочетает Ренана с русской революцией, Вильсона с Лениным, Вандервельда с Либкнехтом, подводит под „право народов“ фундамент из русского угля и тунисских костей и, продавая все эти невероятные чудеса, перед которыми глотание зажженной пакли является детской забавой, Лонгэ остается самим собой, куртуазным воплощением официального социализма и увенчанием французского парламентаризма.

Дорогой друг! с этим затянувшимся недоразумением пора кончить. Перед французским рабочим классом стоят слишком большие вопросы, слишком великие задачи и стоят они слишком остро, чтобы можно было дольше терпеть сочетание презренного лонгетизма с великой реальностью пролетарской борьбы за власть. Нам больше всего нужны ясность и правда. Нужно, чтобы каждый рабочий ясно понимал, где друг, где враг, где надежный соратник, а где подлый изменник. Либкнехт и Люксембург — наши, а Лонгэ и Вандервельд должны быть беспощадно отброшены в ту грязную буржуазную кучу, из которой они тщетно пытаются выкарабкаться на социалистическую дорожку. Наша эпоха требует полновесных мыслей и слов, как предпосылки полновесных действий. Нам не нужны более обветшалые декорации парламентаризма, его светотени, его оптический обман. Пролетариату Франции нужен ясный и мужественный воздух пролетарской улицы, отчетливая мысль в голове, твердая воля в сердце и — винтовка в руке.

Покончить с лонгетизмом есть неотложнейшее требование политической гигиены. И если я откликнулся на речь Лонгэ с чувством, для которого нет подходящего названия на куртуазном языке парламентаризма, то теперь, в конце моего письма, я с радостью думаю о той великолепной очистительной работе, которую произведет в насквозь проплеванном здании буржуазной республики пламенный французский пролетариат, когда он наконец приступит к разрешению своей последней исторической задачи.

18 декабря 1919 г.
Москва.

Л. ТРОЦКИЙ.

ИТАЛИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.

От редакции: Английская коммунистка тов. Панкхёрст недавно посетила Италию и участвовала на съезде итальянских социалистов. Настоящая статья является результатом личных наблюдений автора.

„Италия находится уже в состоянии революции“, — говорит один товарищ-венгерец, принимавший деятельное участие в революционной агитации, которая предшествовала возникновению советов в Венгрии.

„Италия находится в настоящее время в таком же состоянии, в каком в прошлом году находилась Венгрия. В ней наблюдаются те же характерные признаки революции. Та же дороговизна жизни, такой же недостаток предметов первой необходимости, такая же безработица и разруха во всех отраслях, и в армии и в гражданском управлении“.

По мнению этого товарища, борьба за Фиуме ускорит разложение армии: все солдаты, которые хотят дезертировать, поедут в Фиуме или, как сделает большинство, просто заявят, что они уезжают туда. Офицеры, являющиеся сторонниками аннексии Фиуме, признают такое заявление заслуживающим полного уважения. Д'Аннунцио показал пример неповиновения, пример этот остался безнаказанным, и ему последуют многие другие. В вопросе о Фиуме правительство и армия стали на противоположные точки зрения; это обстоятельство вогнало клин между правительством и армией, и образовавшаяся таким образом трещина может привести к полному разрыву. Дух национализма вспыхнул в Италии; возможно, что он сметет все препятствия на своем пути и даст толчок к образованию националистической республики. Так произойдет буржуазная революция. После этого Италия, страдающая от блокады, которую в виде наказания применяют к ней другие союзные державы, перейдет к восстанию народных масс, к диктатуре пролетариата, к Советам и к коммунизму.

Фиуме представляет собою очень лакомый кусок для итальянских капиталистов, так как обладание этим портом облегчит торговлю Италии с Центральной Европой и снабжение Италии углем, горючими маслами и прочим необходимым сырьем. Кроме того, итальянское Фиуме может послужить отправной точкой для дальнейших завоеваний в будущем. Итальянцы уверены, что британские империалисты против перехода Фиуме в руки Италии потому, что Англии легче будет установить контроль над этим портом и всей прилегающей к нему территорией, раз город будет принадлежать слабому, только что образованному славянскому государству, чем когда владеть Фиуме будет Италия.

Поэтому итальянские националисты, разжигаемые патриотической прессой, в свою очередь

из всех сил раздувают вопрос о Фиуме. Даже некоторые из рядовых итальянских солдат начинают уже спрашивать: „Какая же польза от Лиги Наций, если она дает возможность Британии и Франции извлекать из войны крупные выгоды, а Италии в этом отказывает?“

С другой стороны, итальянские товарищи-социалисты указывают на существование и других течений. Италия лишь недавно стала единым государством; в отдельных составных частях ее под влиянием задолженности и унижения, являющихся последствиями войны, наблюдается стремление к отпадению. В случае отпадения какой-либо части нынешней Италии, эта часть откажется заплатить свою долю военных долгов объединенной Италии, и это еще более обострит несогласия. Далее, если какое-нибудь из бывших прежде самостоятельных королевств отпадет от Италии, то оно объявит себя республикой и постарается, хоть для вида, ввести у себя демократический строй, так как в настоящее время без претензии на демократизм не может обойтись ни одно государство. Но в периоды недостатка во всем демократия не может останавливаться на полдороге: или каждому должна быть предоставлена известная, и притом равная со всеми другими, доля, или же богатый захватит себе большую часть, а бедный будет умирать от лишений. Перед лицом голода и угрожающей гибели существует лишь одна альтернатива: или Советы, или диктатура богачей.

В то время как в Италии капиталистическая государственная власть борется с непреодолимыми трудностями, порожденными войной, движение пролетариата быстро растет, увеличивая количество своих приверженцев, укрепляя их силу и взаимную связь, выявляя и расширяя свои требования.

Рабочее движение в Турине.

В Турине местная организация социалистической партии насчитывает 1000 членов, в том числе только около 50 женщин. Взносы членов различны в зависимости от их занятия: учащиеся и чернорабочие платят 70 центезимов в месяц, люди, имеющие определенную профессию — по 5 лир в месяц. Вместе с тем, каждый член организации должен быть членом общей итальянской социалистической партии, взнос в которую равняется двум лирам в год. Каждый желающий вступить в партию должен дать подписку в том, что он признает программу партии, причем в члены партии не принимаются те лица, которые менее года тому назад принадлежали к какой-нибудь буржуазной политической партии. Каждый член социалистической партии обязан входить в профессиональный союз своей профессии.

отдельно каждый рабочий, и которое также входит в состав камеры труда. Члены этого общества пользуются правом на получение пособий во время болезни и при несчастных случаях, на бесплатную медицинскую и акушерскую помощь и на бесплатное юридическое содействие.

В состав камеры входит также кооперативное товарищество, образующее вместе с Mutua союз, под названием Alleanza Cooperativa Torinese. Союз этот обладает в настоящее время капиталом в 45.000.000 лир. Mutua насчитывает 20.000 членов, а Кооперативное Товарищество всего лишь около 1000, так как членами последнего могут быть лишь пайщики-основатели. Исполнительный комитет союза избирается ежегодно членами обеих организаций по списку кандидатов, составляемому социалистической партией. Впрочем, такой порядок выставления кандидатов не является обязательным и не установлен официально, — в исполнительный комитет могут быть избраны и другие лица, но фактически на этих выборах всегда проходят лишь кандидаты, предложенные социалистической партией.

Социалистическая партия все время решительно выступала против войны, и после вспыхнувшего в Турине массового протеста против войны, некоторые из поддерживавших войну членов Mutua и Кооперативного Товарищества, главным образом железнодорожники, задумали захватить в свои руки исполнительный комитет; с этой целью они выставили два очень заманчивых предложения. Первоначальная стоимость пая Кооперативного Товарищества составляла 50 лир, и с этой суммой и исчислялся выдававшийся на пай дивиденд, доходивший до 1½ лир на пай. В настоящее время, однако, каждый пай стоит 600 лир. „Патриоты“ обещали, что в случае избрания их кандидатов, дивиденд будет выплачиваться на каждый пай в таком же процентном размере, но по расчету не на 50 лир, а на 600. Они обещали также, что Кооперативное Товарищество будет продавать свои товары только членам товарищества, и это обещание представляется особенно важным, так как, в виду значительного недостатка припасов, прекращение отпуска товаров посторонним лицам означало бы для членов товарищества возможность получать припасы в большем количестве. Несмотря, однако, на все эти приманки, кандидаты социалистической партии были избраны подавляющим большинством голосов; за них голосовало более ¾ общего количества избирателей.

Союз имеет также детские колонии в Альпах и на морском берегу, где дети членов союза содержатся бесплатно. За невозможностью поместить там всех желающих, между ними делается выбор на основании медицинского освидетельствования.

Камера Труда располагает большим зданием, в котором помещаются все центральные учреждения перечисленных организаций. Там же имеется один большой и несколько малых зал для собраний, кафэ и театр на 1200 мест, находящийся в ведении Кооперативного Товарищества, и принадлежащая Товариществу библиотека. В здании находится бюро социалистической партии, организации социалистической молодежи, профессиональных союзов, Mutua и Кооперативного Товарищества; тут же есть доктор и глазной врач от Mutua, акушерки, которые оказывают помощь роженицам и могут

быть вызваны отсюда во всякое время дня и ночи. Здание очень величественное, и у английских рабочих нет ничего ему подобного. По вечерам весь дом переполнен рабочими, а кафэ, где можно получить чай, кофе, пиво, вино, мороженое и проч., всегда битком набито. Чувствуется, что здесь собираются не случайные праздные посетители, а что сюда, как домой, приходит туринский рабочий: здесь протекает целая часть его жизни, здесь совершается целый этап его развития.

Каждый из 25 Туринских социалистических клубов представляет собою подобный же местный центр, также объединяющий движение рабочего класса, но лишь в меньшем масштабе, чем центральная Камера Труда. Мне довелось посетить один из таких клубов в Сан-Паоло. В самой большой комнате танцевали, в соседнем помещении играли в карты. В следующей комнате члены клуба выбирали себе книги в местной библиотеке. На большой плоской крыше, среди зелени, были расставлены чайные столики. В помещении бюро висели портреты членов клуба, убитых во время Туринского восстания. Сан-Паоло является одним из наиболее революционных центров Турина и его шутку называют даже „республикой Сан-Паоло“.

В Турине большинство социалистов стоит за советы и убеждено в необходимости вооруженного восстания. В тот вечер, когда мы были в Камере Труда, там происходил митинг, на котором обсуждался вопрос о военной организации рабочих.

В социалистическом движении Италии наблюдаются следующие три главных течения.

1. Есть люди, которые верят в осуществление социализма парламентским путем и поэтому стремятся к тому, чтобы социалистическая партия получила большинство мест в парламенте.

2. Другие хотят учреждения советов и парламентскую деятельность желают использовать исключительно в целях пропаганды. Они находят, что социалисты не должны добиваться получения большинства в парламенте, и считают, что в конце концов вооруженное восстание окажется необходимым.

3. Третьи, наконец, считают нужным совершенно воздерживаться от парламентской работы, направляя в настоящее время всю энергию на подготовку советов и вооруженного восстания.

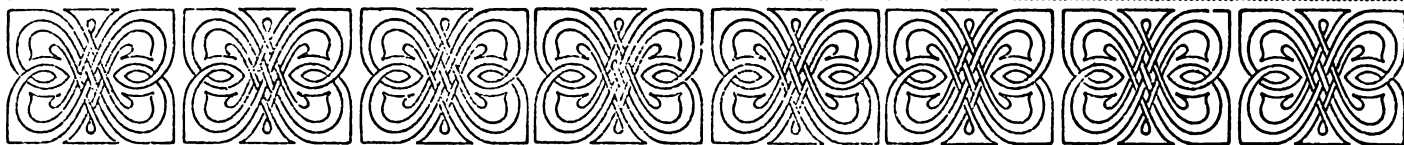
В Турине преобладают два последние направления, но важно отметить, что все три течения представлены в одной и той же социалистической партии.

Секретарь Туринской социалистической организации Пьетро Рабуццана и редактор нового еженедельника, стоящего за учреждение советов — „L'Ordine Nuovo“ (Новый строй) — Грамши являются сторонниками участия в парламентской деятельности в целях пропаганды.

Рабуццана и другие находят необходимым установить как общее правило, чтобы непременным условием партийной кандидатуры всех социалистов в члены парламента являлось вручение ими исполнительному комитету партии подписанного ими заявления о выходе из парламента, так чтобы комитет мог во всякое время подать это заявление правительству и таким образом отозвать своего представителя из парламента, если партия найдет, что он отстает от тактики, принятой пар-

ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Стремление профессиональных союзов к международному объединению получило довольно отчетливую форму на первом же конгрессе I-го Интернационала, имевшем место в Женеве, в сентябре 1866 года.

Конгресс не только признал необходимость профессиональных союзов, как средства повседневной борьбы рабочего класса и защиты его интересов от „непрестанных злоупотреблений капитала“, но и подчеркнул, что деятельность профессиональных союзов „должна получить всеобщее распространение путем объединения профессиональных союзов различных стран“.

Вместе с тем, конгрессом, была дана формулировка задач профессионального движения, которая до сих пор для капиталистических стран целиком сохранила свое значение. „Независимо от борьбы, как непосредственного противодействия злоупотреблениям капитала, профессиональные общества должны научиться действовать сознательно, как ядро организации рабочего класса, во имя великого идеала его полного освобождения. Они должны оказывать поддержку всякому социальному и политическому движению, направленному к этой цели, должны смотреть и на самих себя, как на активных борцов и представителей всего своего класса; они должны особенно энергично вставать на защиту наиболее плохо оплачиваемых категорий трудящихся как, напр., сельскохозяйственных рабочих. Это неминуемо привлечет к Ассоциации (т. е. к Интернационалу) всех, еще не вступивших в нее, и проведут во всей обширной массе рабочего класса убеждение, что цель ее отнюдь не узко своекорыстная, а преследующая дело всеобщего освобождения миллионов угнетенных“.

Первая серьезная попытка осуществить в деле постановления женева конгресса была сделана двадцать пять лет спустя, на брюссельском международном конгрессе (август 1891 г.), т. е. в то время, когда предпринимательский интернационал уже получил фактическую возможность оказывать сильное давление на профессиональное движение различных стран.

Именно поэтому конгресс рекомендовал учредить в каждой стране, где это только возможно, национальные рабочие секретариаты—для того, чтобы, „при возникновении где-либо конфликта между трудом и капиталом, рабочие различных национальностей могли быть уведомлены об этом и имели бы возможность принять свои меры“.

Лондонский международный конгресс сделал дальнейший шаг в том же направлении, приняв следующую резолюцию: „Чтобы сделать возможной единую международную профессиональную

деятельность, необходимо организовать в каждой стране особый центральный профессиональный комитет. Эти комитеты должны по возможности собирать статистические сведения о положении рабочего рынка. Они должны сообщать друг другу результаты этих статистических обследований, а также отчеты о выдающихся событиях в профессиональной жизни своих стран. В особенности должны заботиться профес. союзы всех стран о том, чтобы пришлые рабочие становились членами национальных организаций и чтобы они не работали за более низкую заработную плату, чем рабочие местные. При стачках, локаутах и бойкотах профес. союзы всех стран обязаны оказывать друг другу посильную помощь“.

С тех пор международное объединение профес. союзов сделало значительные успехи. Образование международных союзов работодателей, тесно связанных с интернациональными синдикатами и трестами, дало сразу сильнейший толчок развитию взаимного осведомления, взаимного связывания и взаимной помощи между союзами различных стран. Профессиональные комитеты стали теснее связываться для решения общих вопросов, появились регулярные отчеты о международном профес. движении. К началу войны во всех профес. международных объединениях насчитывалось в общей сложности уже около 9.000.000 членов.

И, однако, в недрах международного профес. движения, вместе с огромным ростом его, создались взаимоотношения, которые еще к началу войны привели к почти полному разрыву международной связи и к взаимному противопоставлению союзов и их объединений различных стран, как враждебных, готовых вооруженною рукой защищать свои собственные узкие интересы.

Уже тогда интернациональные организации профессиональных союзов были насыщены враждебностью, подсказанной непрерывною борьбою между капиталистическими странами за господство на международном рынке. На каждом международном конгрессе металлистов, кожевников, текстильщиков, деревообделочников происходили ожесточенные схватки из-за вопроса о том, где должен находиться центр, в—Лондоне, Париже, Берлине, Брюсселе или Женеве. Французские делегаты обвиняли немецких в стремлении захватить в свои руки все и навязать свою гегемонию всему миру, немецкие,—не стесняясь, обвиняли французов в неспособности к организации, английские трэд-юнионы были постоянным предметом нападок за их замкнутость и аристократичность.

И в этой постоянной борьбе за господство—которая, что вполне естественно, во многом со-

К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ ФРАНЦИИ.

Товарищи!

Ни один народ в мире не приносил столько жертв, как наш, на алтарь чудовищного идола, называемого отечеством. Ни один народ не переживал в своей стране таких ужасов опустошения, разрушения и смерти. Несчастливая Франция представляет собой сплошную открытую рану. Она потеряла своих лучших сынов. Ее самые богатые провинции разгромлены. Она обременена тяжестью непомерных долгов. Ее некогда блестящие финансы, делавшие ее раньше мировым банкиром, сейчас в полном расстройстве. Победоносная Франция выходит из империалистской бойни 1914—1918 г. разбитой в гораздо большей степени, чем побежденная Германия. Ни в одной стране война не обнаружила с такой ужасающей ясностью всю жестокость, глупость, все безнадежное неумение и бессилие правящих классов. Ни в одной стране банкротство буржуазной демократии и неизбежность революции не являются столь очевидными.

Не смотря на блестящую победу и на беспощадный мир, чреватый новыми войнами, экономический и политический кризис развивается, угрожая катастрофой. В промышленности полный развал. Топлива и сырья не хватает. Безработица все растет. Дороговизна осуждает трудящихся на физическое ослабление. Дальнейшее существование капиталистического строя повлекло бы за собой не только усиление невыносимого гнета и эксплуатации рабочих и крестьянских масс, но и увеличение создавшегося хаоса и окончательное разложение всего общественного организма. Теперь становится очевидным, что финансовая олигархия, правящая через своих парламентских лакеев и находящаяся уже в конфликте с капиталистами Англии и Америки, если эта агония ее еще продлится, неизбежно ввергнет народ в новую кровавую авантюру и приведет цивилизацию к окончательной гибели.

Против всех этих зол есть только одно средство, это—Революция. Чтоб избежать нищеты, голода и смерти, рабочему классу остается лишь одно: взять власть в свои руки. Только трудящиеся массы, руководимые и толкаемые вперед организованным, сознательным и боевым промышленным пролетариатом, способны положить конец борьбе классов посредством систематического подавления буржуазии и борьбе наций посредством упразднения границ; только они могут спасти и возродить человечество, содействуя организации международного сотрудничества рабочих, которые своими планомерными и построенными на научных данных усилиями сумеют восстановить все разрушенное войной и дать чудотворный толчок развитию производительных сил.

Внимательное наблюдение фактов действительности заставляет каждого здравомыслящего человека признать спасительную неизбежность развития пролетарской революции.

Зажженный в Петрограде и Москве пожар пылает уже и по всей Европе. Ход истории заставил русский народ первым порвать свои тяжкие цепи. Опираясь на опыт Парижской Коммуны, Российская Коммунистическая партия (большевики) стала во главе освободительного движения в тот момент, когда социал-соглашатели заодно с буржуазией замыслили раздавить революцию. Коммунистическая партия выковала мало по малу в огне битв и при свете фактов новое оружие, она создала новую армию, которая обещает победу пролетариям всего мира.

В начале марта 1919 года первый конгресс Коммунистического Интернационала, приняв тезисы русского большевизма, еще раз заявил, что только диктатура пролетариата способна сломить экономическое и политическое сопротивление эксплуататоров, уничтожить государственный аппарат буржуазии, с корнем вырвать все прошлое и довести до конца успешное строительство Социалистического Общества.

Коммунистический Интернационал подчеркивал, кроме того, что буржуазная демократия, демократия рабовладельцев, есть не что иное, как диктатура буржуазии, т. е. насильственное подавление большинства ничтожным меньшинством эксплуататоров. Он заявлял, что первым неизбежным этапом по пути к коммунизму является диктатура пролетариата, т. е. переходная форма государства, необходимая для насильственного и быстрого подавления эксплуататоров громадным большинством народа.

Коммунистический Интернационал заявлял, что парламентская система буржуазной демократии на деле отстраняет массы от власти, составляющей монопольную привилегию нескольких банковских и промышленных королей, между тем, как пролетарская демократия при Советском строе, наоборот, постепенно призывает всех рабочих и крестьян к действительному участию в управлении государством.

Диктатура пролетариата и Советская Республика—эти два лозунга, выдвинутые Российской Коммунистической партией и начертанные золотыми буквами на красном знамени III Интернационала, — скоро завоюют весь мир.

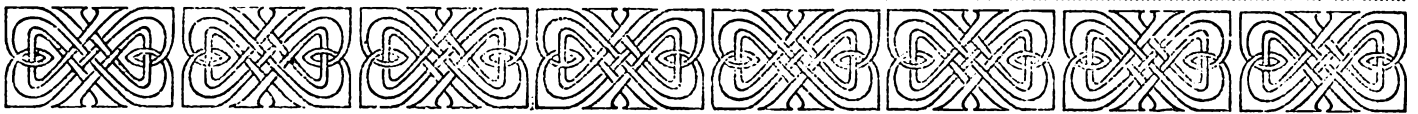
Впечатление, производимое на трудящиеся массы этими лозунгами, таково, что вожаки старых социалистических партий и официальные социал-демократы, развращенные реформизмом и оппортунизмом, вынуждены теперь открыто признать свою измену, переходя на службу к буржуазии, или же отказаться от своих несбыточных надежд на разрешение социального вопроса сотрудничеством классов.

На конгрессах в Люцерне и Берне жрецы Второго Интернационала показали себя такими, каковы они есть, т. е. людьми неспособными или глупыми, лицемерами или трусами. Расколовшийся

+ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС В ГЛАЗГО.

Очередной конгресс британских тред-юнионов на этот раз почти открыто примкнул к большевизму. В Глазго раздались в свое время первые протесты рабочих против войны, и позже здесь же началось движение в пользу русской революции. На следующий же день после обнародования амнистии, весь бассейн Клайда был охвачен грандиозной забастовкой рабочих, решивших во что бы то ни стало добиться сокращения рабочего дня до сорока восьми часов в неделю. В Глазго выходят также самые боевые революционные газеты: „Социалист“ (The Socialist), орган „Социалистической Рабочей Партии“ (L. S. P.), влияние которой все увеличивается и „Рабочий“ (The Worker), орган Рабочих Комитетов. Эти газеты все время смело продолжали вести революционную борьбу, несмотря на непрекращающиеся преследования со стороны правительства: тюремные приговоры, ссылку, конфискацию газет, воззваний и т. д.

Еще до открытия конгресса ясно видно было, что теперь времена уже не те: официальный прием членов конгресса городскими властями, до сих пор бывший прочно установившимся обычаем, на этот раз не состоялся. На митинге, организованном на ряду с конгрессом, Гендерсону и Томасу не дали говорить; их слова были заглушены пением „Красного Знамени“ и возгласами в честь Ленина и Троцкого.

На конгрессе прежде всего выступил Броунли, председатель союза металлистов, с объяснениями по поводу своего письма к Боуерману, опубликованного в свое время в газетах и наделавшего не мало шума; письмо это было написано в столь излюбленном французскою Генеральною Конференциею Труда духе: „максимум производительности при минимуме времени“ и т. д.—причем владельцы предприятий, конечно, особенно настаивают на максимуме производительности,—Броунли в своем письме намекал на саботаж со стороны рабочих, и это создало ему в буржуазной публике громадный успех, еще более раздутый капиталистическими газетами.

Но на конгрессе этот успех превратился в позорное поражение. Броунли тщетно пытался уверить, что его не так поняли; другие делегаты не дали ему говорить, все время перебивая его ироническими возгласами, а Бен Тернер, представитель ткачей, прямо сказал ему: „Броунли, мне не нравятся ваши союзники. Для того, чтобы предотвратить государственное банкротство, надо прежде всего совершенно искренно раз навсегда отказаться от всякого вмешательства в дела России, а не бросать на ветер каждый день по 75 миллионов. Все человечество взывает к новому обществу классу. Оно не хочет долгие терпеть власть тех, что стремятся взвалить на плечи рабочих еще более тяжелый принудительный труд и усилить их производительность ради увеличения своих собственных прибылей.“

Речь Смилли.

После этого инцидента выступил Смилли, который сумел тотчас же выдвинуть вопрос, вызвавший самые живые дебаты, — он сказал:

„Я уверен, что в этом собрании найдется немало людей, которые стали бы оспаривать тот факт, что существующее сейчас у нас правительство удерживает власть в своих руках лишь благодаря лжи и обману. Оно ввело в заблуждение всю страну, отказавшись от осуществления той программы, на основе которой оно получило власть. Правительство, нагло нарушившее взятые на себя обязательства, должно быть свергнуто, даже если бы это было рабочее правительство“.

Затем Смилли, сделав исторический обзор деятельности Тройственного Союза и указав на бездействие Парламентского Комитета, сказал:

„Я полагаю, что Парламентский Комитет потерял доверие рабочих масс. Люди, входящие в состав Комитета, должны были быть выразителями мощи нашего движения. В своих переговорах с правительством они должны были обнаружить достаточно силы для того, чтобы заставить правительство уважать волю рабочих. Правительство обращает слишком мало внимания на обыкновенные заявления рабочих и на депутации от рабочих, являющиеся к нему.“

„Вопрос о блокаде, обрекающей тысячи женщин и детей на голодную смерть, и вопрос об интервенции в России,—эти два вопроса уже сами по себе оправдывали бы созыв специального конгресса. Мне могут возразить, что это—вопросы чисто политического характера, но я утверждаю, что самым важным вопросом для рабочих всего мира является в настоящую минуту вопрос об интервенции. (Аплодисменты). Если бы капиталистическому правительству удалось задуть социалистическую власть в России — чего никогда не будет, — то наши патриоты — капиталисты, нажившие миллионы за время войны, немедленно принялись бы за эксплуатацию несметных природных богатств России с помощью дешевых рабочих рук и наводнили бы рынок своими изделиями.“

„Одной этой перспективы было бы достаточно для того, чтобы созвать наш конгресс. Но вот мистер Черчилль выступил с какими-то заявлениями по поводу интервенции и всеобщей воинской повинности, и парламентский комитет этими заявлениями вполне удовлетворился“.

Роберт Вильямс, представитель рабочих по транспорту, горячо поддерживал Смилли. Клайнс, бывший министр продовольствия, пытался довольно ловким маневром спасти положение Парламентского Комитета, но это ему не удалось, и большинством 2.586.000 голосов против 1.876.000 отчет Комитета о своей деятельности был отвергнут. В указанное

АМЕРИКА И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Русская февральская революция была радостно встречена американской капиталистической прессой. Свержение царизма удовлетворяло традиционную идеологию широких кругов, пролагая путь для политики открытой поддержки отныне сплошь „демократической“ Антанты. И, что еще важнее, совершившийся переворот сулил американской буржуазии существенные материальные выгоды.

Франция и Англия были связаны со старым режимом самыми тесными финансовыми, экономическими и политическими узами и неизбежно должны были явиться перед новым буржуазным правительством в роли старых ростовщиков. Всякое дальнейшее вмешательство этих держав в финансово-экономическую жизнь России могло иметь в своей основе исключительно старые обещания и обязательства, на которые новая, хотя бы и буржуазная, Россия не могла не смотреть, как на помеху развитию страны.

Совсем иное положение занимала по отношению к новому строю в России юная Америка, для которой вывоз капитала и изделий промышленности лишь в самое последнее время стал жизненным вопросом. Здесь не было политических трений из-за Балкан, Константинополя, Персии, Афганистана и т. д., и не существовало никаких финансовых притязаний, промышленных концессий или обещаний. Поэтому-то Северо-Американские Соединенные Штаты могли надеяться, что новое буржуазное правительство в первую голову приберет к помощи американского капитала для развития неограниченных экономических возможностей России.

Радость американской прессы и капиталистических кругов была таким образом вполне искренна. Тут же была составлена комиссия, с реакционером Рутом во главе и парой „социалистов“ в хвосте, для исследования эксплуатационных возможностей и для скорейшего заключения соответствующих договоров. Была сформирована также целая железнодорожная бригада для того, чтобы благотворная деятельность Америки могла быстро и беспрепятственно излиться на огромную страну.

Представители финансового капитала и их приспешники сочувственно относились к Керенскому, пока видели в нем того сильного человека, который с помощью американского золота сумеет спасти положение — в интересах капитала. Для этого Россия должна была продолжать войну с Германией не только потому, что конкуренция победоносной Германии могла иметь роковые последствия для американских интересов в России и Сибири, но — главным образом — по соображениям общей мировой политики.

В виду этого, дальнейшая решительная поддержка Керенского сына обусловлена тем, что в назначенный срок он должен начать наступление против Германии. Этим требованием Вильсон ду-

мал обеспечить, с одной стороны, непосредственные интересы американского капитала в России, а с другой — политическую позицию Керенского и всей русской буржуазии.

После решительного краха этого наступления, во мнениях общества и прессы наметился резкий перелом. Игра на время была проиграна. Америке предстояло от прежних военных интриг против Германии перейти к военным действиям против нес, и вся ненависть американской буржуазии, разумеется, обратилась против большевиков.

Когда последние в ноябре захватили власть и вскоре распустили Учредительное Собрание, ярость американцев умерялась только уверенностью, что всему этому „безобразию“ скоро придет конец.

Не меньше сетований на „антидемократический роспуск народного парламента“ раздавалось и со страниц американской социалистической прессы, как напр., — полуофициального органа социалистической партии „Call“, и в особенности — из уст сочувствующей социалистам интеллигенции.

Лево-социалистическая „Лига Социалистической Пропаганды“ энергично защищала разгон Учредилки, а основанный ею при содействии русских товарищей „Комитет большевистской информации“ издал несколько прокламаций, разъяснявших политику юной Советской Республики.

На широкие массы американских рабочих, и без того скептически, а то и прямо недружелюбно относившихся к парламентаризму, энергичная и последовательная политика большевиков произвела поистине могучее впечатление. Всякие сообщения о том, что происходит в Рабоче-Крестьянской России, всякие собрания и печатные произведения на эту тему встречались с восторгом, и приходится только пожалеть о том, что как раз в первое время после октябрьской революции силы русских товарищей и активных американских коммунистов были слишком слабы и плохо организованы для того, чтобы в полной мере использовать это благоприятное положение.

Американские рабочие правильно оценили и Брест-Литовский мир.

Разумеется, капиталистическая пресса постаралась воспользоваться ситуацией для создания анти-большевистского движения. Но как первоначальный отказ Троцкого подписать мир, так и его позднейшее заявление, что принятый под давлением обстоятельств договор будет недолговечен, произвели в Америке сильное впечатление. Когда затем Троцкий приступил к организации Красной Армии, энтузиазм в Соединенных Штатах был так велик, что возникло даже течение в пользу посылки в Красную Армию американских добровольцев.

На устроенных по этому поводу Лигой Социалистической Пропаганды митингах каждый раз записывались сотни желающих отправиться в Рос-

сию и вступить в ряды Красной Армии. Как раз в это время американское правительство серьезно подумывало о признании Советской Республики, имея, конечно, затаенное намерение исподволь разрушить ее посредством контр-революционной пропаганды и интриг, а также путем спекуляции на продовольственных затруднениях.

Симпатии американских рабочих к революционным методам коммунистов, равно как и сила Советской Республики, роявившаяся, между прочим, в полном достоинства ответе 3-го съезда Советов на приветствие Вильсона, удержали тогда американских капиталистов от такого опасного для них эксперимента. Вместе с тем была потеряна надежда на возможность активной поддержки Красной Армии со стороны американского пролетариата.

На вопрос, будет ли разрешена отправка красных добровольцев в Россию, правительство Соединенных Штатов ответило, что помощь России может быть оказана только в форме записи в американскую армию, отправляющуюся на французский фронт.

Вскоре затем последовало соглашение с Японией относительно общих действий в Восточной Сибири; тогда же Америка приняла активное участие в военных операциях в Архангельске и в политике окружения и медленного удушения юной социалистической республики.

Между тем, революционное движение среди американских рабочих продолжало расти как под влиянием русских событий, так и благодаря их собственному опыту, и правительство сочло нужным вступить в борьбу с непосредственно угрожавшей ему опасностью.

Лига Социалистической Пропаганды сменилась более крупной организацией, получившей название „Левое Крыло Социалистической Партии“ — (Left Wing Section of the Socialist Party), из которого, в свою очередь, и выделилась американская коммунистическая партия, как секция III Интернационала.

Промышленные рабочие, входящие в „I. W. W.“ („Индустриальные Рабочие Мира“), стоят также на революционной точке зрения, и очередным организационным вопросом в этой организации является объединение обеих названных партий для совместной революционной борьбы.

Немалую услугу революции оказала своими позорными действиями и продажная американская юстиция, заточившая в тюрьмы тысячи революционных борцов. Принявшая небывалые размеры безработица, непрерывный рост цен на предметы первой необходимости и влияние русской проле-

тарской революции подготовили и в Америке благоприятную обстановку для решительной классовой борьбы.

Империалистическая политика Вильсона, направленная в первую очередь к достижению ближайших целей американского капитала; пан-американские стремления, соглашение с Японией о разделе китайской добычи, расчеты на английскую политику в Европе, непосредственное использование русских условий, хотя бы ценою признания Советского правительства — все это кажется уже слишком недостаточным для деятелей американских синдикатов.

Могучие силы американского империализма, точно так же, как и внутреннее положение Америки, толкают американскую буржуазию на путь новой, более грандиозной политики. Вильсон подвергается резкой критике за свою политику, направленную к усилению Японии и Англии без достаточной, соответствующей обстоятельствам, компенсации для Америки, и уже слышны голоса против ратификации версальского мира.

Все еще колеблющаяся политика Вильсона должна неизбежно смениться более дальновидным и последовательным империалистическим курсом. Это повлечет за собою конфликт с Японией и, в последнем счете, и с Англией.

Для внутренней политики это означает, дальнейший и более глубокий раскол между подкупленными буржуазией верхними слоями рабочих и широкими эксплуатируемыми массами, беспощадное подавление массового движения и преследование отдельных революционных вождей, беспощадную травлю коммунистов и революционных синдикалистов (I. W. W.).

Что касается начатой при поддержке Америки политики прямого (посредством посылки войск) англо-французского вмешательства в дела России, то здесь получился полнейший крах. Все чаще слышатся голоса, особенно в Америке, о необходимости взяться за дело разрушения рабоче-крестьянской России изнутри, при чем предполагается возобновление хозяйственно-торговых сношений с ней. Мир, даже самый посредственный, между Республикой Доллара и Советской Республикой мыслим разве только при условии сильнейшего давления со стороны американского пролетариата. По всем признакам последнее не заставит себя долго ждать. И тогда наступит конец владычеству американского капитала и будет обеспечена победа мировой революции.

С. Ю. РЕТГЕРС.

ГЕРМАНСКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

Тактическая программа нашей партии создана в самой борьбе. Она отразила в себе настойчивое стремление сознательных элементов рабочего класса к полной ясности в принципах и в тактике революционной борьбы, создавшей новые условия, совершенно отличные от тех, в которых мы привыкли бороться. Об основном вопросе современной революционной борьбы, о диктатуре пролетариата, в программе этой говорится следующее:

„Она (т.е. Независимая Социал-демократическая Партия) стремится к диктатуре пролетариата, являющегося представителем значительного большинства народа, как к необходимому предварительному условию для осуществления социализма“.

Этот пункт, имеющий столь решающее значение, в различных кругах партии получает различное толкование в зависимости от существующих взглядов на диктатуру пролетариата и возможность ее осуществления. Одни признают диктатуру пролетариата лишь в том случае, если она вместе с тем фактически является диктатурой большинства, т.е. если большинство народа желает этой диктатуры. Такой взгляд в сущности сводится к признанию демократического принципа. Другое направление исходит из того взгляда, что диктатура пролетариата возможна лишь в том случае, когда она опирается на большинство рабочего класса. Представители этого направления упускают из виду, что революционные движения никогда не делаются, — они сами возникают снизу, когда напряжение достигает такой силы, что самые активные элементы пролетариата неудержимо толкаются вперед. Совершенно нелепа та мысль, что будто бы революцию можно начать по собственному усмотрению как раз тогда, когда вы убеждены в том, что за вами последует безусловное большинство рабочего класса. Когда революция уже разразилась, то успешно довести ее до конца можно только посредством диктатуры пролетариата, хотя бы даже на первых порах это была диктатура меньшинства пролетариата. Ни одной революцией никогда еще не руководило огромное большинство, напротив того — активную роль всегда играло исполненное решимости меньшинство. Только уже в процессе революционной борьбы, только посредством диктатуры решительно используя достигнутые успехи, передовые ряды борющегося пролетариата могут увлечь за собой большинство.

Пролетариат в самом широком смысле этого слова фактически и составляет большинство народа. В программе не говорится, что диктатура пролетариата есть диктатура большинства народа; там сказано лишь, что пролетариат является представителем большинства народа. Однако, именно к этому пункту программы относятся толкования указанных двух течений, и действительно пункт этот допускает различные толкования. Предстоящий съезд

нашей партии должен будет точно установить, отвечают ли эти толкования воле партийного большинства. Признание диктатуры пролетариата, с такими оговорками, какие делают представители этих двух течений, отнюдь еще не есть действительное признание. Впрочем, самое авторитетное толкование не может заменить вполне ясный текст. Для достижения полной ясности необходимо, поэтому, чтобы в указанном месте программы слова „являющегося представителем значительного большинства народа“ были вычеркнуты.

Диктатура пролетариата во время или накануне революции является требованием не отдаленного будущего, а текущего момента. Революционная партия в такой момент, как сейчас, должна сконцентрировать всю свою деятельность не на том, чтобы в рамках существующего государственного строя добиваться успехов, приближающих ее к этой цели, а на непосредственном достижении самой цели. Соответственно этому и ее настоящие требования не должны отставать от этой главной цели. При открытии Национального Собрания, Германская Независимая Соц.-д. Партия боролась не за советскую власть, а за включение советов в конституцию, за достижение невозможного компромисса между буржуазной демократией и советской властью. Только движение снизу заставило вожаков партии сделать еще один шаг вперед. Тактическая программа, на ряду с требованием о включении системы советов в конституцию, выдвинула также требование о решающем влиянии советов. Осуществление этого требования привело бы к тому, что буржуазные парламенты и советы существовали бы рядом друг с другом, при чем парламенты были бы низведены к роли совещательных органов. Но в революционную эпоху подобное положение совершенно невыносимо. Буржуазия непременно попыталась бы сделать из этих совещательных парламентов новое орудие борьбы за власть, и пролетариат был бы вынужден немедленно же покончить с ними.

Формулировка пункта I-го ближайших требований Независимой Соц. Партии представляет собою пережиток тех воззрений, по которым наиболее удобный путь к социализму ведет через парламентаризм. Из принципиального признания диктатуры пролетариата следует, что для достижения полной ясности необходимо на место вносящих путаницу требований о включении системы советов в конституцию и о решающем влиянии советов поставить следующее ясное требование: Создание в единой Германской республике конституции, построенной исключительно на принципе советской власти, создание экономической конституции на основе заводских советов, причем высшему органу этих советов

ИНТЕРНАЦИОНАЛ УМИРАЮЩИЙ И ИНТЕРНАЦИОНАЛ ВОСХОДЯЩИЙ.

На январь 1920 года II-ой „Интернационал“ подготавливал свой парадный конгресс в Женеве. Официальные трубадуры этого желтого сообщества с озабоченным видом вели подготовительную „работу“ к этому конгрессу, делая вид, что все обстоит благополучно. Надо только съехать в Женеву, там выработать новую пространную резолюцию, и тогда пойдет уж музыка не та. Бедняги! Им, видимо, и невдомек, что приходят их последние дни. Они не замечают, что их II-ой Интернационал, в сущности говоря, уже приказал долго жить.

Так, чахоточный больной иной раз накануне самой смерти неожиданно подымается с постели и начинает строить самые радужные планы на будущее. А в это время смерть с косою стоит уже у него за плечами,

В последнюю минуту, однако, вожди II Интернационала раздумали и сочли за благо отложить назначенный ими было в Женеве конгресс до осени 1920 года. Еще проще было бы, господа, отложить ваш съезд—*ad calendas graecas* (до греческих календ). Господа Каутские и Гендерсоны, Гюисмансы и Носке надеются, что за весну и лето 1920 года колесо истории повернется назад. Тщетная надежда! Если Европа будет и впредь революционизироваться с такой быстротой, как это было в последние два года—а на это есть основание надеяться—то к тому времени, когда господа социал-демократы назначили теперь свой конгресс, белым саваном покроются останки второго „Интернационала“. А Коммунистический Интернационал будет править уже значительной частью всего мира.

Второй Интернационал обречен. Ни горный воздух Швейцарии, ни знахарство социал-шовинистского ученого „доктора тибетской медицины“ херра Каутского, ни даже шпага военного „специалиста“ II-го Интернационала, г-на Носке, не спасут его.

Трудно представить себе атмосферу большего распада и большей гнили, чем та атмосфера, которою окружен теперь пресловутый Второй Интернационал. II-й Интернационал нынешней его эпохи декаданса представляет собою поистине малопривлекательное зрелище.

Пара примеров.

Известно, что Исполнительный Комитет II-го Интернационала до войны 1914 года заседал в Брюсселе. Председателем этого Исполнительного Комитета был г. Вандервельде, один из самых авторитетных представителей II-го Интернационала. Секретарем Исполнительного Комитета, ближайшим сотрудником и соратником Вандервельде являлся его товарищ по партии Камилл Гюисманс. С первым выстрелом в 1914 году оба эти, с позволения сказать, социалиста перешли на сторону „своего“ короля Альберта и тем самым на сторону империализма Антанты. Однако, Гюисманс на третьем или

на четвертом году войны, живя в полуэмиграции в Голландии, имел неосторожность написать пару безобидных статей, в которых робко намекал королям биржи на то, что, пожалуй, пора прекратить их „освободительную“ войну, которая к тому времени уже стоила европейскому пролетариату не один миллион человеческих жизней. Этого жалкого лепета робкого протестанта оказалось достаточно для того, чтобы Гюисманс объявлен был... „пораженцем“. И что же? Теперь война кончилась. Король Альберт со своей венценосной супругой совершил торжественное вступление в Брюссель. II-ой Интернационал, как известно, в Берне „восстановлен“. Г. Вандервельде является по-прежнему сановной особой II-го Интернационала. Но этот самый г. Вандервельде, кроме своей профессии вождя II-го Интернационала, имеет еще одну побочную профессию: он является министром юстиции в буржуазном правительстве „своего“ короля Альберта. И вот, в качестве такового, г. Эмиль Вандервельде не так давно привлек к судебной ответственности своего ближайшего товарища, секретаря II-го Интернационала Гюисманса, за то, что тот в свое время в Голландии писал „пораженческие“ статьи. Разве это не зрелище для богов?

Мы не знаем еще, чем кончится этот замечательный судебный процесс. Но достаточно того, что он возник.

Или вот другая фигура, олицетворяющая II-ой Интернационал во Франции. Мы говорим о г. Альберте Тома.

Альберт Тома издавна является крупнейшим представителем II-го Интернационала во Франции. Альберт Тома рядом с г. Реноделем является признанным вождем французских социал-патриотов. Альберт Тома, как известно, во время войны приезжал два раза в Россию. Один раз он был принят бывшей императрицей Марией Федоровной, был обласкан придворными фрейлинами и удостоился поощрения со стороны „самого“ Григория Распутина. Другой раз Альберт Тома приезжал в Петроград, когда у власти стояли Керенский и Чхеидзе с Милюковым, и встретил очень ласковый прием со стороны русских банкиров и идейных вдохновителей Колчака и Деникина. Втечение войны Альберт Тома около двух лет исполнял должность военного министра в буржуазном французском правительстве. Теперь Альберту Тома дана отставка—за ненадобностью. На досуге Альберт Тома опять занялся „социализмом“. Но всетаки его бывшие хозяева не совсем забыли своего верного слугу. Совсем на днях радио сообщило о том, что Альберт Тома удостоился назначения на пост... кого бы вы думали? Одного из старших помощников секретарей пресловутой Лиги Наций, т. е. той самой империалистской организации, которая

создана грабителями Антанты на предмет вящего удушения рабочего класса всего мира.

В свое время Карл Каутский приговождал к позорному столбу известного американского социал-предателя Самуэля Гомперса за то, что этот последний одновременно являлся председателем рабочих тред-юнионов и товарищем председателя союза хозяев. Когда Самуэль Гомперс приезжал, помнится в 1910 году, в Берлин, Каутский поместил в „Neue Zeit“ по этому поводу насмешливую статью, которую заканчивал ироническим приветствием: добро пожаловать, г. председатель союзов рабочих, скатертью дорога, г. товарищ председателя союза хозяев!

Мы напоминаем об этом инциденте г. Каутскому и надеемся, что и теперь, когда его ближайший товарищ по II-му Интернационалу, г. Альберт Тома вздумает посетить столицу Носке, Шейдемана, Каутского и Людендорфа—Каутский опять напишет статью, которую закончит словами: добро пожаловать, великий вождь II-го Интернационала, скатертью дорога, г. делопроизводитель разбойничьей Лиги Наций!...

Еще только две иллюстрации.

Эберт, как известно,—председатель и вождь германской социал-демократии, участвующей во II-ом Интернационале. Науэнское радио от 26-го декабря 1919 г. сообщает:

— Президент Эберт послал приветственную телеграмму, полную горячих пожеланий, Бреславльскому епископу по поводу его назначения кардиналом. Недурно?..

Уже упомянутый нами Карл Каутский, как известно, являлся теоретическим главой II-го Интернационала. Он остается главным теоретиком этого почтенного общества и теперь. Каждому сознательному европейскому рабочему известны „теоретические“ выступления Каутского против Советской власти в России, против коммунистов Германии и всего мира. Известно, что статьи Каутского, направленные против Российской Советской Республики, помещаются вместо передовиц в газетах, издаваемых Деникиным, Колчаком и другими черносотенными царскими генералами. Этот же самый Каутский не так давно выпустил нашумевшую книжку „Терроризм и коммунизм“, которая на страницах нашего журнала подверглась уже обстоятельному разбору. Только один перл из этой книжки приведем мы здесь. Для вящего посрамления большевиков Каутский в своем „научном“ исследовании (которое с обычной для Каутского осповательностью трактует вопрос, начиная со времен Адама) сообщает, что в крупных городах Советской Республики, как это удалось ему, Каутскому, установить с документами в руках, происходит... национализация женщин*).

Вот до какой степени падения дошли эти бывшие люди, которые являются теперь лучшими идейными представителями умирающего II-го Интернационала. Большую степень вырождения трудно себе представить.

Борьба между Вторым и Третьим Интерна-

*). Приведется ссылка на какого-то шарлатана, который в выпущенной в Берлине книжке напечатал глупейший „документ“ в этом смысле. При этом Каутский великодушно оговаривается, что национализация, вероятно, происходит без одобрения вождей большевиков.

ционалом началась с первых же дней империалистской войны. Благословляя империалистскую войну, социал-демократы II-го Интернационала сами рыли себе могилу. Каждый выстрел на европейских полях империалистской войны, каждый залп из 42-сантиметровых орудий расстреливал былую популярность II-го Интернационала.

Втечение первого периода войны III Интернационал переживал свой подготовительный, можно сказать, свой утробный период. Цвет европейских рабочих, преступной рукой брошенных друг против друга, пережил самый резкий идейный кризис. В те холодные осенние и зимние ночи, когда французским, немецким и английским рабочим приходилось лежать в окопах друг против друга и думать тяжелую думушку о том, во имя чего происходит этот ад кромешный, в эти ночи в толще европейского пролетариата зарождалась и крепла мысль о необходимости создания нового, честного международного товарищества рабочих, т. е. III-го Интернационала.

Идейная схватка между II и III Интернационалом близка к окончанию. II-ой Интернационал потерпел полнейший идейный разгром. Во всей его идеологии, насквозь подорванной великими событиями и потрясениями последних пяти лет, не осталось живого места. И теперь столкновения между II и III Интернационалом приобретают уже не только характер идейной схватки, но и характер открытой борьбы с оружием в руках.

Иначе это и быть не могло. Пролетариат восстает против буржуазии с оружием в руках. II-ой Интернационал стоит на той же стороне баррикады, что и буржуазия. Скрестить оружие с буржуазией—значит скрестить оружие со II-м Интернационалом.

Возьмите Германию. Кто является там самым ярким представителем II-го Интернационала? Несомненно, Носке! Носке не только не исключен из рядов II Интернационала,—Носке и его партия являются главной опорой этого II-го Интернационала. А кто является наиболее ярким выразителем III Интернационала в Германии? Несомненно, партия коммунистов, партия, основанная Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, которых убили господа шейдемановцы. Борьба между II и III Интернационалом на германской почве есть открытая борьба с оружием в руках. Германия в этом смысле является страной, в которой столкновения между II и III Интернационалом происходят в классически ясной форме—в такой форме, когда каждому рядовому рабочему становится ясно: II-ой Интернационал есть Интернационал убийц рабочего класса, есть агентура капиталистов, а III-й Интернационал есть Интернационал передовиков-рабочих, решивших умереть или победить капитализм.

В маленьких странах, как Эстляндия, как Грузия, где у власти стоят социал-демократы меньшевики, сторонники II-го Интернационала, и где рабочих коммунистов, сторонников III Интернационала, расстреливают без всякого суда и следствия десятками и сотнями, эта борьба между двумя Интернационалами происходит в столь же классически яркой форме. И, в сущности говоря, такую же картину мы наблюдаем и в Англии, во Франции, в Америке и в Италии. По мере того, как классовая борьба и в этих странах переходит в ее наи-

более острую форму—гражданской войны, картина эта все с большей ясностью будет развертываться перед умственным взором рабочих всего мира...

5 декабря 1919 г. на съезде Независимых социал-демократов Германии в Лейпциге 227 головами против 54 постановлено выйти из II Интернационала и завязать сношения с III Коммунистическим Интернационалом.

Это—факт громадной исторической важности. Это—последний удар прогнившему и погибающему на наших глазах II Интернационалу. От этого удара II Интернационал не оправится. Это—конец II Интернационала.

Кто теперь остается во II Интернационале?

Одни „социал-демократические“ жандармы, одни открытые палачи рабочего класса. Носке— вот подлинный вождь доживающего свои последние дни II Интернационала.

Жрецам бернского „Интернационала“ удавалось до сих пор удерживать в своих рядах некоторое количество рабочих только потому, что „независимые“ и родственные им элементы своим участием во II Интернационале прикрывали наготу социал-предателей Шейдеманов, Реноделей и Ко. Теперь этот фиговый листок сорван. II Интернационал стоит теперь перед рабочими всего мира, как открытый агент буржуазии, как заведомый подпевала разбойничьей „Лиги Наций“. II Интернационал стоит перед всем миром— отверженный всеми честными рабочими, оплеванный всеми сознательными пролетариями. II Интернационал переживает свой баславный конец.

Решение Лейпцигского конгресса Независимых есть величайшая моральная победа Коммунистического Интернационала. Каутский был главным теоретическим вождем партии Независимых и ее основателем. И Каутский же был главным хулителем Коммунистического Интернационала. Каутский превратился в ренегата, в сикофанта, сделавшего своей специальностью клевету и доносы на коммунизм. Что же? Теперь Каутский отвергнут своей собственной партией. От Каутского отвернулась даже та организация, которую он сам создавал. Каутскому остается теперь только одно: открыто перейти в партию Шейдемана.

Мы располагаем еще недостаточным количеством материала, чтобы знать во всех подробностях, как разыгрывалась борьба направлений на Лейпцигском съезде Независимых.

В резолюциях съезда, насколько можно судить по коротким радио, содержится много двусмысленностей. На съезде, повидимому, говорились полубошевистские речи об опасностях „русского влияния“ в Интернационале. Резолюция о немедленном вступлении в III Интернационал собрала лишь немногим более одной трети голосов. В резолюции, принятой большинством, содержится не мало элементов „дипломатии“. И нет никакого сомнения, что среди правых вождей Независимых найдутся охотники „разяснить“ резолюцию так, чтобы от этого получилась польза II Интернационалу. Но, тем не менее, основное сделано. Лед тронулся. Рабочие заставили своих вождей сделать шаг вперед.

Независимая партия Германии насчитывает 750.000 членов. Рабочие, входящие в эту партию, в большинстве своем душой принадлежат к Ком-

мунистическому Интернационалу. Этим рабочих всячески обманывали Каутский и Ко. Их решения саботировали „вожди“. Их волю срывали. Теперь эти рабочие начинают брать реванш.

Решение Независимой Партии Германии окажет громадное влияние на все промежуточные элементы в других странах. Дифференциация пойдет быстрее и во Франции, в Англии, и в Америке. На днях нам довелось познакомиться с газетами, которые издают социал-демократы из Бунда в Польше. До сих пор Бунд в Польше являлся самым ревностным сторонником II Интернационала. Теперь, после решения съезда Независимых в Лейпциге, даже оппортунистический польский Бунд заявляет о необходимости отгородиться от II Интернационала (в статьях известного вождя оппортунистов из Бунда В. Медема). Интимное соседство с Носке не слишком улыбается даже В. Медему!

Польский Бунд, бегущий из II Интернационала! Это уж начинает походить на то, что... крысы бегут с тонущего корабля...

Третьему Коммунистическому Интернационалу почти повсюду, за исключением России, приходится работать нелегально. Нет тех скорпионов, которых буржуазия при поддержке представителей II Интернационала не обрушивала бы на голову коммунистов. Рабочим коммунистам различных стран стоит громадных трудностей подать друг о друге весть. На нашем пути— колючие заграждения, воздвигнутые не только рукой заматерелого убийцы Клемансо, но и руками опытных „дипломатов“ II Интернационала. Нам приходится преодолевать миллион препятствий. И всетаки международное братство рабочих под знаменем коммунизма растет и крепнет с каждым часом. Всего 9 месяцев прошло с тех пор, как в Москве организован был Коммунистический Интернационал. С тех пор наша организация выросла во много раз. Простой перечень формально примкнувших за 9 месяцев к Коммунистическому Интернационалу организаций покажет это достаточно наглядно.

В первом конгрессе Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. в Москве приняли участие 24 партии и организации. С тех пор до нас дошли следующие *) официальные сведения о присоединениях к нашему международному товариществу.

19 марта 1919 г. состоялось постановление Комитета Итальянской Социалистической Партии в Милане о вступлении в Коммунистический Интернационал.

8 апреля состоялось постановление съезда норвежской социал-демократической рабочей партии о ее присоединении к Коммунистическому Интернационалу.

10 мая мы получили сообщение о присоединении шведского социал-демократического союза молодежи к III Интернационалу.

14 июня состоялось постановление конференции левого крыла шведской социал-демократической партии о присоединении к III Интернационалу.

22 июня получено постановление съезда болгарской социал-демократической партии тесняков о том же.

*) Оговариваемся, что нижеприводимые сведения о члене неполны. На самом деле к III Интернационалу присоединилось гораздо большее число партий и организаций. В одной Франции десятки местных организаций заявили о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Но получить точные сведения крайне трудно.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В АМЕРИКЕ.

I. Белый террор.

Год тому назад Соединенные Штаты находились еще в состоянии войны. Лидеры Американской Федерации Труда (The American Federation of Labor), с Самуэлем Гомперсом во главе, обеспечили правительству полную поддержку профессиональных союзов и сами предпринимали поездки в Европу для того, чтобы в интересах международного капитализма всеми мерами способствовать подавлению нарастающего там революционного настроения среди рабочих. Как и в Англии, профессиональные союзы в Америке отказались от большей части своих прав и гарантий и вверили свои интересы правительственному третейскому учреждению, так называемому „Военно-Рабочему Комитету“ (The War Labor Board). Судя по всему, американские трэд-юнионисты были настроены весьма патриотически: они покупали на сотни тысяч облигаций займа свободы, они жертвовали довольно большие суммы в пользу Красного Креста и на всякие военные надобности, они с кулаками набрасывались на всякого, кто отказывался встать при исполнении американского национального гимна.

Казалось, что все протесты против войны замерли. Лидеры социалистической партии, которые под давлением все возраставшего революционного настроения масс были вынуждены издать в С. Луи манифест, призывавший рабочих к массовым демонстрациям против войны, намеренно саботировали практическое осуществление этого плана. Они не только ничего не предпринимали для организации такого движения, но многие из них открыто поддерживали всяческие военные мероприятия правительства. Так, Мейер Лондон, единственный социалист в американском конгрессе, голосовал за официальное обращение Конгресса, обнародованное ко дню годовщины вступления Италии в войну. Социалисты, члены Нью-Йоркского городского управления, голосовали за отпуск кредитов на сооружение триумфальной арки для встречи возвращающихся с фронта войск, при чем на этой арке в ряду других американских побед упоминалась и „победа при Мурманске“. А между тем, в это же самое время сотни рабочих томились в тюрьме за то, что они пытались провести в жизнь намеченную в С. Луи программу; социалистические собрания были запрещены, социалистические газеты были закрыты.

Построенная на синдикалистских началах крупная организация неквалифицированных рабочих, „Индустриальные Рабочие Мира“ (The Industrial Workers of the World) подверглась жестокому преследованию, несмотря на то, что она официально ни разу не высказывалась против войны. Буржуазия инстинктом чувствовала всю опасность этой рабочей организации для нее. Хотя

закон не давал никаких поводов для преследования этой организации, тем не менее с членами ее власти повсюду обращались самым возмутительным образом: их арестовывали, избивали и даже расстреливали. 500 углекопов, состоявших членами этой организации и объявивших забастовку в Аризоне, были высланы в необитаемые местности под надзором стражников, состоявших на службе у капиталистов. Свыше ста вождей организации были приговорены к тюремному заключению на сроки от 15 до 25 лет.

Ссылаясь на условия военного времени, буржуазия ввела белый террор. Закон о шпионаже, направленный против германских агентов, был использован для разрушения рабочих организаций, для ареста социалистов и пропагандистов из среды организованных индустриальных рабочих. За все время войны в исполнение закона о шпионаже было осуждено не более дюжины германских агентов, но зато тюрьмы были переполнены осужденными по этому закону тысячами американских социалистов, среди которых находились Дебс, Гэйвуд и многие другие. Мало-по-малу буржуазия настолько вошла во вкус репрессий, что стала преследовать даже консервативных лидеров социалистической партии вроде Виктора Бергера, Адольфа Гермера и других членов Национального Исполнительного Комитета, которые были приговорены к тюремному заключению. Автор настоящих строк подвергся двукратному осуждению на основании закона о шпионаже, при чем один раз только за то, что он в своей речи цитировал статью из английской газеты „Manchester Guardian“.

Правительство разрешило также белогвардейским буржуазным организациям „задерживать германских шпионов“. Организации эти состояли из фабрикантов, банкиров, студентов и прикащиков. Они носили различные названия, напр. „Лига национальной безопасности“, „Американская лига охраны“, „Американское общество защиты“, „Служители свободы“ и проч. Все эти лиги частных лиц повели самую ожесточенную войну не только против революционеров, но и вообще против всех агитаторов рабочих. Поставив себе задачей—уничтожить все существующие рабочие организации, они терроризировали всех рабочих на фабриках и заводах, у них всюду были свои шпионы, и они добивались увольнения рабочих, проявлявших какую либо деятельность в профессиональных союзах или партийных социалистических организациях. Рабочие должны были покупать заем свободы и делать пожертвования в пользу Красного Креста под страхом расчета; деревенские фермеры также подвергались бойкоту и разорению, если они отказывались покупать заем свободы, хотя бы причиной этого был недостаток средств.

Особенно жестокие репрессии обрушивались на рабочих-иностранцев, в особенности после

русской революции. Был издан особый закон, предоставлявший правительству право высылать из пределов государства „каждого иностранца, который сам призывал или принадлежал к организации, призывающей к ниспровержению правительства или к упразднению собственности“. На основании этого закона сотни иностранцев-рабочих были высланы из Соединенных Штатов без суда и следствия, единственно лишь за то, что они были социалистами или членами организации Индустриальных Рабочих Мира. Самыми опасными из всех иностранцев правительство считало русских рабочих. В Нью-Йорке были арестованы и преданы суду четверо русских юношей и одна русская девушка за издание листка, в котором правительство Соединенных Штатов, посылающее войска в Сибирь, обвинялось в ведении двуличной политики. Один из арестованных юношей, Яков Шварц, был избит до смерти во время допроса в полицейском участке, а остальные четверо были приговорены к 25-летнему тюремному заключению. Полиция четыре раза устранила набег на русский народный дом в Нью-Йорке и совершенно разрушила всю его просветительную работу.

Буржуазная пресса открыла яростную провокационную кампанию против всякой рабочей и социалистической организации и пропаганды. Каждой забастовке она старалась придать характер насильственной попытки ниспровержения правительства. И общеамериканское правительство, и правительства отдельных штатов назначали особые следственные комиссии для выяснения того, что такое большевизм, причем для опроса в эти комиссии вызывались только отъявленные противники Советской власти и заведомые контр-революционеры. Показания этих господ буржуазная пресса помещала на самом видном месте, с кричащими заглавиями, напечатанными треххаршинными буквами. В то же время управляющий почтовым ведомством задерживал совершенно произвольно пересылаемые по почте произведения социалистической и рабочей печати, причем его распоряжения нигде нельзя было обжаловать, да и сам он никому не обязан был давать отчет в своих действиях. Что же касается изданий, выходивших на иностранных языках, то они подвергались предварительной цензуре.

Созданная белым террором атмосфера репрессий дала капиталистам возможность разрушить почти все рабочие организации. Военно-Рабочий Комитет, представлявший собой учрежденную правительством примирительную камеру, находился под контролем либеральных деятелей и весьма сочувственно относился к интересам рабочих. Но, хотя учреждение это всецело опиралось на правительственную власть и постановления его были обязательны для всех, крупные капиталисты решительно отказывались считаться с этими постановлениями, тогда как рабочим в случае неповиновения грозил немедленный же призыв на военную службу, совершенно так же, как в царской России. Дошло до того, что требования профессиональных союзов совершенно перестали соблюдаться и предприниматели начали заменять квалифицированных специалистов, получающих высокую заработную плату, неопытными и несведущими рабочими. Так, например, в союз металлистов входили только высоко-

оплачиваемые опытные специалисты в Бриджпорте, крупном центре производства предметов военного снаряжения, металлисты были объединены в очень крепкую организацию; но за время войны предприниматели набрали плохо оплачиваемых неопытных рабочих, исполнявших за то же время лишь четверть той работы, которую могли выполнить квалифицированные металлисты. Такие приемы предпринимателей сводили на нет всю деятельность когда-то столь сильных профессиональных союзов и лишали их всякого влияния. С другой стороны, несмотря на меры, принимаемые правительством, дороговизна жизни росла с каждым днем, так что даже повышенная во время войны заработная плата оказывалась недостаточной. Являлась необходимость постоянных изменений и поправок, и это порождало нескончаемые недовольства, зачастую выливавшиеся в форму забастовок.

Такие забастовки встречали к себе отрицательное отношение со стороны официальных представителей профессиональных союзов, занимавших высокие посты в правительственной военно-промышленной организации. Эти представители отлично понимали, что забастовки нового типа, объявляемые без разрешения официальных заправил союзов и возникающие на почве солидарности, могут повести к всеобщей забастовке и стать угрозой самому существованию профессиональных союзов, а следовательно и существованию их заправил... В Американскую Федерацию Труда входит ведь до 150 профессиональных союзов, каждый из которых обладает целым штатом хорошо оплачиваемых служащих и заключает с работодателями особые договоры и соглашения.

Когда бастуют члены одного какого-нибудь союза, другие обыкновенно продолжают работать, иногда даже замещают бастующих. Стремление к общим выступлениям, не считающимся с рамками отдельных профессий, к подчинению этих выступлений инициативе и контролю самих рядовых рабочих, угрожало поэтому господству тред-юнионистской бюрократии, и вот последняя открыто перешла на сторону капиталистов и объявила войну „большевизму“. Самуэль Гомперс призвал организованных рабочих к грандиозной кампании против большевизма, и целый ряд союзов, устроивших без разрешения официальных представителей забастовку с требованием повышения заработной платы, подвергся взысканиям и даже исключению из Американской Федерации Труда.

Белый террор не прекратился с окончанием войны. Напротив того, он принял еще более ожесточенный характер. В Соединенных Штатах не существовало заранее выработанного плана восстановления и демобилизации промышленности, и в тот момент, когда было подписано соглашение о прекращении военных действий, вся военная промышленность сразу остановилась, и тысячи рабочих оказались выброшенными на улицу. Одновременно с этим правительственные регулирующие цен на предметы первой необходимости было отменено, и стоимость всех этих предметов одним скачком повысилась до невероятных размеров. Множество предприятий, особенно в текстильной промышленности, сразу же понизили заработную плату, и рабочие оказались вынужденными при-

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РУМЫНИИ.

В настоящем кратком очерке истории социалистического движения в Румынии за последние годы я не буду останавливаться на таких общеизвестных фактах, как промышленная и культурная отсталость Румынии, как малочисленность ее городского промышленного пролетариата (150—160.000 на 6½ миллионов сельского населения), не стану, наконец, говорить и об угнетенном положении забитого румынского крестьянства, влачившего в течение веков рабское существование.

Румыния известна, как страна, в которой на почве самого дикого восточного феодализма за последние 40 лет чрезвычайно быстро и сильно развился капитализм. В течение каких-нибудь 40 лет румынская буржуазия, представленная стоящей у власти либеральной партией, успела пройти через все фазисы капиталистического развития, пережив пышный расцвет и дойдя, наконец, до упадка и разложения, завершившегося полным крахом во время войны. Больше, может быть, чем в какой-либо другой стране, буржуазия в Румынии стремилась использовать все богатства и все силы страны в целях своего личного обогащения; она довела страну в течение нескольких десятков лет до полного разорения, усилив эксплуатацию и угнетение крестьянства и рабочего класса до невероятной степени.

Доведенное до отчаяния крестьянство не раз стихийно восставало против своих угнетателей, крупных помещиков и арендаторов; последнее из этих восстаний, разразившееся в 1907 году и явившееся несомненным отголоском первой российской революции, было зверски „усмирено“ либеральным правительством, расстрелявшим 10.000 крестьян. После этой кровавой расправы, либеральное правительство обещало крестьянству широкие реформы: наделение землею путем экспроприации крупных поместий и всеобщее избирательное право. За три года до войны в Румынии было созвано учредительное собрание, в состав которого не вошло ни одного представителя ни от крестьянства, ни от рабочих. Оттягивание возвещенных реформ и урезывание обещанных законов продолжалось вплоть до мировой войны. Для борьбы с крестьянскими восстаниями был создан многочисленный специальный корпус сельской жандармерии, ставший неограниченным властителем в деревне и отделивший непроницаемой китайской стеной деревню от города. Вторым могущественным орудием, при посредстве которого либеральная буржуазия не только удержала, но даже усилила свою власть над безземельным и малоземельным крестьянством, была организация крестьянских банков, которыми всецело завладели деревенские кулаки. Массовое рабочее движение, как известно, зародилось в Румынии в 1905 году, под непосредственным влиянием российской революции, причем надо заметить, что, несмотря на искусственное происхождение румынского капитализма, крупный капитализм и крупная промышленность в Румынии развились

гораздо быстрее и шире, чем в других балканских странах, например в Болгарии. Рабочее движение носило вначале чисто экономический характер, но затем, после 1907 года, когда правительство прибегло к массовым высылкам рабочих евреев, венгров, румын-трансильванцев и изгнало из страны рабочего вождя Раковского, движение стало принимать политическую окраску. Осенью 1909 года арест Раковского на границе Румынии, совпавший с митингом протеста по случаю казни Феррера, послужил поводом к первому крупному столкновению рабочих масс с полицией; в Бухаресте полицией было избито несколько десятков рабочих, затем были произведены многочисленные аресты, и несколько позже состоялся первый судебный процесс рабочих социалистов. В 1911 г., после падения либерального правительства и принятия парламентом закона о лишении служащих и рабочих в государственных предприятиях права стачек и союзов, организовалась рабочая социал-демократическая партия, объединившая все рабочие социалистические кружки и тесно связанная с организацией профессиональных союзов, стоящих на почве классовой борьбы. На съезде партии, происшедшем в том же году, была принята программа партии, составленная по образцу Эрфуртской программы; особенного интереса заслуживал проект аграрной программы, составленный М. Бужором под руководством Константина Доброжану; в этой части программы партия требовала частичной экспроприации крупно-владельческих поместий (без выкупа) и передачи их в долгосрочную аренду крестьянским общинам, наделения крестьян пастбищами и полного раскрепощения их от таких феодальных повинностей, как принудительная работа на помещиков и т. п....

Теоретик партии, русский эмигрант Константин Доброжану дал блестящий анализ положения румынского крестьянства и подверг уничтожающей критике аграрные реформы либеральной партии в своей книге „Новое крепостное право“ (Neiu bagia), вызвавшей взрыв ярости среди румынской буржуазии и послужившей поводом к ожесточенным нападениям на автора со стороны либеральной интеллигенции.

Румынская социал-демократическая партия придерживалась вплоть до мировой войны строго-легальной тактики, подражая в этом отношении германской социал-демократии. Партия требовала в политической области реформы избирательного права, агитировала во время выборов за своих кандидатов и, кроме того, руководила экономической борьбой профессиональных союзов. Борьба велась, главным образом, посредством партийной прессы, устройства массовых собраний и мирных уличных манифестаций. Никаких соглашений с буржуазными политическими партиями румынская социалистическая партия не признавала. Пропаганда велась исключительно среди городского пролетариата,

среди мелких ремесленников и торговых служащих. Партия не вела никакой агитационной работы ни в армии, ни в деревне. Состав партии был исключительно рабочий (к рабочим мы причисляем ремесленников и торговых служащих). Интеллигентов в партии можно было перечесть по пальцам; те из них, что с самого начала решительно стали под знамя партии, остались верны этому знамени и до настоящего времени.

Мировая война застала партию в периоде внутреннего кризиса и ожесточенных споров об уставе партии. Однако, события угрожавшие существованию всего мирового социализма: потрясающая весть об убийстве Жореса, известие о принятии войны германской социал-демократической партией, о неожиданно проявленном французскими социалистами шовинизме—заставили смолкнуть все разногласия в партии, примирив на время „автономистов“ с „централистами“. Была созвана чрезвычайная конференция, принявшая резолюцию протеста против войны; в резолюции этой объявлялась война войне и провозглашался лозунг борьбы за нейтралитет Румынии; кроме того, в резолюции указывалось на то, что мировая война неизбежно должна привести к социальной революции. С этого момента, а именно с августа 1914 года, и вплоть до 15 августа 1916 года, т. е. до вступления Румынии в войну, все силы и вся деятельность румынской партии направлялись на войну с войной и на экономическую борьбу против вздорожания жизни.

Количественно организация была весьма слаба: партия насчитывала всего около 1.000 членов, и в профессиональные союзы входило не более 10.000 членов. Но в первые два года мировой войны партия мобилизовала все свои силы для самой энергичной пропаганды и, распространяя по всей стране свою газету „Lupta“ (Борьба), целый ряд воззваний и популярных брошюр, устраивая многочисленные митинги и собрания, она сумела пробудить симпатии к себе в широких пролетарских массах. Созываемые социалистической партией митинги протеста против войны привлекали обыкновенно по несколько тысяч слушателей, преимущественно рабочих; в первомайских демонстрациях 1915 и 1916 г. принимало участие до 10.000 человек, между тем как на собраниях, организуемых правящими буржуазными партиями, консервативной и либеральной, несмотря на ревностное содействие полиции, едва-едва набиралась какая-нибудь тысяча слушателей. С октября 1914 года партия стала выпускать ежедневную газету „Lupta“, кроме ежемесячного органа Союза Молодежи и журнала „Victorial Social“.

В феврале 1915 года болгарской рабочей социал-демократической партией был организован в Софии общеканский митинг протеста против войны. Для участия в нем румынская партия послала своих делегатов. На митинге выступал, между прочим, и представитель социалистической сербской партии тов. Лапчевич.

Тогда же в Софии был намечен план общей борьбы всех социалистических партий балканских государств против войны, было решено совершенно отмежеваться от всех социал-патриотических элементов и, между прочим, окончательно порвать с болгарской партией „широких социалистов.“

В мае того же года в Бухаресте состоялось

совместное совещание румынских социалистов с товарищами из болгарской партии социалистов „тесняков“, а в июле в Бухаресте же была устроена общая конференция балканских социалистических партий; на конференции, кроме румынских товарищей, присутствовали представители болгарской партии „тесняков“ и представители греческой социалистической партии. Условия военного времени помешали представителям сербской партии приехать на конференцию. Как известно, этой конференцией был выработан проект объединения всех балканских государств в одну федеративную демократическую республику. Кроме того, было выражено порицание Второму Интернационалу за его соглашательскую политику. Осенью 1915 года румынская соц. партия была представлена на Циммервальдской конференции товарищем Раковским; она официально примкнула к Циммервальдской комиссии.

Агитационная деятельность румынской партии, неоднократно устраивавшей однодневные политические забастовки, продолжалась до 15 августа 1916 г., т. е. до вступления Румынии в мировую войну. Либеральное правительство играло в течение всего этого времени очень двусмысленную роль: с одной стороны, оно втихомолку готовилось к войне и пресмыкалось перед русским царем Николаем II-м, не жалевшим золота на агитацию в пользу войны; с другой стороны, до самого лета 1916 года оно официально не порывало сношений с Германией и Австро-Венгрией, предоставляя относительную свободу агитации социалистов против войны и за нейтралитет Румынии. Но смысл этой игры был ясен для всех. Обыватели, находившиеся под влиянием правительственной прессы, открыто говорили: „Мы пойдем с тем, кто окажется сильнее“.

В июне 1916 года правительство круто изменило свое отношение к социалистической агитации. Когда галацкие портовые рабочие объявили однодневную стачку, выставив не только экономические требования, но и лозунг протеста против войны, префект г. Галаца, известный агент царского правительства Гусси заявил, что он не допустит никаких демонстраций. И когда рабочие, с женщинами и детьми, устроили мирное шествие по улицам Галаца, были вызваны войска, открывшие стрельбу по рабочим; десять человек было убито и более сотни ранено. 15 августа 1916 года румынское правительство объявило войну Австро-Венгрии. В этот день состоялся последний свободный митинг, созданный социалистической партией для протеста против войны. Цирк, в котором в 12 часов дня должен был начаться митинг, был окружен войсками, и толпа, шедшая на митинг, была разогнана кавалерией. Так закончился этот период борьбы румынской партии против войны.

Через две недели после начала войны партийный орган „Lupta“ был закрыт. Тов. Раковский был арестован и интернирован, как опасный государственный преступник. Почти все члены партии были мобилизованы. Из всего центрального комитета на свободе остались только два члена. Но после письменного протеста против ареста т. Раковского, поданного этими двумя членами министру внутренних дел, бывшему социалисту Морцуну и председателю совета министров И. Братяну, и они были арестованы. Затем, спустя некоторое время, часть товарищей была выпущена на свободу,

но пять секретарей профессиональных союзов были заключены в тюрьму. Помещение социалистического клуба было опечатано полицией, и партии объявлен строжайший запрет устраивать собрания, хотя бы в количестве трех человек. Таким образом, всякая легальная деятельность стала невозможной. Тогда некоторыми из товарищей был поднят вопрос о переходе к подпольной деятельности с применением более революционных методов борьбы: этим товарищам казалось преступным и нелепым бездействовать в такое время, когда ради империалистических интересов буржуазии проливается кровь наших братьев, рабочих и крестьян Румынии. Но переход в подполье и перемена тактики партии не могли совершиться сразу. Предложение об этом было встречено в партии с негодованием. Социал-демократическая партия может действовать только открыто, упорно твердили товарищи...

Социалистическое движение в Румынии замерло совершенно в первые три месяца войны. Большая часть страны была разгромлена австро-германскими и болгарскими войсками. Правительство и значительная часть буржуазии бежали из Констанцы, занятой болгарскими, сначала на Дунай, а затем в Молдавию и в Россию. По всем железным и шоссейным дорогам тянулись бесконечные обозы и вереницы беженцев. 6-го декабря 1916 г. германские войска под начальством фельдмаршала Макензена заняли Бухарест. Три четверти Румынии было оккупировано германскими войсками. Часть партийных товарищей осталась в Бухаресте; многие из этих товарищей думали, что положение нашей партии при германской оккупации станет лучше и возможна будет некоторая легальная работа.

Но иллюзиям этим пришел скоро конец. Правда, арестованные товарищи рабочие были освобождены, наш клуб был снова открыт, и в течение первых трех месяцев нам удавалось устраивать небольшие партийные собрания почти без всяких помех со стороны германской полиции.

Но нам не удалось добиться разрешения ни на издание газеты, ни на открытие партийной или даже простой школы, ни на устройство легальных партийных собраний. Положение рабочих и бедного населения вообще, как в Бухаресте, так и в других городах, было отчаянное: начинался голод, семьи солдат, отправленных на фронт, остались без всяких средств к жизни. Социал-демократическая партия подала германским властям официальное заявление об ответственном положении населения, но заявление это, разумеется, не привело ни к какому результату. В „свободной“ Молдавии положение было еще хуже: смертность среди населения достигла ужасающих размеров; нашим товарищам приходилось там испытывать на себе всю тяжесть беспощадного белого правительства и геноцида. Всякие сношения с Молдавией были прерваны, вся страна, все население, а также и наша партия фактически были разделены на две различные территориальные части, и это продолжалось в течение двух лет.

И вот, в конце суровой зимы, когда мы дошли до состояния близкого к полному отчаянию, когда нам казалось, что наше дело погибло надолго, внезапно бризнули лучи яркого солнца. Я как сей-

час помню светлое зимнее утро, первый луч солнца и неожиданное известие на первой странице немецкой газеты „Vorwärts“ о начале Российской Революции.

С какой жадностью мы читали в последующие дни короткие, захватывающе интересные известия о событиях в Петрограде; сколько споров возникало между товарищами рабочими о будущих судьбах революции! Наш маленький кружок, последний остаток партии, ожил духом. В половине марта произошла первая стихийная голодная демонстрация: 2,000 женщин вышли на улицу, требуя „хлеба и мира“ от германских властей. Демонстрация прошла мирно; одновременно с ней партией был выпущен гектографированный листок, в котором говорилось о мировом значении Российской Революции и выставлялось требование немедленного мира. После этого германская полиция всполошилась; у нас в клубе и у каждого из нас на дому были произведены обыски, пять членов партии, в том числе и автор этой статьи, были арестованы; впрочем, мы, спустя короткое время, были выпущены и отданы под надзор полиции. Всякие собрания были безусловно запрещены. На этот раз наш кружок снова обратился к германским властям, с просьбой о разрешении праздновать 1-ое мая; сначала нам обещали удовлетворить эту просьбу, но затем обещание было взято обратно. Насколько мне помнится, первомайский праздник в 1917 г. прошел очень бурно в Берлине и особенно бурно — в Венгрии. В Яссах в этот день русская революционная армия освободила тов. Раковского, который немедленно же выехал в Россию, вместе с еще несколькими румынскими товарищами. В это же время завязались у нас сношения с болгарскими товарищами, а также — через товарищей германских и австрийских солдат, — с венгерской и германской партиями. Известие о предполагаемой конференции в Стокгольме пробудило много надежд не только в партии, но и во всем рабочем классе Румынии; увы, надежды эти скоро рассеялись, но для нас Стокгольмская конференция была, главным образом, важна тем, что она давала возможность выехать из Румынии и установить связь с русскими товарищами.хлопоты о разрешении поездки германскими властями тянулись три месяца; партия, в качестве своего делегата, выбрала меня, но вероятно румынская полиция донесла немцам о моей близости к русскому революционному движению, и поэтому германское правительство, в лице своего представителя Мирбаха, наотрез отказалось выдать мне разрешение на выезд из Румынии. Разрешение на поездку в Стокгольм, в конце концов, после вмешательства германской с.-д. партии было дано товарищам Фриму и КонстантINESКУ. После состоявшейся в Стокгольме 3-й Циммервальдской конференции и опубликования ее манифеста, а также под влиянием дошедших к нам сообщений от румынской коммунистической группы в Одессе, в Бухарестской партийной группе, представлявшей собою Ц. К. партии, был снова поставлен вопрос о перемене тактики и о возможном революционном выступлении рабочих и крестьянских масс. К сожалению, порожденная войной и оккупацией полнейшая дезорганизация партии, не давала нам воз-

возможности вести такую систематическую пропагандистскую организационную работу, какая велась, например, нашими товарищами в Болгарии... Работа немало тормозилась также нашей долголетней привычкой к открытой, легальной деятельности... Пропаганда велась у нас отдельными лицами и маленькими группами, которые начали издавать подпольные листки, зачастую без всякого контроля Ц. К. Многие из этих листов были составлены далеко не в коммунистическом духе... С другой стороны, до нас дошло известие о том, что под влиянием правительственного террора наши товарищи в Молдавии остались по-прежнему на точке зрения большинства германской с.-д. партии и вместо того, чтобы поддержать Российскую Революцию через бессарабские группы, оказались пассивными зрителями развертывавшихся на их глазах великих событий... Октябрьская Российская Революция произвела сильнейшее впечатление на широкие рабочие массы в Румынии. Партийной группой в Бухаресте был издан нелегальный манифест с призывом к революционному выступлению масс...

В связи с выпуском этого листка, вследствие недостаточной конспиративности и „благодаря содействию“ втершегося в партию провокатора, были произведены аресты; кроме того, был усилен полицейский надзор и начались чуть ли не непрерывные обыски у всех членов Ц. К.

После открыто заявленного нами протеста по поводу ареста наших товарищей, которым грозила смертная казнь, участь их была смягчена, и военный суд приговорил двоих из них к 4 мес. тюрьмы и одного к заключению в одном из концентрационных лагерей в Германии.

За Брест-Литовским миром последовал Бухарестский мир. Мир этот, как известно, был крайне тяжел для Румынии и ставил ее в полную экономическую и политическую зависимость от центральных держав.

День 1 мая 1918 г. совпал для Румынии с началом переговоров о заключении мира. В этот день Бухарестский партийный кружок созвал тайное совещание в одном частном загородном саду; на совещании, кроме членов Ц. К., присутствовали также представители Бухарестского Комитета, клуба комитетов проф. союзов и союза молодежи, затем товарищи из трех других городов и товарищи недавно вернувшиеся из Молдавии.

На совещании был прочитан доклад о текущем моменте, о положении дел в Российской Республике и в Европе. Затем единогласно было решено выработать новую программу партии и, как только это будет возможно, — представить ее на утверждение партийного съезда; теперь же усиленно развить пропаганду, постараться проникнуть в деревню и не принимать участия в парламентских выборах, которые должны были происходить через месяц.

Это конспиративное совещание должно было остаться в тайне; но и на этот раз наши товарищи оказались недостаточно конспиративными, и протокол совещания скоро попал в руки германской полиции. Через две недели после совещания 13 человек, выступавших на нем, были арестованы германскими властями при содействии румынской полиции. В числе арестованных были все члены на-

шего Ц. К., за исключением одного, случайно не участвовавшего в совещании. Нам — всем арестованным — было предложено на выбор: отправиться в Германию, в концентрационный лагерь, или же быть отданными под суд в Румынии по обвинению в заговоре против государства, причем дело это должно было разбираться в гражданском суде, с участием присяжных заседателей.

Мы выбрали последнее.

Следствие длилось два месяца; в тюрьме Вакарешти нам жилось довольно сносно, только свиданий нам не разрешали, даже с родственниками; в глазах румынских обывателей мы были своего рода „жертвами немцев“. В рабочей среде наш арест вызвал сильное волнение, около тюрьмы все время устраивались демонстрации; как раз в то время, когда мы сидели в тюрьме, в Яссах происходила сессия парламента, и кроме одного депутата, имя которого нам, к сожалению, не известно, среди представителей так называемых левых партий — народников и трудовиков, не нашлось никого, кто бы решился сделать запрос о нашем деле. Но через два месяца после нашего ареста, благодаря стараниям товарищей болгар, в германском рейхстаге депутатами Независимых, Гаазе и Ледебуром, был сделан запрос по поводу нашего ареста, и через неделю после запроса мы были освобождены до суда.

Между тем, в армиях, австрийской, германской, и в особенности болгарской, начинались уже волнения. Назревали серьезные события. В сентябре нам стало доподлинно известно, что в начале ноября произойдут революционные события в Болгарии. По тону социалистических газет чувствовалось также, что в Германии и в Австрии революция не за горами. Наконец, установились у нас сношения с Молдавией, и теперь только мы узнали обо всех ужасах белого террора в Молдавии, о насильственном присоединении Бессарабии, совершившемся благодаря предательству буржуазии; мы узнали также о гнусном убийстве румынским офицером в Яссах нашего товарища Макса Векелера, о многочисленных арестах и усиленной деятельности военных судов в Молдавии и, наконец, о совершенно пассивном отношении рабочих масс Молдавии и румынской армии к революционным событиям в России...

Экономическая разруха, превосходящая всякие пределы, вздорожание жизни, беспрепятственный рост спекуляции, все это вызвало, наконец, взрыв возмущения и в румынских рабочих массах. В октябре 1918 г. началась забастовка железнодорожников в Молдавии, забастовка эта перекинулась в Бухарест, за ней последовали стачки и в других отраслях труда. Германские власти, все еще остававшиеся в Румынии, не препятствовали теперь устройству собраний в социалистическом клубе; эти собрания становились с каждым днем все многочисленнее, главной темой обсуждения на них была Российская Революция. Нам была выработана декларация от имени партии, в которой мы указывали на необходимость изменения партийной тактики, на то, что мы должны готовиться к установлению диктатуры пролетариата. Предполагалось в ближайшем будущем созвать съезд партии. В ноябре вспыхнула революция в Болгарии, Австрии и Германии, германские власти вместе с

армией покинули Румынию. Немедленно же в Молдавии король Фердинанд объявил мобилизацию и военное положение. После ухода немецких войск фактически втечение двух недель столица Румынии оставалась без всякой власти; если бы пролетариат Румынии был в достаточной степени сознателен и если бы рабочие были хорошо организованы, они без всякого труда могли бы захватить власть в свои руки и провозгласить диктатуру пролетариата. Но недоверие к своим силам и полная дезорганизация привели к тому, что и здесь был упущен момент так же, как и в Молдавии.

Партия ограничилась лишь выпуском революционного воззвания к гражданам и рабочим, с протестом против мобилизации, кроме того, был выпущен в свет 1-ый номер газеты „Социализм“. С приходом королевских войск в Румынии была введена цензура, но к этому времени значительная часть воззвания была уже отпечатана и распространена, и поэтому цензуре пришлось разрешить его.

После того, как немцы ушли из страны, с небывалой силой вспыхнуло экономическое рабочее движение. Движение это происходило стихийно и совершенно неорганизованно, и социалистическая партия никак не могла овладеть им. Отдельные стачки вспыхивали без всякого предупреждения по всей стране и также внезапно стихали. Все пока протекало мирно, без открытых столкновений с правительством. В Яссах в этом мирном направлении работал кружок ортодоксальных социал-демократов, так называемых „минималистов“, а в Бухаресте существовало в то время три течения: очень слабо представленное течение „минималистов“, группа центра, состоявшая из организованных максималистов и централистов, и наконец, несколько анархическое течение малосознательных рабочих и части молодежи. Очутившись лицом к лицу со все возрастающим рабочим движением, румынское правительство начало играть двойную игру: с одной стороны, в прессе и в речах своих официальных представителей оно заявляло, что готово вступить на путь реформ и уступок и вообще желает быть в наилучших отношениях с социалистической партией; оно обнародовало даже декрет о частичной экспроприации крупных поместий, о наделении крестьян землей и т. д. Но с другой стороны, оно продолжало держать страну на военном положении, самым варварским образом применяло цензуру и по-прежнему пускало в ход свои излюбленные методы подкупа и провокации среди рабочих. Наша партия, располагавшая в то время четырьмя газетами: в Бухаресте, Плоештах, Браилове и Яссах, старалась путем печати ознакомить рабочие массы с событиями в России, с ходом Российской Революции и с программой коммунистической партии. Одновременно с тем и на собраниях велась пропаганда идей советской власти и диктатуры пролетариата. Пропаганда эта, впрочем, носила чисто теоретический характер.

13 декабря 1918 г., рабочие всех типографий Бухареста объявили забастовку, требуя увеличения заработной платы... Редакции газет обратились к социалистической партии, обещая поддержать забастовку, если партия со своей стороны поможет

добиться отмены цензуры. За день до того в органе правительства, газете „Victorul“, была помещена статья с угрозами по адресу социалистических большевиков, которых газета обвиняла в государственной измене.

В день забастовки печатников, Ц. К. не успел собраться, товарищи из Ц. К. профессиональных союзов также отсутствовали, и небольшая группа собравшихся товарищей приняла решение поддержать типографов уличной демонстрацией и всеобщей забастовкой. О своем решении товарищи не успели даже известить все рабочие организации. В три часа дня маленькая кучка случайных демонстрантов и присоединившихся к ним печатников была окружена присланным отрядом войск; подоспевшие к этому времени заводские рабочие металлисты бросились на выручку товарищей с криком: „долой армию!“ По приказу prefecta Бухареста, генерала Штефанеску, солдаты дали залп, до 20 человек было убито и более сотни ранено... Подошедшие, было, к месту столкновения толпы рабочих обратились в паническое бегство. Отряд жандармерии приступом взял помещение социалистического клуба и подверг его полному разгрому. Находившиеся в клубе товарищи были зверски избиты прикладами, женщин-работниц жандармы за волосы вытаскивали на улицу. Все задержанные были отправлены в полицию, причем по дороге им пришлось вынести целый град угроз и оскорблений со стороны уличной буржуазной толпы.

До наступления ночи было произведено до 200 арестов. Многие из нас были арестованы на дому, ничего не подозревая о происшедших событиях. На этот раз либеральное правительство сбросило маску и открыто проявило себя нашим врагом. Втечение 8 дней мы томились в знаменитом подпольи здания Бухарестской полиции, где нас заперли по 60 человек в камеру размером в 2 кв. метра. Обращение с нами было самое зверское. Во вторую ночь были зверски избиты товарищи Фриму, Кристеску, Москович и Пал. Та же участь угрожала и пишущей эти строки; только когда я решительно заявила, что покончу с собой, если угроза будет приведена в исполнение, палачи оставили меня в покое. Позже тов. Фриму умер в тюрьме от последствий избивания, хотя официально было объявлено, будто он умер от тифа. Все это делалось с ведома министра-президента Братяну и министра внутренних дел Мирзеску.

Мы все были преданы военному суду. Но на первом же следствии у военного комиссара оказалось, что не имеется никаких доказательств нашего участия в подготовке восстания. Было доказано, что все дело сводилось к устройству мирной экономической забастовки. Правительство, однако, не захотело отказаться от своего плана разгрома социалистов, оно стало собирать новые агентурные сведения и производить новые аресты. Автору этих строк, еще до освобождения, было предложено навсегда покинуть страну, но затем в разрешении на выезд было отказано. Потянулись бесконечные процессы. Наше дело послужило прекрасным материалом для агитации не только в Румынии, но в Трансильвании и Буковине. Через 3½ месяца под влиянием полнейшего переворота в общественном мнении в пользу социалистов, а также под влия-

нием все более энергичной агитации среди рабочих масс, правительство было вынуждено освободить всех арестованных, кроме четырех товарищей, признанных виновными в том, что они поддерживали личные сношения с русскими и венгерскими большевиками.

Так позорно окончилась для правительства попытка удушения румынской социалистической партии.

В апреле 1918 г., после освобождения всех товарищей, состоялась, наконец, партийная конференция с участием делегатов от социалистической партии Трансильвании и Буковины. Бессарабские группы прислали только заявление о том, что они работают в полном единении с российскими партиями. На конференции была окончательно выработана декларация партии, в которой ближайшей целью движения признавалась диктатура пролетариата.

Из отчетов, представленных на конференцию, оказывалось, что теперь насчитывается 35.000 рабочих-социалистов, организованных в профессиональные союзы, и 2.500 других членов социалистической партии. В Трансильвании социал-демократическая партия охватывает 75.000 товарищей, входящих в профессиональные союзы и в партию, а Буковинская соц.-дем. партия состоит из 15.000 членов.

Конференция большинством голосов выразила свое желание присоединиться к III-му Интернационалу, но окончательное решение было отложено до партийного съезда. Далее, от имени румынской партии было выражено также пожелание, чтобы трансильванская партия отозвала из временного правительства Трансильвании своих представителей, тов. Флуераша и Жуманку. Большинство голосов было решено использовать выборы в румынское учредительное собрание в целях широкой агитации среди масс и выставить своих собственных кандидатов.

Была принята новая программа партии: в аграрном вопросе партия решила требовать социализации земли, а по отношению к промышленности — частичной национализации фабрик и заводов.

Гонения на социалистическую партию после конференции возобновились. Некоторым из членов партии пришлось бежать за границу. Несмотря на эти репрессии, рабочее движение продолжало все же расти, и только новая военная авантюра румынского правительства в Венгрии на время задержала естественный ход его развития.

Ек. АРБАРИ-РАЛЛИ.

ПОЛЬША И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

3. Польские области к моменту начала войны.

(Окончание *).

С самого начала войны между тремя терзавшими Польшу хищниками—господствующими польские элементы всюду оказались в общем на стороне „своих“ правительств. Варшава совершенно потеряла голову от военного угара, охватившего Россию. Краков горел желанием победы Австрии. Познань вела себя довольно сдержанно, но с внешней стороны и она выказывала полную лояльность по отношению к Германии.

Начнем с Галиции, в виду того, что здесь польские политические группы давно уже вели активную военную политику.

Как мы уже указывали, Галицийская Социал-демократическая Партия уже давно поддерживала сношения с австрийским генеральным штабом, и с первого же момента войны как из-под земли вырос „польский легион“ для борьбы с Россией; возник он при деятельной поддержке Партийного Правления, в особенности — Дашинского, а команду над легионом принял Пилсудский. Ядром этого добровольческого отряда явились политические эмигранты из русской Польши. Кроме того, сюда вошли галицийские военнообязанные, предпочитавшие службу в легионе совместной службе с австрийскими солдатами. Австрийское военное командование пускало в ход всевозможные демагогические приемы для того, чтобы разжечь патриотический пыл этой молодежи. Легион имел польское командование, особую форму с польскими национальными отличиями; но в военном отношении его роль с самого же начала была очень ничтожна.

В то время в Кракове, при участии Краковского правительства, возник „Национальный Комитет содействия войне с Россией“, в котором рядом с экс-министром Яворским фигурировал и господин Дашинский. Комитет вел интенсивную пропаганду, в которой главным мотивом была ненависть к царизму. Политика Комитета с первой же минуты страдала внутренней двойственностью. Да и как, в самом деле, можно было призывать польский народ к борьбе с царизмом, когда эту борьбу предстояло вести плечом к плечу с прусским правительством? Разве это последнее не было еще более враждебно Польше, чем царизм? Разве победа немецкого империализма, во имя которой полякам предлагали жертвовать жизнью, не грозила величайшими опасностями польскому народу? А та же Австрия — разве она не угнетала польскую нацию, хотя и в более мягкой форме? Бесспорно, победа австро-немецкого империализма

над русским не сулила ничего доброго польскому народу, а между тем, во имя этой победы польский солдат в австрийской форме призывался к братоубийственной борьбе с польским солдатом в русском мундире. Этот разлад обозначился особенно ярко, когда стала очевидной жалкая роль Австрии в этой войне, в которой тон задавала явно враждебная Польше Германия, и когда поэтому стало ясно, что на будущем совете победителей судьбу Польши будут решать не Габсбурги, а Гогенцоллерны.

Этой внутренней противоречивостью и объясняется слабый успех пропаганды. Политики толка Пилсудского и Дашинского рассчитывали на то, что вторжение польского легиона в русскую Польшу зажжет там национальное восстание. Эти соображения руководили и австрийским правительством при инсценировке им указанной выше затеи. Между тем, все эти надежды не оправдались. Зарубежные крестьяне и рабочие встретили легионеров как своих врагов и не обнаружили ни малейшего желания присоединиться к ним. Это было первым звеном в целой цепи горьких разочарований.

В Варшаве же наблюдалась не простая лояльность,—здесь царил горячее воодушевление в пользу царизма. Это объясняется различными причинами. Главное значение здесь имела прорвавшаяся, наконец, наружу бешеная ненависть к немцам, этим „наследственным врагам польского народа“. Далее, сказано, конечно, и кровавый угар, опьянивший широкие слои народа. Тот же гипноз, который охватил население почти всех европейских стран, оказался и в Польше настолько сильным, что заставил забыть про ненависть к чуждому игу. Во всяком случае приходится констатировать, что военнообязанные поляки в России не только не уклонялись от воинской повинности, но даже шли в армию добровольцами. Причину этого следует, пожалуй, искать и в том, что вследствие позорной прусской политики национального угнетения, ненависть к немцам была сильнее ненависти к царскому режиму. Однако, я склонен думать, что в этой кровавой оргии рассуждения вообще играли последнюю роль. Жажда борьбы, убийства, еще более возбужденная разнузданной правительственной пропагандой, в первые недели совершенно лишила массы рассудка... Одним из важных мотивов была и военная прибыль. Русское правительство прибегло к высокоразвитой польской промышленности для удовлетворения своих военных нужд и при этом не жалело денег. Размещенная в Польше русская армия тоже принесла с собою не мало денег: офицеры предавались диким кутежам, да и простой солдат в первые недели швырял деньгами направо и налево. В Варшаве деньги лились рекой, и это поддерживало воинственный туман и победное настроение. Самое последнее место за-

*) См. „Ком. Интерн.“ № 6.

нимали тут, конечно, правительственные манифесты. Ни один серьезный польский политик не придавал значения легковесным обещаниям Николая Николаевича о даровании свободы польскому народу. Возможно, впрочем, что кое у кого и возникла смутная надежда на воссоединение всех трех частей Польши в случае победы России...

Среди этого всеобщего воинственного опьянения одни только сознательные пролетарии сохраняли ясность ума. „Социал-демократия Польши и Литвы“ исполнила свой революционный долг и с самого же начала повела кампанию против бойни народов, точно так же, как и „Левиза“, революционное марксистское крыло Польской Социалистической Партии. Но здесь, как и повсюду в Европе, эти отдельные голоса безнадежно тонули во всеобщем воинственном гуле.

В Прусской Польше господствовало несколько иное настроение. Польские депутаты рейхстага голосовали за военные кредиты и беспрестанно трубили о польской лояльности. Военнообязанные безропотно шли в армию, частью под гнетом дисциплины, частью под влиянием военного угара. Но в общем польское население было враждебно настроено к Германии. Звериная правительственная пропаганда на тему о том, что „если все не пойдут воевать, то казацкие орды наводнят страну“, не производила никакого впечатления в польских областях, несмотря на то, что им русское нашествие угрожало в первую голову. Люди, имевшие тогда возможность следить на месте за ходом событий, уверяют, что польское население Познани готово было встретить русскую армию с распростертыми объятиями. Правительство отлично видело это настроение и вздумало бороться с ним репрессиями, чем, разумеется, только ухудшило свое положение.

Нашлись, конечно, и в этих областях единичные политики, которые посвятили себя ревностному служению правительству и, без всякой надежды на успех, пытались вести германфильскую пропаганду в занятых германскими войсками русско-польских городах. В настоящее время многие из них — и прежде всех господин Корфанги — играют крупную роль в польском правительстве и разыгрывают из себя первых застрельщиков в борьбе против Германии.

С оккупацией Польши австро-германскими войсками, польский вопрос приобрел для победителей всю остроту злободневности. Между Австрией и Германией начался позорный торг, в котором принимали горячее участие польские патриоты, не исключая господина Дашинского и его партии.

Сначала было создано Временное Управление. Правительство посадило в Варшаве „Регентский Совет“. Ни один влиятельный политик не пожелал приобщиться к этому учреждению, и за отсутствием лучших людей пришлось возложить почетную обязанность „регентов“ на первых попавшихся аристократов — князя Любомирского и графа Островского, вкупе с архиепископом Каковским. Был составлен также Совет Министров, для которого опять-таки не нашлось никого, кроме пары ничтожных политических интриганов. Но фактически всем распоряжались занявшие Польшу державы, поделившие между собою страну: в одной части хозяйничали германцы, в другой — австрийцы. За-

дачей и тех и других было — использовать страну в интересах ведения войны, и производимый ими с этой целью грабеж поистине не знал границ. Особенно отличался в части занятой германцами генерал Безелер. Мало того, что он наложил руку решительно на все технические изделия и сельскохозяйственные продукты, какие только могли быть полезны Германии — готовые фабрикаты, сырье, машины, — он прибег и к самому гнусному виду военного порабощения: сотни тысяч польских рабочих были угнаны в Германию, где их заставили работать на помещичьих землях, в снарядных мастерских и в рудниках. Нетрудно понять, насколько подобный образ действий усилил в населении ненависть ко всему немецкому. Но в Германии ослепление войной было так велико, что и в прессе и в парламенте по адресу поляков раздавались совершенно серьезные упрёки в „черной неблагодарности“; в самом деле, — как смели они не выказывать бешеного восторга перед своими „избавителями от московского ига?“ Трудно поверить этому, но это так: в этом хоре были голоса и социал-демократической прессы (в особенности „Гамбургского Эхо“ и лейб-органа Носке: „Хемницкого Голоса Народа“).

Однако, Временное Управление не могло же существовать вечно, а немецкое правительство не торопилось открыть свои карты, имея на то свои основания: в Берлине все еще не теряли надежды на сепаратный мир с царским правительством, даже на условиях возвращения ему „освобожденной“ Польши и заодно уж и переуступления ему Галиции, — возможность изменить при этом австрийскому союзнику придавала бы сделке еще большую привлекательность.

Со своей стороны, Австрия поддерживала в поляках самые радужные надежды, если не на полную автономию, то во всяком случае на объединение Русской Польши с Галицией под милостивым скипетром Габсбургов.

Тем временем польские политики продолжали замышлять свои комбинации. В случае победы Германии не могло быть и речи о восстановлении Польши. При этом предположении очевиднее всего была безнадежность Прусской Польши: в самом деле, было бы безумием надеяться, что жаждущий упиться свежей кровью народов прусский хищник откажется, в случае победы, от своей прежней добычи. Поэтому политики из Краковского Национального Комитета с легким сердцем жертвовали Познанию, Западной Пруссией и Верхней Силезией. Их пресса, в том числе и Краковский орган „социал-демократической партии“, не видела никакого национального позора в этом „самоотречении“, обрекавшем свыше четырех миллионов поляков в жертву прусской истребительной политике. За то на все лады расписывалось великолепие частичного польского государства, в составе прежней Русской Польши и Галиции. Публицисты П. П. С. всячески старались доказать жизнеспособность этого будущего государственного сооружения, ломая себе голову лишь над вопросом, — перейдет ли тогда австро-германская монархия от двойственной системы к тройственной, или дело обойдется и без этой реформы. Наиболее пылкие оптимисты видели уже в своем воображении самостоятельное королевство Польское, для которого тут же был най-

ден и король, в лице австрийского эрцгерцога Стефана, сын которого женат на княжне Чартофжской. Социал-патриоты с удовольствием принимали участие и в этих комбинациях.

Эта ребяческая игра продолжалась до тех пор, пока не вспыхнула русская революция. Теперь германскому правительству необходимо было высказаться определеннее о том, как оно себе представляет будущее Польши, ибо возникала опасность, что революционная Россия окажет на поляков притягательное действие. Между тем, правящие круги были не вполне единодушны. Австрийская комбинация была оставлена, так как германская военная партия опасалась усиления своих „союзников“, с которыми уже тогда у немцев происходили весьма болезненные конфликты. Напротив, подготовлялось создание „буферного государства“ из русской Польши, с более чем сомнительной автономией. В кандидатах на трон недостатка не было. Предентентами объявились, с одной стороны, Виттельсбахеры (Бавария), один из предков которых в 16-м веке был женат на какой-то принцессе из рода Ягеллонов, а с другой — Веттины (Саксония), на том только основании, что в 18-м веке двое представителей их рода покрыли позором польский трон.

Однако, чтобы не дать уже слишком широко раскинуться этому буферу, Людендорф требовал такого „урегулирования границ“, при котором домбровский угольный бассейн, лодзинский промышленный район и, вообще, вся западная часть страны до Пилицы отошла бы к Германии.

Эти хищнические планы убедили даже национал-социалистических польских политиков в невозможности по прежнему тащить прусско-немецкий воз, да и в Вене выросло крайнее недовольство прусской политикой, и отношения между ней и Берлином сильно обострились. Во всяком случае в Берлине было решено положить конец существованию польских легионов, которые до того времени служили прекрасным пушечным мясом, и на долю господина Пилсудского выпало неожиданное счастье: он был посажен в магдебургскую тюрьму.

Варшавские ставленники генерала Безелера, господа из регентского Совета и их министры, конечно, приложили руку и к этой политике.

За февральской революцией в России последовала октябрьская. Русское пролетарское правительство провозгласило в польском вопросе, как и следовало ожидать, следующий принцип: революционный пролетариат отказывается от угнетения какой бы то ни было национальности и предоставляет польскому народу самому решить свою судьбу; русские уполномоченные в Бресте делали все, что могли, чтобы вырвать и у Германии признание за Польшей этого права. Но германское правительство отказывалось признать „право народов на самоопределение“: оно крепко держало добычу в своих когтях и собиралось распорядиться „освобожденной“ Польшей по своему собственному усмотрению.

4. Возникновение нового польского государства.

Через полгода пришел конец политике ежовых рукавиц: революция в Австрии и Германии освободила Польшу от цепей чужого господства. Разыгравшиеся затем в Польше события были до

того запутаны, что кажутся совершенно необъяснимыми большинству современников.

Постараемся разобраться в них.

Приверженцы господина Пилсудского охотно изображают дело так, будто они разоружили австро-германские оккупационные отряды. Это грубое преувеличение. Упомянутые отряды были в высшей степени деморализованы гарнизонной жизнью: офицеры и солдаты превратились в самых отвратительных мародеров и спекулянтов. Через несколько дней после взрыва революции в Австрии поголовно все австрийские солдаты разбежались. Не было никакой надобности их разоружать, — они сами побросали оружие и все военное снаряжение. Все занятые до тех пор этими войсками польские области сразу очутились без всякого господина. Все это были чисто крестьянские местности, в которых не было крупных городов. Но крестьянское население в этих местах, особенно в Люблинской губернии, самое развитое во всей Польше: оно немедленно же сорганизовалось. Далее, в областях австрийской оккупации существовала тайная „Польская военная организация“, к которой принадлежали бывшие легионеры. К этим-то элементам — крестьянам и легионерам — и перешла власть. Так возникло „Люблинское Правительство“, с Дашинским во главе. Стоявшие в Западной Галиции немногочисленные войска, родом большею частью из других австрийских областей, тоже торопились поскорее выбраться на родину. Оттого „Люблинскому Правительству“ и было так легко укрепиться. Оно тотчас же провозгласило демократические реформы: всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право для всех, без различия пола, самоуправление, восьмичасовой рабочий день. Революционные пролетарские требования при этом были совершенно забыты, так как за отсутствием фабричных рабочих, задержавшихся в Германии и России, не было никого, кто напомнил бы господам П. П. С-овцам о социализме. Между тем, стали прибывать легионеры из Австрии и из лагерей для военнопленных, и из них „Люблинскому Правительству“ удалось сформировать народную милицию, вооружив ее чем попало. Милицию эту составляли не более двух-трех тысяч человек; но при всеобщем хаосе и они представляли собою известную силу.

В то время как в местностях австрийской оккупации происходили описанные события, в Варшаве и в области германской оккупации все оставалось пока по старому.

Только вспыхнувшая через несколько недель в Германии революция вызвала и здесь аналогичные последствия. Германские солдаты бросили все и устремились на родину. За одну ночь Безелер лишился всего своего могущества. Господа регенты, почувствовав себя центром всеобщей ненависти, поспешили стушеваться. Они стали умолять генерала Безелера об освобождении Пилсудского, видя в этом популярном вожде легионов своего единственного спасителя.

Просьба их была удовлетворена. Выпущенный на свободу Пилсудский тотчас же был провозглашен „Главой Польского Государства“, господин Дашинский выслал в Варшаву часть своей Люблинской милиции, и — Варшавское правительство было готово.

Так как и здесь—в Варшаве и Лодзи—отсутствовали рабочие, то идиллия никем не могла быть нарушена, тем более, что обрадованное освобождением от господства Безелера население спокойно смотрело на все происходившее. Реакционеры, в первое время с опаской относившиеся к „социалисту“ Пилсудскому, вскоре успокоились, увидев, что он еще более пошатлив, чем г. Дашинский, и что его им бояться нечего, так как он тотчас же при поддержке милиции ревностно принялся за „охрану порядка и спокойствия“.

Возникшие вначале трения между варшавским и люблинским правительствами вскоре были улажены. Господин Пилсудский назначил министрами несколько сверхумеренных членов П. П. С. (г. Дашинский, однако, угрюмо ретировался) и не менее умеренных демократов. В остальном он удовлетворялся обещанием созвать „Учредительный Сейм“ и, вместе с тем, из опасения слишком крутым поворотом оттолкнуть от себя народные массы, он все же счел необходимым признать и возведенные в Люблине вольности (избирательное право на демократической основе и т. д.).

В Познани происходило следующее: гарнизон в познанской крепости, а также и в других городах состоял исключительно из немцев, уроженцев других областей, которые теперь спешили возможно скорее вернуться на родину. С другой стороны, началось возвращение на родину поляков, служивших в других местностях.

Так же, как и в остальной Германии, и здесь были созданы рабочие и солдатские советы, состав которых, разумеется, оказался польским. Правительство Эберта-Шейдемана и не думало последовать примеру русского пролетарского правительства, признавшего за поляками право на самоопределение: напротив, оно заняло явно враждебную к полякам позицию, на что те ответили борьбою, скоро закончившеюся образованием польского „Народного Совета“, взявшего власть в свои руки. При указанных нами выше познанских социальных условиях, этот Народный Совет оказался мелко-реакционным. Он мудро рассудил, что разрешение польского вопроса есть дело мирной конференции, а его задача заключается, главным образом, в охранении „мира и спокойствия“. Исходя из этих соображений, он поддерживал лишь весьма слабую связь с Варшавским правительством, которое казалось познанским рабочникам слишком радикальным, и заботился больше всего о том, чтобы „все осталось по старому“:—остались даже прусские чиновники, и только к важнейшим из них были приставлены польские „советники“. Только впоследствии уже, когда германское правительство послало войска против Польши (излюбленный Носке прием защиты), польско-немецкие отношения в Познани сильно обострились, приняв характер ожесточенной борьбы. Интересно отметить, что начальство над польскими войсками в Познани было передано генералу Довбору Мужничку, тому самому, который при демобилизации русской армии образовал в Бобруйске контр-революционный добровольческий отряд. „Социалист“ Пилсудский, в качестве Главнокомандующего, утвердил это назначение.

Таким образом, образование самостоятельного польского правительства было предоставлено случаю. Благодаря революции в России и в Германии,

Польша освободилась от цепей чужого рабства, но польские народные массы не принимали активного участия в этом революционном освобождении, по той простой причине, что единственный революционный элемент в Польше—пролетариат—был парализован насильственной эмиграцией в Россию и в Германию. Никто не мешал авантюристам из национал-социалистической среды взять кормило правления в свои руки. Единственным общественным слоем, на который эти господа опирались, было националистическое мещанство, в основе своей реакционное; однако, им удалось вырвать его согласие на довольно серьезные демократические установления (весьма демократическое избирательное право и народную милицию)—ибо, как никак, их власть все таки имела революционный, хотя и извне пришедший, источник.

Февральские выборы в учредительный сейм, в которых принимали участие бывшая Русская Польша и Галиция—Познань, по вышеуказанным причинам, пока воздержалась—дали, как и следовало ожидать при данной структуре общества, крестьянское большинство, тем более, что часть рабочих последовала выдвинутому коммунистической партией *) лозунгу бойкота выборов.

В политических вопросах это крестьянское большинство совершенно неопытно. Партийная группировка только намечается, крестьянские депутаты прошли весьма слабую политическую школу. Они находятся частью под влиянием клерикалов, частью под влиянием националистических демагогов. Единодушие среди них обнаруживается только в вопросах, непосредственно касающихся крестьянства. Неожиданно обнаружилась полная дезорганизация старых буржуазных партий: как галицийские крайние консерваторы, так и не менее реакционные реальные политики Русской Польши временно сошли со сцены. Казавшаяся прежде всемогущей в Русской Польше партия „национал-демократов“ (имеющая еще менее общего с демократизмом, чем германские „национал-либералы“ с либерализмом), представлена в сейме довольно слабо. Столь шумевшие либералы почти совсем исчезли. Это вряд ли говорит о падении значения тех социальных групп, представителями которых являлись названные партии; все дело лишь в том, что, вследствие резкого изменения политического положения, внутренние связи этих партий оказались нарушенными, их организационный аппарат негодным.

Совещания сейма производят до нельзя жалкое впечатление: в речах министров и депутатов невозможно обнаружить ни одной творческой мысли. Особенно оскандалилось правительство, когда при обсуждении конституции оно предложило принять за основу искаженный оттиск „конституции 3 мая“, принятой польским дворянством—в лето от Р. Х. 1791! Невольно приходишь к мысли, что это правительство постоянно находится под гнетом сознания своей собственной бесполезности.

Только однажды дело дошло до более или менее серьезной парламентской борьбы, именно при обсуждении аграрного вопроса. Достоинно внимания уже само по себе то, что сейм, теряя время

*) Партия эта образовалась через слияние прежней „Социал-демократии Польши и Литвы“ и „Левых“.

на бесполезные дискуссии о конституции, вынужден был приняться за аграрный вопрос прежде, чем государство, как таковое, успело сложиться. Между тем, для депутатов от среднего и зажиточного крестьянства весь аграрный вопрос сводился к желанию этих слоев получить земли крупных помещиков: они не революционеры и готовы заплатить чистоганом, но от требования земли они не откажутся. Вся суть, следовательно, сводится к разделу крупных имений между крестьянами — конечно, за плату. Эти домогательства сильно встревожили помещиков. Они обратились за помощью к познанцам, решившимся, наконец, принять участие в заседании сейма, в надежде укрепить таким образом его реакционное крыло. Так и вышло: познанские депутаты оказались решительными противниками „какого бы то ни было покушения на частную собственность“. Несмотря на это, за реформу высказалось большинство, правда неособенно значительное — всего в один голос.

В общем, государственное строительство протекает при весьма тяжелых условиях. Всюду наблюдается деморализация, порожденная войной; среди государственных чиновников царят продажность и кумовство самого низкого сорта; еще более ужасна полная бездарность людей, стоящих у власти. Прибавьте к этому безнадежное экономическое положение. Безработица принимает невероятные размеры, вследствие застоя в промышленности и постепенного возвращения на родину бывших на чужбине рабочих. Сотни деревень сожжены во время войны, многие города опустошены. Нужна была бы гигантская работа для одного только восстановления довоенного положения, не говоря уже о той колоссальной культурной работе, которая потребовалась бы для того, чтобы поправить зло, причиненное стране вековой хозяйственной неумелостью иноземных властителей Польши.

5. Польша на службе у стран Согласия.

С самого начала разговоров о мире возник вопрос о том, какое положение займут в „Польском вопросе“ победители в мировой войне. Президент Вильсон провозгласил „право народов на самоопределение“. Франция и Англия официально также приняли эту точку зрения, но мудрые заправила капиталистической политики по отношению к Польше продолжали хранить молчание, якобы ожидая решения верховного ареопага.

Но польские политики, едва освободившись сами от чужого ига, тотчас же обнаружили склонность к подавлению других народов, — только этим и объясняется то влияние, которое вскоре получили державы Согласия на решение польских судеб.

Прежде всего разгорелась борьба в Восточной Галиции и в Австрийской Силезии. В Галиции с распадением Австрии ярким пламенем вспыхнула борьба между галичанами и поляками. Первые чувствовали свое родство с соседними украинцами, которые стремились захватить Львов. Отсюда возникла кровавая борьба, закончившаяся пока победой поляков.

В австрийской Силезии положение чрезвычайно запутанное. Здесь происходит конфликт между чехами и поляками; княжество Цешинское, из-за которого, главным образом, идет борьба,

имеет, правда, польское большинство, но черезполосица языков здесь невероятная: чешские оазисы разбросаны среди польских областей, и — наоборот. Для процветания как Польского, так и Чешского государства, весьма важно обладание Карвинским угольным бассейном, и поэтому обе стороны норовят присвоить себе всю страну. Далее, Польша предъявляет притязания на Спиж, область, вдающуюся дугой в южные склоны Татрских гор. Эта местность населена поляками и немецкими колонистами (потомками немецких рудокопов, пришедших сюда еще в XV веке для добывания в горах золота и меди) и до сих пор в политическом отношении входила в состав Венгрии. Теперь чехи предъявляют притязания на южные склоны Татр целиком, а также на Прикарпатскую Словакию, включая и Спиж.

Не менее запутан и вопрос о польско-немецких границах. Провинция Познань, за исключением западных, граничащих с Бранденбургом округов, носит польский характер. Спорно только положение Западной Пруссии. Широкая полоса вдоль Вислы имеет несомненно польское население; точно также и живущие ниже, до самых берегов Балтийского моря, кашубы принадлежат к польскому племени. С другой стороны, немецкое население преобладает в городах, не считая отдельных полос с немецким крестьянством, издавна здесь поселившимся. Эти национальные вопросы можно было бы, конечно, разрешить взаимными уступками в области школьного языка и т. д., но для капиталистических государств это невозможно по следующим причинам: Польша желает получить все течение Вислы до Данцига, ибо, в противном случае, у нее не будет доступа к морю; но тогда немецкая провинция Восточной Пруссии оказалась бы отрезанной от остальной Германии. В мирное время беда, пожалуй, не так уж велика: дорога из Берлина в Кенигсберг будет проходить на коротком пространстве по польской области — и все тут. Но как в случае войны? Восточная Пруссия потеряет тогда всякое военное значение для Германии. В этом смысле подобное положение для обоих государств — „важный жизненный вопрос“.

Далее спор идет из-за Верхней Силезии. Как уже указано, немецким помещикам и капиталистам здесь противостоит сплошная польская народная масса.

Но и здесь дело не в одних национальных затруднениях. Польша добивается верхне-силезского угольного бассейна, обладание которым сразу превратило бы ее из страны чисто земледельческой в страну промышленную. Германия не намерена поступиться этим угольным районом, ибо, в случае конфликта с Польшей, вся средне-германская промышленность была бы лишена угольного питания.

При выработке мирных условий с Германией победители не совсем считались с польскими вожелениями: Германия обязывается уступить Польше Познань и часть Западной Пруссии; зато судьба остальной части последней, а также и участь Верхней Силезии ставятся в зависимость от народного голосования. Данциг объявляется вольным городом, находящимся лишь в косвенной зависимости от Польши.

Эти мудрые решения — не более как жалкие паллиативы, ибо, повторяем, „вопрос“ не разре-

шим. Пока Германия и Польша будут оставаться капиталистическими государствами, они неизбежно, независимо от исхода плебисцита, будут вести борьбу не на жизнь, а на смерть из-за обладания спорными областями. Одна только победа социализма в обеих странах в состоянии разрешить эти „национальные“ вопросы, ибо в сущности все сводится к решению определенных экономических проблем, в соответствии с данными природными условиями.

Чешско-польский конфликт пока еще тоже далеко не решен. Поживем, увидим, как его разрешит мирный договор Антанты с Австрией.

Во всяком случае, участь правительства господина Пилсудского всецело зависит от милости держав Согласия, властное слово которых должно определить очертания границ польского государства. Купить эту милость можно было лишь одной ценой: борьбой против социалистической России.

Польскую буржуазию было тем легче подбить на эту борьбу, что борьба эта совпадала с ее собственными интересами. Буржуазия Польши отлично понимает, что, пока будет существовать социалистическая Россия, польские пролетарии будут иметь в ней твердую опору. Кроме того, выступает вопрос о восточных границах польского государства. Этнографически польские области простираются приблизительно до линии Буга. Как быть с обширными восточными областями, покоренными некогда польскими шляхтичами: с Литвой, Белоруссией, Подолией, Волинью, Украиной—вплоть до Дзины и Днепра? Крестьянство в этих восточных окраинах „исторической“ Польши в религиозном и политическом отношении осталось чуждо польской культуре, но зато и литовский, и белорусский, и украинский крестьянин очутились под пятой у польского шляхтича — польские дворянские роды до сих пор еще владеют здесь колоссальными поместьями: рядом с средним помещичьим дворянством можно назвать здесь таких магнатов, как роды Радзивиллов, Сапегов, Чарторыхских, Замоиских, Любомирских, Потоцких, Сангушко, Коссаковских, Тышкевичей, владеющих здесь огромными латифундиями. В случае установления здесь советской власти, земли перейдут к рабочим и крестьянам, что отчасти уже и случилось. Неудивительно поэтому, что польские аристократы пускают в ход все свое влияние для искоренения большевизма в этих областях и для присоединения их к Польше.

Будь у господ Пилсудских, Дашинских и Ко. хоть капля даже не социалистического, а просто демократического чутья, они, наверное, поняли бы недопустимость для себя участия в этой аннексионистской политике на востоке. Совершенно независимо от всяких симпатий и антипатий к социалистической России (которая чувствовала себя обязанной притти на помощь пролетариату и крестьянству указанных областей), но с чисто польской демократической точки зрения аннексию этих стран следовало бы отвергнуть: во первых, потому, что не в интересах польской демократии содействовать усилению польской аристократии; во вторых, потому, что даже политическим младенцам должно быть ясно, что без грубой внешней силы Польше не удержать за собой этих областей, и что она, следовательно, обрекается на

то, чтобы стать хищническим военным государством. Ибо неужели же кто-нибудь в состоянии серьезно поверить, что крестьянство этих областей,—на деле познакомившееся со всеми выгодами советского строя и временно вернувшее себе землю,—когда-либо согласится снова терпеть иго помещиков и страдать от безземелья? Допустим даже, что аграрный вопрос так или иначе будет решен, — например, принудительным отчуждением земли в пользу крестьян, конечно, за выкуп; но тогда останется еще национальный вопрос. Ведь, в этих областях поляки не составляют и 10 процентов населения (вместе с евреями, они живут в городах; далее, мы встречаем поляков среди сельско-хозяйственных рабочих, и, наконец, имеется незначительное число польских крестьян).

Возможность ополячения, таким образом, исключается, а с ростом культурного сознания у литовского, белорусского и украинского крестьянина неминуемо будет расти его сопротивление чужому господству. Ясно, что аннексионистская политика является для демократии новорожденного государства чистойшим самоубийством.

Возможно, что Пилсудский со всей его свитой и чувствуют это, но отстранить от себя чашу сия они не в силах. Они вынуждены идти на самоубийство. Ибо они продали душу капиталистическим хищникам Антанты, а те велят им вести борьбу с социалистической Россией.

Так, Польша с первого же дня превратилась в военный лагерь, вынужденный воевать на все стороны: с Германией, с Чехией, с Россией. Государственная жизнь находится в крайнем хаосе: администрация, транспорт, школа, финансы находятся в ужасающем беспорядке; в промышленности застой, в деревнях свирепствует голодный тиф, оспа и другие эпидемические заболевания. Но вместо того, чтобы напрячь все силы для упорядочения государственной жизни, правительство Пилсудского вынуждено возложить на и без того уже истощенную страну непосильное военное бремя.

Особенную опасность для будущей Польши представляют долги, в которые втягивает ее эта война. Вся военная добыча, захваченная поляками в германских и австрийских крепостях и военных лагерях, все таки оказалась недостаточной для снабжения польской армии: требуется еще оружие, снаряды, обмундировка. Все это щедро доставляется, — правда, за большие деньги, — американскими, французскими и английскими военными поставщиками, которые, в противном случае, просто не знали бы, куда девать оставшиеся у них на складе орудия убийства. Не имея наличных денег, Польша покупает в кредит на самых невыгодных условиях, запутываясь таким образом в долгах, сумма которых значительно превышает платежеспособность разоренной страны. В результате, пока Польша ведет завоевательную войну, капиталисты Антанты делают в ней свои „мирные завоевания“.

Пользуясь затруднительным положением страны, они прочно укрепляются в банках и в промышленности. Таким образом, „освобожденная Польша“ попадает в экономическое рабство: иностранные капиталисты уже сейчас являются в ней полными господами, а каждый новый день войны еще крепче сковывает экономические цепи. Спасения для буржуазной Польши нет.

В мае 1919 года политики Антанты выкинули новое коленце: они признали адмирала Колчака главою русского государства. Это должно было бы послужить предостережением для варшавских политиков: ведь ни Колчак, ни другой какой-нибудь представитель империалистской России никогда не согласится отказаться от западных владений бывшей царской России. В случае свержения Советской Республики, новому польскому государству предстоит борьба на смерть с империалистской Россией. Какое, следовательно, безумие обнаруживает Польша, напрягая свои последние силы против Советской России только для того, чтобы обеспечить создание угрожающей ей гибели новой империалистской России. Невольно припоминается немецкая пословица: „только самый глупый теленок сам выбирает себе резника“.

6. Польская коммунистическая партия.

Революционный пролетариат Польши к моменту конца оккупации был, как уже сказано, бессил, так как главная масса польских рабочих по принуждению пребывала на чужбине. Обе революционные партии — „С.-Д. Польши и Литвы“, и „Левница“, слившиеся в единую „Польскую Коммунистическую Рабочую Партию“, не могли и думать при таких условиях о провозглашении диктатуры пролетариата, как того требует программа партии, и было бы смешно упрекать их за это. Они мужественно выполнили свой долг, выступая все время с резкой критикой нового государства и ведя пропаганду коммунизма и советского строя.

Кто знаком с существовавшими тогда условиями польской действительности и способен хорошенько вдуматься в них, тот поймет, каких скромных результатов можно было ожидать от этой пропаганды. В конце концов, и рабочие ведь подвержены настроением, и вполне понятно, что в первую минуту освобождения от чужого ига волна патриотических чувств, в самом лучшем смысле этого слова, охватила и рабочих. Следует, кроме того, вспомнить оживленную демагогическую агитацию, которую вела П. П. С. при дружественной поддержке правительства, между тем как наши товарищи подвергались преследованиям со стороны мешанских кругов и новоиспеченной полиции. Редакции коммунистических газет были разгромлены, каждый агитатор в любой момент мог быть растерзан искусственно разгоряченной чернью. Подобно большевикам в июльские дни, наши польские товарищи были загнаны в подполье. И здесь оправдался старый закон: только опыт создает политическое воспитание масс. Да, потребовался герький опыт, чтобы доказать массам, что „освобожденное“ отечество даст им только камень вместо хлеба.

Главной ареной революционной пропаганды был, да и до сих пор остается, единственный район, где производство более или менее сохранилось — Домбровский угольный бассейн. Далее, коммунистическая партия насчитывает много сторонников среди варшавских, лодзинских, люблинских рабочих (на водопроводных и электрических станциях, городских ж. д. и т. д.). Неожиданным явился ее успех среди сельских рабочих. Целый

ряд энергично проведенных стачек прежде всего укрепил в них сознание своих экономических интересов; но стачки эти имели также не малое политическое значение. Промышленные рабочие в подавляющей части своей все еще лишены работы, и само собою ясно, что эта безработная масса — элемент, мало пригодный для планомерной политической борьбы. Революционная пропаганда, конечно, оказывает влияние на них, и в своих демонстрациях они все чаще выставляют коммунистические лозунги, но решительных действий со стороны безработных можно ожидать только при крайнем обострении политической ситуации, когда самые широкие пролетарские круги убедятся в неизбежности политического переворота.

И нужно отдать справедливость польскому правительству — оно делает все, что может, для ускорения этого процесса. Если не считать правительства Эберта-Шейдемана в Германии, вряд ли можно найти другое правительство, которое бы так усердно подготавливало свою собственную гибель, как правительство господина Пилсудского, обрекающее себя на верную смерть своим тупым непониманием положения, пренебрежением ко всякой сознательной деятельности, своей политикой голого насилия и преследований рабочего движения.

Пока — война все еще позволяет этому правительству держать массы под националистическим гипнозом. Применяемые при этом приемы представляют собою рабское подражание приемам немецких политиков: новоиспеченные „государственные управители“ Польши не даром прошли школу Безелера, Фалькенгейма и компании, и их обезьянье подражание ухваткам этих „мировых властителей“ доходит до смешного. Даже речь их — не более как перевод с немецкого: так и слышится хриплый фельдфебельский окрик.

Беспощадная война против войны — такова настоятельная задача польских коммунистов, и они выполняют ее изо всех сил. Этим они бьют господствующую клику по самому больному месту и помогают европейской революции.

Наметить перспективы польского революционного движения для ближайшего будущего особенно трудно по той причине, что „независимая“ Польша всецело зависит от хода вещей во всей остальной Европе. Например, коммунистический переворот в Германии вызвал бы в ней немедленное отражение. Не в меньшей степени Польша зависит и от стран Согласия. Достаточно изменения, по тем или другим причинам, английской и французской политики, ныне стремящейся из Польши сделать таран для сокрушения большевизма, — и все великолепие нынешнего правительства рухнет, как карточный домик. Поэтому возможно, что польскому пролетариату еще долго придется занимать оборонительную позицию против капитализма; но так же возможно, что он вдруг встанет лицом к лицу с задачей захвата власти в свои руки.

Польской коммунистической партии остается только продолжать свою работу, ни на минуту не теряя из виду своей главной цели — диктатуры пролетариата.

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ (Карский).

ТЕРРОРИЗМ И КОММУНИЗМ.

Совсем недавно вышла новая книга, направленная против коммунизма, — книга, принятая, ежащая перу известного ренегата, Карла Каутского, — под заглавием „Терроризм и Коммунизм“.

Этому новому произведению ставшего отныне бесповоротно „бывшим“ для марксистов человека тов. Ленин посвятил в № 5 „Коммунистического Интернационала“ статью под заглавием „Как буржуазия использует ренегатов“. Действительно, русские белогвардейцы в своем выходящем в Гельсингфорсе органе „Русская Жизнь“ уже успели использовать последнее выступление знаменитого ренегата.

Каутский, несомненно, не раз смыслил на Маркса в оправдание своих наветов на большевизм, — вероятно, не обошлось без обращений к тени великого учителя и при обосновании следующего положения, являющегося у Каутского основным.

Надежды на всемирную революцию неосновательны, утверждает Каутский, — и как бы вы думали, в чем состоит его аргумент? Революция в Европе по типу России была бы, дескать, „разжиганием (Entfesselung), развязыванием гражданских войн во всем мире на целое поколение и притом не развязыванием настоящей классовой борьбы, а братоубийственной борьбы среди пролетариев“.

Как же Маркс смотрел на пролетарскую революцию? Мыслил ли он ее вне форм гражданской войны?

Этот вопрос мы хотим затронуть в нижеследующих строках. В своей относящейся к 1875 году работе „Кельнский процесс коммунистов“ Маркс цитирует следующее свое заявление, сделанное им на собрании центрального комитета союза коммунистов в Лондоне 15 сентября 1850 г.

В мотивировке своего предположения о разделении союза Маркс говорит, между прочим, дословно следующее: „Мы говорим рабочим: вам придется пережить 15, 20, 50 лет гражданских войн и битв народов, не только чтобы изменить общественный строй, но чтобы изменить и себя самих и сделаться способными к политическому господству“.

Маркс, как видим, не боялся „развязывания гражданских войн на целое поколение“, — он учил, что только таким путем и может победить социальная революция, — что необходимо пройти через безводную пустыню гражданской войны, чтобы придти в обетованную землю коммунизма. И от той точки зрения Маркс никогда не отказывался.

В своей работе „Борьба классов во Франции 848 — 1850 гг.“, составленной из статей, печатавшихся в „Neue Rheinische Zeitung“, Маркс писал:

„Теперешнее поколение похоже на поколение евреев, ведомых Моисеем через пустыню. Оно не только должно завоевать новый мир: оно должно сойти со сцены, чтобы дать место людям, получившим достаточное воспитание для нового мира“.

В своем „18 брюмера“, написанном в 1852 г., Маркс в следующих словах противопоставляет буржуазные революции пролетарским.

„Буржуазные революции, напр., революции XVIII века, быстрее стремятся от успеха к успеху, их драматические эффекты импозантнее, люди и события как бы освещены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня; но они быстротечны, скоро достигают своего наивысшего пункта, и продолжительная эпития похмелья обязывает общество прежде, чем оно успевает тревно усвоить себе результат периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, какими являются революции XIX века, непрерывно критикуют самих себя, те и дело прерывают свой ход, возвращаются назад и заново начинают то, что, по видимому, уже совершенно, с беспощадной суровостью осмеивают половничатость, слабость, недостатки своих первых попыток, низвергают противника как будто только для того, чтобы он набрался новых сил, и снова отступают назад, пугаясь неопределенной колоссальности своей собственной задачи, пока, наконец, не будут созданы условия, исключавшие возможность всякого отступления, пока сама жизнь не заявит властно: *Hic Rhodus, hic saltus!*“

Итак, „пролетарскую революцию“ Маркс противопоставляет „быстротечным“ революциям буржуазии, — он мыслит ее, как целый исторический период, в котором эпохи подъема чередуются с моментами спада революционной волны. Как же мыслит Маркс эту пролетарскую революцию?

Именно, как гражданскую войну. „Гражданской войной во Франции“ назвал Маркс одно из лучших своих произведений, посвященное возвеличению парижской коммуны 1871 г., которая как раз и была „братоубийственной войной среди пролетариев“, которой так боится Каутский, — ибо в стане Тьера против коммунаров сражались обманутые версальцами пролетарии.

Всем памяты те вдохновенные страницы, в которых Маркс прославляет мучеников Коммуны. Мы напомним здесь лишь следующие строки его, посвященные рабочим:

„Рабочий класс не требовал чудес от Коммуны. Он не думал осуществлять посредством народного решения готовые и законченные утопии. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства“.

Итак, эту „упорную борьбу“, борьбу за власть, первым актом которой была Коммуна, Маркс мыслит, как „целый ряд исторических процессов, —“

это значит, что гражданская война, по его представлению, должна была затянуться на целую эпоху.

Вот подлинный, революционный марксизм, ключи которого бьют в сочинениях великого учителя, доктрину которого пытаются фальсифицировать—но тщетно—клянущиеся его именем жалкие эпигоны.

Маркс с нами, а не с нашими врагами. Коммунизм и есть революционный марксизм, проводимый в жизнь в эпоху ставшей действительно социальной революции.

А ведь было время, когда и сам Каутский следовал Марксу в вопросе о длительности гражданской войны. Мы имеем в виду появившуюся в 1909 году работу Каутского „Путь к власти“, которую по справедливости называют его „лебединой песней“. Он высказывал тогда предположение, что пролетарская революция может затянуться не на одно, а на несколько поколений. Вот его слова:

„Пролится ли этот революционный период так же долго, как революционный период буржуазии, который наступил в 1789 г. и продолжался до 1871 г., этого, конечно, предсказать нельзя. Правда, в настоящее время всякое развитие идет гораздо быстрее, чем раньше, но зато и арена борьбы расширилась необыкновенно сильно. Когда Маркс и Энгельс писали свой „Коммунистический манифест“, их глазам в качестве арены пролетарской революции представлялась только Западная Европа. В настоящее время поле борьбы охватывает весь мир.

Пролетариат выйдет из революционной эпохи, которая уже начинается и продлится, быть может, на протяжении человеческой жизни, иным, чем он вступил в нее“.

Вот что писал Каутский, когда он еще не порвал с марксизмом, как в настоящее время. Пусть же Каутский поглядит на себя, „чем он был и чем стал“.

В своей книге „Терроризм и Коммунизм“, по словам социал-патриота Штампфера в „Форвертсе“, Каутский показывает подробно, как большевики всегда приходят в конце концов к противоположности того, что было их целью: „они были противниками смертной казни, и работают массовыми расстрелами“...

По реферату „Русской Жизни“ Каутский пишет дальше: „большевики переняли из истории Парижской коммуны ее неистовый терроризм, но не восприняли основ демократии и человечности. Террор заставляет потухнуть революционную энергию масс и подготавливает почву для грядущей реакции, ведет к гибели демократической власти, опирающейся на волю народную.

„Так было с Робеспьером.—так будет и с большевиками“, говорит Каутский. Это заявление Каутского о терроре Российской Рабоче-Крестьянской Революции ничем не отличается от того, что говорят на эту же тему Ллойд Джордж и Клемансо, что твердит изо дня в день находящаяся на содержании у банкиров буржуазная пресса обоих полушарий.

Как же высказывался о революционном терроре Карл Маркс?

В 1847 году в своей статье „Die moralisierende Kritik und die kritische Moral“ он писал:

„Господство террора во Франции могло, поэтому, лишь послужить тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия, с ее тревожной осмотрительностью, не справилась бы с такой работой в течение десятилетий.

Кровавые действия народа лишь выравнивали, следовательно, ей дорогу“. (Aus dem litterarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassale. Stuttgart. 1892, III, 455—6).

В январе 1849 года „Neue Rheinische Zeitung“ в таких словах характеризует „героический эпизод“ движения 1848 года—„терроризм“ венгерских революционеров:

„В первый раз в революционном движении 1848 года, в первый раз со времени 1793 года нация, окруженная превосходящими ее силами контр-революции отваживается на то, чтобы противопоставить трусливой ярости контр-революции революционную страсть“ (der feigen gegenrevolutionären Wut die revolutionäre Leidenschaft) (Ibid., B. IV. 233).

Все симпатии Маркса, как видим, были на стороне революционного террора.

Было время, однако, когда и Каутский умел судить о „терроризме и коммунизме“, более объективно. Мы имеем в виду вышедшую в 1895 году его работу „Die Vorläufer des Sozialismus“—„Предшественники социализма“, где он очищал коммунистическое движение средних веков и эпохи реформации от той груды лжи и клеветы, которою хотели очернить память этого движения буржуазные историки.

Одной из лучших частей этой книги являются страницы, посвященные Мюнстерской коммуне, этому „новому Иерусалиму“ эпохи реформации. В Мюнстере, в Вестфалии, в начале 1534 года власть захватили коммунисты того времени—анабаптисты.

От многих обвинений пришлось защищать „слишком ранних предтеч“ коммунистической весны нашему историку в „Предшественниках социализма“; не мог он не коснуться и вопроса о „терроре“. Рассуждения Каутского по этому вопросу очень важны для правильной оценки его настоящей позиции по отношению к красному террору русских коммунистов; как небо от земли отличны они от настоящей его позиции.

Двадцать пять лет тому назад Каутский сразу уловил существо вопроса.

„Прежде всего, не следует забывать, писал он, что Мюнстер находился на военном положении с тех пор, как епископ напал на него 10 февраля. Это обстоятельство обыкновенно упускается из виду пристрастными историками анабаптизма.

Надо полагать, что война чрезвычайно ничтожное обстоятельство. Ибо чем же объяснить в противном случае, что „благонамеренные“ историки, которые с такой пронизательностью умеют выискивать даже самое незначительное обстоятельство, повлиявшее на тот или иной, нередко весьма мало-важный поступок монарха, всегда почти забывают принять в расчет военное положение, когда речь идет о действиях демократического общества, борющегося за свое существование. Стоит только прочесть обычные буржуазные рассказы о восстании парижской коммуны в 1871 г. и о господстве террора во время великой французской революции“.

Та же участь, говорит Каутский, постигла и анабаптистов Мюнстера. (Мы цитируем по русскому переводу „Предшественники новейшего социализма“ I. С.-Петербург 1907 г. стр. 356).

В настоящие дни историк Каутский в роли публициста также упустил из виду одно „чрезвычайно ничтожное обстоятельство“, именно он забыл принять в расчет военное положение, когда речь идет о действиях коммунистического общества, борющегося за свое существование в России... И естественно, поэтому, что „благонамеренность“ Каутского засвидетельствована ныне даже черносотенной „Русской Жизнью“, проповедующей возвращение к временам царизма.

Что же говорит Каутский дальше?

„Желая понять Мюнстерское восстание и стремления анабаптистов, нельзя мерить их государство по масштабу мирного времени, а следует помнить, что это был осажденный, и даже при особенно тяжелых обстоятельствах, осажденный город. Для анабаптистов не существовало обычного военного права; почетной капитуляции они даже были лишены; осажденным оставался только выбор между победой и мучительнейшей смертью. Относительно мятежников даже самое ужасное наказание кажется слишком мягким; это, как говорит Лютер, благодеяние, оказываемое им правительством. Если эти мятежники подведут итог княжеской кровожадности, то станет ясно, какие ужасы порождает... свобода и равенство. Такова логика „светил науки““.

Каутский в своем качестве историка был весьма проницательным аналитиком; он помнил все то, что нельзя забывать, он не забывал принять в расчет самые маловажные обстоятельства.

Почему же он теперь забыл, что вся Советская Россия является осажденной крепостью, против которой ополчились всемогущие, могущественнейшие империалисты всего мира? Или он думает, что у российских коммунистов имеется другой выбор, чем у анабаптистов XVI столетия?

Пусть он ознакомится хотя бы с официальными приказами царских генералов, которые обещают смерть всем коммунистам—„Горе коммунистам“, писал Юденич в своем воззвании, опубликованном в № 1 Гатчинского „Приневского Края“—, и он убедится, что жестокость белых „демократов“ XX века отнюдь не уступает „княжеской кровожадности“ XVI века.

Интересно отметить, что Каутский— историк пролетарской революции— так же объясняет неизбежность применения террора рабочей коммуной, как беспристрастные историки величайшей из буржуазных революций— антифеодальный террор 1793 года.

Предоставим слово А. Олару (Политическая история французской революции, 3-е изд., С. П. Б. 1918).

„До 10 августа 1792 года революция пыталась организовать правительство на началах закона и свободы.

Затем, когда силы сопротивления прошлого вступили в коалицию между собою, вызвав гражданскую войну и войну внешнюю, когда нация почувствовала, что на нее нападают с фронта и с тыла, и стала опасаться за самое свое существование,

тогда революция приостановила действие основных принципов 1789 г. и обратила против своих врагов те же насильственные средства старого порядка, которые они направляли против нее. В этой именно приостановке действия основных принципов 1789 г. и состоит террор, и эта приостановка сделалась полной, когда опасность достигла своего максимума, когда сам Париж всего яснее сознавал эту опасность и всего более страдал от нее, т. е. в августе и сентябре 1793 г.“ (стр. 245).

Итак, террор был вызван необходимостью для французской республики отбиваться от целого сонма внутренних и внешних врагов. В минуту смертельной опасности для революции, когда Франция подверглась чужеземному нашествию, а роялисты вкупе с жирондистами поднимали внутри страны одно восстание за другим,—

„...тогда именно вошло в обычное употребление слово террор, как обозначающее известное правительственное средство. 5 сентября депутация, состоявшая из комиссаров от сорока восьми парижских секций и из членов якобинского клуба, явилась сказать Конвенту: „Законодатели, поставьте террор в порядок дня.“ На том же самом заседании, Барер, говоря от имени Комитета Общественного Спасения, воспользовался этою фразой в следующем месте своей речи: „Все, казалось, указывало на подготавливавшееся движение в Париже. В перехваченных письмах возвещалось об усилиях со стороны агентов чужеземных правительств и аристократии поддерживать волнение в великом городе, как они называют его. Ну вот и прекрасно: у них будет это волнение, но только организованное, урегулированное революционной армией, которая приведет, наконец, в исполнение это великое слово, сказанное нам парижской коммуной: поставим террор в порядок дня.“

Террористический режим, действительно, нарушал гражданские права, провозглашенные революцией. Но „некоторые из ударов, нанесенных личной свободой, объяснились усилением строгости законов, направленных против эмигрантов, сделавшихся необходимыми вследствие вооруженной помощи, оказываемой большинством из этих эмигрантов нашим врагам.“ (стр. 247).

И террор во время великой французской революции нашел свое оправдание перед судом истории.

„Революционный трибунал, говорит Олар, выполнил свое назначение: он действительно терроризировал роялистов, неприсягнувших священников, помогавших вандейцам и чужеземцам, всех агентов контр-революции; он обеспечил этим успех национальной защиты“ (стр. 243).

Феодальный мир ополчился против победоносной революции, вступая против нее в союз с ее врагами внутри страны,— революционная буржуазия спасала свои завоевания путем насилия, направленного против феодалов. Неужели же победивший пролетариат не имеет такого же права обратиться против ополчившейся на него походкой мировой буржуазии то средство, которым она в свое время победила феодализм?

Но предоставим слово опять Каутскому, старому Каутскому.

В своем анализе истории Мюнстерского восстания Каутский выдвигает все новые и новые моменты, служащие исчерпывающим объяснением

неизбежности антибуржуазного террора пролетарской революции.

„На ряду с этим особым положением, которое побуждало к кровавым поступкам, следует принять во внимание характер века, который был одним из кровожаднейших, быть может, самым кровожадным.

Анабаптисты, эти миролюбивейшие из всех людей, всюду были систематически гонимы как дикие звери и предаваемы ужаснейшим мучениям. Если, благодаря отчаянию, эти бедняки доходили до настроения, при котором надоедало баранье терпение и которое побуждало их решительно сопротивляться, то удивляться здесь нечего; удивляться следует лишь тому, что настроение это развивалось так долго и всегда овладевало только частью гонимых“ (стр. 356—7).

Если бы Каутский не встал по отношению к русской революции в позицию „пристрастного“ историка, то он принял бы во внимание и характер нашего века, который по кровожадности не уступит XVI веку, ибо в мировой империалистской войне ради захвата новых рынков для обогащения капиталистов перебито десять миллионов человек, ранено и искалечено двадцать миллионов.

Если бы Каутский был сколько-нибудь объективен, то он вспомнил бы, что русская революция выросла из чудовищной военной катастрофы и что это обстоятельство не могло не наложить своей печати на характер гражданской войны, выросшей из войны империалистской.

Наш историк мог бы припомнить слова одного из величайших историков всех времен и народов о том, что „война делается учительницей насилия“ (Θυκιδιδ. История Пелопонесской войны, книга III).

Историк Каутский вспомнил бы об огрубении нравов, явившемся следствием тридцатилетней войны в Германии, превосходную картину которого дал немецкий романист XVII века Гриммельсгаузен в своем знаменитом романе „Simplicius Simplicissimus“.

Наш историк мог бы вспомнить и слова Маркса, в его „Гражданской войне во Франции“, о парижских солдатах, расстрелявших бонапартистских генералов Леконта и Клемана Тома.

„Укоренившиеся в них, в школе врагов рабочего класса, солдатские привычки не могли, разумеется, бесследно исчезнуть в ту же минуту, как только они перешли на сторону рабочих“.

Каутский 1895 года несомненно удивился бы, что русские рабочие и крестьяне слишком долго были так мягки по отношению к своим врагам, чем только затянули гражданскую войну.

Каутский продолжает свое повествование о „красном терроре“:

„Теперь целый ряд счастливых обстоятельств дал в руки жестоко гонимых и оскорбляемых крепкий город, но извне им грозило полное уничтожение.

Как же поступили они при таких обстоятельствах?

Теперь, после начала осады, этих заговорщиков, сносившихся с внешним врагом, не казнили, что вполне соответствовало бы военному праву и хорошему примеру епископов, но их попросили оставить город. И это называется „террором“. Какое жалкое лицемерие“.

К подобного рода „террору“, к сожалению, слишком часто прибегала на первых своих ступе-

нях и русская рабоче-крестьянская революция (еще летом 1918 г. покойный К. Арсеньев, столп нашей либеральной публицистики, признал, что советская власть до того времени не прибегала к террору).

Только железная необходимость, только беспощадная война, объявленная нам всем буржуазным миром, вынудила рабочих и крестьян вступить на путь революционной самозащиты. Каутский продолжает:

„Во время осады в городе пришлось ввести строгое управление, был совершен ряд казней. Но если рассмотреть случаи, о которых рассказывают Керсенбронк и Гресбек, то мы увидим, что они всегда касаются преступков против безопасности города: соглашения с врагом, нарушения дисциплины, попыток дезертировать или поколебать спокойствие населения. Нет сомнения, что казнь есть жестокость не большая, чем война; она была им навязана. При всяком удобном случае они доказывали свое миролюбие“ (стр. 358).

Если бы наш историк отнесся к современным ему событиям в России хотя с сотой долей той объективности, которую он проявил при исследовании Мюнстерской коммуны, то он увидел бы, что и русские революционеры казнят изменников социалистическому отечеству, шпионов Антанты, предателей, нарушителей революционного порядка, дезертиров из рядов Красной Армии. Российская Коммуна в момент ожесточеннейшей смертельной борьбы имеет не меньше права расправляться со своими врагами, чем Коммуна Мюнстерская. И к рабоче-крестьянской революции в России вполне применимы слова старого Каутского, что „казнь есть жестокость не большая, чем война“, что „война навязана“ Советской республике, что „при всяком удобном случае“ она „доказывала свое миролюбие“.

От Каутского не ускользала раньше разница и между красным и белым террором.

„Террор царил не только в Мюнстере, писал он, но и в областях, подвластных епископу, и сравнение между ними—не в пользу последнего.

Епископ нападал, а баптисты выдерживали это нападение. Епископ убивал ради своей пользы, а баптисты,—чтобы не быть самим убитыми: они боролись за свою жизнь... Приспешники епископа любили умерщвлять баптистов мучительным способом, преимущественно посредством утопления или сожжения. В Мюнстере же не мучили приговоренных к смерти; там было лишь два способа казни, которые употреблялись даже и в гуманном XIX столетии, именно отрубание головы и расстреливание“.

Теперь Каутский как будто находится в полном неведении относительно того, что террор царит не только в Советской России, но и в областях, подвластных контрреволюции. Он слеп даже к тому террору, объектом которого у него перед глазами являются германские рабочие, субъектом—Шейдеман и Носке.

Еще бы! „благонамеренный“ историк знает, что сравнение будет не в пользу белого террора, и он молчит о его ужасах.

Каутский прибавляет, что „анабаптисты не только не были слишком жестоки, но наоборот.

для своего времени и для своего положения, они казались необычайно мягки. Вся жестокость их состояла в том, что они не давали резать себя, как баранов; действительно, это проступок, которому нет оправдания в глазах каждого „благонамеренного“ человека. Стрелять в анабаптистов, это весьма похвальное выполнение долга любви, если же они позволят себе со своей стороны стрелять, то это уже дьявольская „жестокость“.

Известная мораль готтентота: хорошо, если я беру жену у ближнего, плохо, если он ее у меня берет.

Ставши ныне „благонамеренным“, Каутский не находит оправдания для тех поступков русских коммунистов, которые он находил вполне естественными у пионеров коммунизма около 400 лет тому назад.

Говоря о прошлом, Каутский умеет бичевать до конца буржуазную ложь.

„Обвинение в жестокости тесно связано с обвинением в тирании; Мюнстер будто бы показывает, к чему ведет коммунистическая свобода и равенство“. (стр. 359).

Советская Россия показывает, к чему ведет осуществление социализма, вопят социалистоеды всех стран.

Старый Каутский 25 лет тому назад еще знал цену обычным буржуазным рассказам, теперь он сам повторяет их без всякой критики.

Что же отвечает наш историк хулителям Мюнстерской коммуны?

„Осадное положение всегда имело своим последствием прекращение гражданских прав и свободы и неограниченное право распоряжения жизнью и имуществом осажденного населения со стороны военных властей; и это имело такое значение, что слово „осадное положение“ стало означать то же, что прекращение всех прав и политической свободы. Коммунизм до сих пор еще не нашел, к сожалению, чудесного эликсира, посредством которого можно было бы сделать излишним

эти необходимые последствия осажденного положения. Поэтому он и в Мюнстере не мог воспрепятствовать тому, что осадное положение повело к военной диктатуре. Кто и из этого не поймет всю преступность коммунизма и коммунистов, тому уже ничем не поможешь“ (стр. 360).

Как хорошо 25 лет тому назад Каутский понимал много таких вещей, которых он теперь совсем не понимает!

Трудно было бы лучше, чем это сделал Каутский в цитированных нами выше словах, выяснить железную логику развития рабочей революции, вскрыть неизбежность и историческое оправдание красного террора в процессе пролетарской борьбы, — нельзя лучше опровергнуть буржуазных хулителей коммунизма.

Но то, что было так ясно историку Каутскому, лежит теперь за пределами кругозора Каутского политика.

„Буржуа приписывают рабочим все те позорные деяния, которые они сами некогда не упускают случая совершить в случае победы“, писал в 1874 г. Фр. Энгельс в своей статье: „Бакунисты за работой“.

Каутский умел разоблачать буржуазную ложь в прошлом,—когда дело шло о том, чтобы очистить от клеветы светлую память мучеников коммунизма,—но он повторяет лживые измышления сикофантов буржуазии относительно продолжателей и вместе с тем завершителей дела мюнстерских коммунистов, тех, кому суждено привести к победе дело коммунизма.

„Встань, проснись, подымись, на себя погляди, чем ты был и чем стал“,—хочется ему сказать словами известного Кольцовского стихотворения...

И революционный пролетариат, сравнивая старого Каутского, у которого он многому еще может поучиться, с Каутским наших дней, для которого революционный марксизм является книгой за семью печатями,—с полным правом заклеит его именем ренегата.

В. БЫСТРЯНСКИЙ.

ДВА ГОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА В РОССИИ.

Свергая власть капиталистов, пролетариат немедленно берет в свои руки не только политическую, но и экономическую власть со всеми ее материальными и организационными предпосылками,— берет руководство всей экономической жизнью.

Рабочий класс России первый вступил на путь свержения капитализма и оказался первым победителем в начавшейся мировой революции, первый провозгласил и экономическую и политическую диктатуру пролетариата. Но, как авангарду мировой революции,— ему приходится выдерживать бешеный натиск мирового капитала, стремящегося приостановить ход исторического развития и задуть рабочую революцию.

В условиях борьбы с мировой буржуазией,— сражаясь против английской, французской, русской и всякой другой буржуазии,— рабочему классу России приходится осуществлять свою программу организации общества на коммунистических началах.

Только став на точку зрения осуществления исторической задачи, выпавшей на долю рабочего класса России, можно понять, объяснить и оценить создавшиеся сложные отношения, полученные результаты и все настоящее положение, а также предвидеть дальнейший ход событий.

Все силы, все средства, вся работа во всех областях — направлены на обслуживание этой основной исторической задачи, выполняемой пролетариатом. В эти два исторических года Советской власти — в области экономической — фактически, на деле, удалось свергнуть капиталистический строй, освободить рабочий класс городов и крестьянство деревень от экономического гнета капиталистов и помещиков. В эти два года Советской власти удалось организовать народное хозяйство в интересах обслуживания социальной революции и той героической борьбы, какую ведет против наступающих врагов рабочий класс России, отстаивая свои завоевания и защищая будущее развитие общества. В эти два года, в условиях жестокой борьбы и гражданской войны, Советской власти удалось создать новые органы экономического управления, поддержать производство и даже сделать дальнейшие шаги по пути развития новых отраслей промышленности, привлечь широкие массы рабочих к строительству экономической жизни.

Наша экономическая политика в течение этих двух лет имела несколько основных, руководящих положений.

Суммируя различного рода постановления, резолюции, изданные декреты — мы можем выделить четыре основных положения, — в рамках которых развивалась наша экономическая деятельность. Эти положения следующие:

Во первых,— создание новых органов управления экономической жизнью вместо разрушенных

капиталистических органов, организация их на основе непосредственного участия рабочих масс в управлении.

Во вторых,— уничтожение частной собственности на средства производства. Отобрание земли у помещиков, национализация банков, фабрик, заводов, рудников, торгового флота, отнятых у капиталистов.

В третьих,— организация единого народного хозяйства: — организация советских хозяйств в деревне, государственных трестов в промышленности об'единение разрозненных предприятий — под управлением общих советских органов.

В четвертых,— переход продуктов производства в руки государства и организация государственного распределения продуктов.

Таковы были основные положения, которые претворялись в жизнь в зависимости от целого ряда условий внешней и внутренней жизни, в зависимости от соотношения сил, технических возможностей, изменений в боевой обстановке. Если проследить во времени развитие нашей экономической политики, то мы ясно увидим разницу между первым годом Советской власти и вторым годом.

Первый год является периодом разрушения старых капиталистических отношений. Экспроприация экспроприаторов, отобрание у капиталистов и помещиков средств производства, разрушение капиталистических организаций — вот что наполняло содержанием деятельность первого года.

26 октября 1917 года опубликован декрет об отобрании земли у помещиков, 28 июня 1918 года — опубликован декрет о национализации всей крупной промышленности. В первый год были национализированы все банки и весь торговый флот. В этом же году ликвидируются акционерные общества, различного рода капиталистические организации.

Конечно, одновременно с этим создаются рабочие органы управления Советской власти, проводятся меры к организации народного хозяйства на новых началах, но центр тяжести — все же лежит в области ликвидации капиталистического строя, а не в этой работе.

Первый год — это год бури и натиска социалистических масс на капиталистический строй, уничтожение оков капитализма, разрушение всего того, с помощью чего господствовал капитализм.

Второй год — это время, когда центр тяжести всей деятельности был перенесен на творческую, положительную работу по созданию и организации новых форм народного хозяйства, на совершенствование и улучшение аппарата управления, поднятие производства и т. п.

Второй съезд Советов Народного Хозяйства в конце декабря 1918 года и съезд коммунистической партии в марте 1919 года — первый в своих

резолюциях, второй в принятой им программе партии—обращают в экономической области главное внимание на эти вопросы.

В резолюции первого съезда говорится: „основным вопросом всей экономической жизни является вопрос объединения народного хозяйства, как сельского, так и городского, и развитие производительных сил, как в области добывающей, так и обрабатывающей промышленности и в сельском хозяйстве.“

„Большая централизация управления промышленностью. Национализация всех видов промышленности требует решения задач нового, пролетарского управления гигантскими предприятиями и союзами предприятий, а равно массового учета и распределения продуктов в общенациональном масштабе. Эта задача так трудна, что при голоде, при невысоком уровне культуры и гражданской войне решение ее возможно лишь длительное.“

Съезд партии еще более решительно определил экономическую линию, говоря, что: „как главное и основное, определяющее всю хозяйственную политику Советской власти—поставить всемерное повышение производительных сил страны.“

Вот чего мы требовали от наших экономических органов, от профессиональных союзов, от рабочих на фабриках, заводах, рудниках, в городе и деревне. Таковы были наши задачи во второй год Советской власти. Ими определялась наша повседневная работа и вся наша деятельность.

Наша экономическая политика создавалась в условиях непрерывной борьбы, когда вся страна была объявлена одним военным лагерем и когда задачам борьбы было подчинено все. При проведении этой политики в жизнь приходилось неизменно напряжением сил преодолевать не только внешние, но и внутренние сопротивления. Не только наступление контр-революционеров мешало ее осуществлению, но и саботаж, тайный и явный, со стороны высшего технического персонала, косность и отсталость являлись врагами, с которыми приходилось вести трудную борьбу. Следует отметить, что наша политика являлась действительным выражением воли рабочих. Никакие соглашательские, никакие буржуазные и мелкобуржуазные лозунги не находили ни малейшей поддержки в среде пролетариата. Экономическая политика Советской власти явилась последовательным выражением борьбы и стремлений пролетариата. Этот факт мы констатируем с полной уверенностью, оглядываясь на прожитые нами два года.

Два года напряженных усилий проведения пролетарской экономической политики дали определенные результаты, к рассмотрению которых мы теперь обратимся.

Остановимся прежде всего на рассмотрении организации экономического управления в том виде, как она существует в настоящее время.

Советские органы, управляющие экономической жизнью, имеют своей основой рабочие профессиональные союзы.

Аппарат управления снизу доверху построен на этой основе.

Во главе всего управления стоит Высший Совет Народного Хозяйства, в губерниях — местные Советы Народного Хозяйства.

Всей работой Высшего Совета Народного Хозяйства—руководит Президиум—в составе 11-ти человек. Высший Совет Народного Хозяйства разделяется соответственно отраслям промышленности: металлургической, химической, текстильной, электротехнической и т. д., на 50 производственных отделов, во главе которых стоят Коллегии, из 3-х до 7 человек каждая.

Председатель и Заместитель Председателя ВСНХ утверждаются Всеросс. Центральным Исполн. Комитетом, члены Президиума—Советом Народных Комиссаров. Но кандидатуры, до утверждения, обычно проходят через Всеросс. Совет Профес. Союзов.

Все Коллегии Отделов Высшего Совета Народного Хозяйства утверждаются Президиумом, но обязательно по соглашению с соответствующим Профессиональным Союзом. Во все Коллегии и в Президиум—наряду со специалистами (инженерами и техниками)—входят рабочие.

Местные Советы Народного Хозяйства представляют исполнительные органы Высшего Совета Народного Хозяйства и построены на тех же принципах, что и Высший Совет Народного Хозяйства, но, конечно, они более сокращены и сужены в своем объеме.

В отдельных предприятиях и в государственных трестах организованы Заводоуправления и Правления, каждое из 5—7 человек, частью рабочих, частью специалистов, но утверждаются они соответствующим отделом ВСНХ или местным СНХ обязательно по соглашению с соответствующим Профессиональным Союзом.

В составе Коллегий, в составе Заводоуправлений имеется много специалистов: последние статистические обследования показали, что сюда входит до 60% специалистов и до 40% рабочих.

Без специалистов мы, конечно, обойтись не можем. Но мы далеко еще не изжили проклятое наследие капитализма, создавшего из специалиста, из инженера, техника, управляющего не общественного работника, а слугу хозяина-капиталиста и своего кармана. Этот прислужник капитала сразу отделаться от старых привычек не может. Он остается и долго еще будет оставаться тайным почитателем капитализма, подачками которого он жил.

Отсюда его вражда к новому строю. Отсюда его, если не явный, то тайный саботаж. Но рабочий класс выдвинул и дал нам уже не мало выдающихся администраторов и организаторов. С течением времени этот процесс выделения организаторов из среды рабочих будет быстро принимать все более широкий характер.

Вместе с тем в работу вступают новые молодые специалисты, оканчивающие теперь высшие учебные заведения, не бывшие под развращающим влиянием капитализма, и они внесут новую струю в организацию и в управление экономической жизнью.

Так же или почти так же, с небольшими изменениями, построены и другие экономические комиссариаты—Народный Комиссариат Земледелия, Народный Комиссариат Продовольствия и Народный Комиссариат Труда, при чем последний почти совершенно слит с профессиональными союзами и в своей работе и по составу своих руководителей,

Таким образом, мы имеем уже устойчивый аппарат управления. Конечно, у него есть свои серьезные недостатки, которые не легко изжить, особенно при условии отвлечения лучших сил на фронт.

Аппарат этот громоздок, в нем много бюрократизма, в нем много междудеятельной борьбы. Это все мы будем изживать постепенно.

В конечном счете, мы глубоко уверены в этом, нам удастся произвести дальнейшее объединение этого аппарата в единое целое, что даст большую экономию сил и облегчит быстроту действий.

Мы заменили, таким образом, аппарат капиталистического управления экономическим советским аппаратом, который уже пустил глубокие корни во все уголки нашей экономической жизни.

Несмотря на тяжелые условия, как внешние, так и внутренние, этот аппарат прекрасно справляется, как это мы увидим, с поставленными ему задачами. К рассмотрению этого мы и перейдем теперь.

В итоге двухлетней работы произошел почти полный переход средств производства из рук капиталистов и помещиков — в руки общества, в лице советских органов.

Национализация фабрик, заводов, рудников, и т. п. была проведена, начиная с главнейших отраслей промышленности и крупнейших предприятий. В Западной Европе зачастую распространяли совершенно ложные сведения о том, будто национализация была проведена без всякого плана. Это ни на чем не основанный вздор. Национализация, особенно со второй половины 1918 года, происходила вполне планомерно, захватывая наиболее важные отрасли и предприятия, необходимые для организации народного хозяйства. Национализация имела не только громадное экономическое, но и большое политическое значение. Национализируя, мы лишали наших классовых врагов тех средств и орудий, с помощью которых они господствовали, угнетали и эксплуатировали рабочие массы. Национализацией мы вырывали материальную почву из под их ног.

Мелкая же, кустарная и кооперативная, промышленность нами не только не национализировалась, но охранялась специальными декретами и постановлениями.

Нижеследующая таблица дает представление о размерах произведенной национализации в течение двух лет.

Национализировано за два года (1918—1919 г.г.)

1. Предприятий . . . . . 4 тысячи
2. Судов торгового флота . . 16 тысяч
3. Земли помещичьей и частновладельческой . . . . . 60.000.000 десятин.
4. Все банки во всех городах.

Данные эти в отношении предприятий несколько преуменьшены. Четыре тысячи предприятий находятся в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства, но на местах было национализировано не мало предприятий, которые находятся в ведении местных органов и не учтены центральными статистическими органами.

Можно с уверенностью сказать, что 90% всей промышленности в настоящее время национализировано.

От капитализма мы получили в наследство разрозненные, необъединенные предприятия.

Нашей задачей, как уже было указано выше, являлось — построить организацию народного хозяйства на социалистических началах. Необходимо было в области промышленности и в области сельского хозяйства — организовать и создать объединения отдельных предприятий, организовать снабжение их топливом и сырьем, поставить на новых началах их финансирование.

Это была колоссальная задача. Решение ее еще далеко не закончено. Втечение этих двух лет заложены, правда, прочные основы, но работы предстоит еще крайне много.

Подводя итог тому, что нового было организовано втечение двух лет в экономической области, — получаем следующую картину:

ОРГАНИЗОВАНО:

1. В области промышленности:

1. Государственных трестов 90
2. Заводоуправлений 4000
3. Государственные заготовительные аппараты по заготовке леса, льна, шерсти, пеньки, и т. д.

2. В области сельского хозяйства:

1. Советских хозяйств 2399
2. Сельско-Хоз. Коммун и артелей 5961

Таким образом, и промышленность и сельское хозяйство за два года не только вдвинуты в рамки управления новых органов пролетарской диктатуры, но и реорганизованы внутри в производственном отношении. Произошла концентрация производства. Такие тресты, как трест электротехнической промышленности, обнимающий все без исключения предприятия, до октябрьского переворота ведущие между собой жестокую конкуренцию и борьбу, или трест государственных машиностроительных заводов („Гомза“), обнимающий 16 крупнейших предприятий, — представляют из себя выдающееся в экономическом отношении явление. Точно также национализированные предприятия текстильной промышленности, которых насчитывается свыше 500 — разбиты на отдельные объединения (всего 40 объединений), охватывающие по несколько предприятий и управляемые „Главным Управлением“.

В смысле финансирования, снабжения, учета, получения продуктов трестирование промышленности дало огромные преимущества. Расчеты между национализированными предприятиями и их объединениями происходят уже только путем бухгалтерских перечислений, в „безденежной“ форме. Распределение топлива и сырья при этой системе также более равномерно и правильно. Если принять во внимание то исключительно трудное положение, в каком находилась Советская Россия втечение этих двух лет в смысле топлива, располагая всего только 10% необходимого угля и имея нефти 93 милл. пудов — вместо ежегодных 400 миллонов, — то окажется, что благодаря одной только централизации в распределении и известной экономии, удавалось избежать страшного топливного кризиса. Снабжение же сырьем было поставлено удовлетворительно.

В сельском хозяйстве организация советских хозяйств, находящихся в управлении советских органов, дала возможность не только сохранять сельскохозяйственную культуру, крупные хозяйства, но и впервые дала возможность индустриальному пролетариату принять участие в сельском хозяйстве, впервые создало крепкие узы между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней. Помещичья земля подверглась в своем громадном большинстве разделу, и можно было опасаться, что крупное производство в сельском хозяйстве погибнет. Кроме того, существовала опасность и сильного укрепления мелкособственнических стремлений. Однако, жизнь показала обратное. В деревне все сильнее и сильнее начала пробиваться струя социалистического строительства. В настоящее время около 3-х миллионов десятии земли находятся уже в руках советских хозяйств и сельскохозяйственных коммун. Это крупный шаг вперед. Дальнейшее правильное развитие даст нам возможность поставить все сельское хозяйство на новых началах, поднять его на большую техническую высоту и через советские хозяйства и сельскохозяйственные коммуны внести социалистическую культуру в деревню и организовать на социалистических началах сельское хозяйство.

Обращаясь к экономическому положению и к результатам экономической деятельности, мы прежде всего должны сказать, что экономическое положение, как результат нашей экономической деятельности, зависело от изменившихся условий гражданской войны.

До половины 1918 года мы ликвидировали империалистскую войну. Мы произвели демобилизацию нашей промышленности и поставили своей целью обслуживание главным образом мирных нужд и потребностей населения и рабочего класса. Капиталисты и помещики были сломлены и не представляли сколько-нибудь серьезной силы.

Но вмешательство мировой буржуазии, оказывавшей в течение всего времени деятельную поддержку контр-революции в России, стремившейся нанести Советской власти смертельный удар, вдохнуло жизнь в изгнанных капиталистов и помещиков и повело к обострению гражданской войны. В результате борьбы, при которой нам все время приходилось отбиваться от врагов, у нас постоянно менялась экономическая база.

Донецкий бассейн, Урал, Кавказ — главные источники топлива и сырья, угля, нефти, чугуна, железа и стали — переходили из рук в руки. На некоторое время они становились Советскими, но новые наступления белогвардейцев отрывали их снова, разрушали налаженное производство, лишали нас собранных запасов. В результате, нашей основной базой стал центральный район Советской России.

Потеря Донецкого бассейна равнялась для нас потере 80% всего нашего угля, занятие англичанами Баку лишило нас нефти, занятие Юга и Кавказа оставило нас без металла. Нетрудно поэтому представить себе, в каких тяжелых условиях развивалась наша экономическая жизнь.

Но кроме территориальных условий, на наше экономическое положение оказало влияние и то обстоятельство, что нам пришлось опять мобилизовать нашу промышленность, перевести ее снова на работу по обслуживанию войны.

Таковы условия, в которых развивалась наша экономическая деятельность и осуществлялась наша программа.

Однако, подводя итоги, мы констатируем, что, несмотря на столь тяжелые условия, мы экономически крепим, получая с течением времени все лучшие результаты. Посмотрим на данные, характеризующие основные отрасли нашей экономической деятельности там, где она протекала непрерывно в течение двух лет.

I. Заготовка топлива и сырья.

Название продукта.	К о л и ч е с т в о 1918 г.	1919 г.
A. Заготовка топлива.		
1. Уголь . . . . . (Подмосковный и Боровичский районы).	ок. 30 милл. пуд.	ок. 30 милл. п.
2. Дрова . . . . . (Заготовленное количество и запасы).	4 милл. куб. саж.	5 милл. куб. саж.
3. Торф	58 милл. пуд.	60 милл. пуд.
4. Нефть	93 милл. пуд.	(Баку занято англичанами).
B. Заготовка сырья и запасы сырья на складах ВСНХ.		
1. Лен	—	5 1/2 милл. пуд.
2. Хлопок	2.794 пуда.	6 1/2 (считая заготовленный в Туркестане).
3. Шерсть	—	2 милл. пуд.
4. Пенька	—	2
5. Кожа	5.461.000 штук.	2.365.000 штук (за 6 мес.).
6. Металл (запасы)	30 милл. пуд.	40 милл. пуд.

Приведенные данные имеют в виду лишь то топливо и сырье, которое заготовлено и утилизируется Высшим Советом Народного Хозяйства.

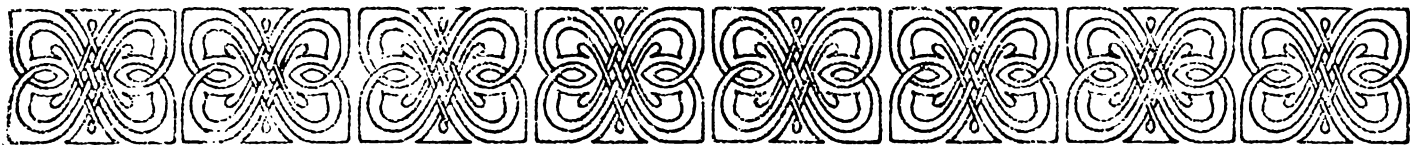
Мы видим, что положение с топливом ухудшилось с потерей нефти. В 1918 году мы успели вывезти из Баку нефть, в 1919 году мы совершенно ее не получили. Благодаря этому, железные дороги и ряд предприятий мы вынуждены были перевести на дрова, и последнее обстоятельство сказывается на домовом отоплении. До войны дров заготавливалось столько же, сколько мы заготовили и теперь: от 4 до 5 миллионов куб. саженой, но тогда были уголь, нефть, которые отапливали промышленность, дрова же шли главным образом на домовое отопление, теперь же главным топливом для промышленных целей являются дрова. Положение с торфом улучшилось, и в 1919 году мы добыли больше торфа (в 1918 году—58 милл. пуд., в 1919 году—60 милл. пудов). Заготовка сырья для нашей текстильной промышленности прошла удачно, сырьем мы ее полностью обеспечили. Льна и меду — собрано столько, что можно было бы вывезти за границу.

С металлом приходилось трудно, мы жили все время на старые запасы. С переходом Урала в наши руки, после того, как мы нанесли Колчаку поражение, — положение улучшилось, и в настоящее время мы получаем металл с Урала.

1942

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ.

Среди множества разных клевет, которые распространяются про Советскую власть, наиболее возмущил меня дошедший до нас через Сибирь слух о статьях американских газет, обвинявших нас в вандализме по отношению к музеям, дворцам, именным крупным бар, церквам, являющимся великолепными памятниками старины, а часто вместе с тем и исключительными произведениями искусства.

Мы можем с гордостью и уверенностью отвести от себя это обвинение и сказать, что мы совершили чудеса в деле охраны таких памятников. Конечно, я отнюдь не хочу этим сказать, что за время русской революции не погибли отдельные художественные ценности. Мы знаем о некоторых сожженных барских усадьбах, разрушенных библиотеках, раскраденных коллекциях и т. п., но ведь надо же понять, что такое великое потрясение, как революция, не может не сопровождаться отдельными эксцессами, и надо обратить внимание господ империалистов, что разгром, которому подвергалось человеческое достояние во время войны в местностях, оккупированных самими „цивилизованными“ буржуазными армиями, происходил в несравненно больших размерах.

В России это бедствие имело характер временный, продолжаясь лишь до тех пор, пока новая власть не взяла страну в свои руки. В настоящее время не только в Петербурге и его окрестностях, где накоплены несметные сокровища этого рода, не только в Москве и подмосковных, представляющих собою также нечто единственное в своем роде, но и в провинции, подчас в глухой провинции, Отдел Охраны Памятников Старины и Произведений Искусства имеет своих агентов, которые с помощью интеллигентных крестьян и рабочих блюдают, как зеницу ока, народное достояние художественной ценности.

Американские газеты осмелились говорить о разграблении и беспорядках в царских дворцах! Я был очень счастлив показать некоторым иностранцам, что делается в этих дворцах в настоящее время. Да, мы пережили трудное время, когда всякого рода отряды, а подчас банды, свои и чужие, сновали в Гатчине и Царском, когда в Петербурге не было никакой полицейской силы. Охранять при этих условиях даже материально несметные сокровища дворцов и музеев представлялось вообще делом как будто безнадежным. Прибавьте к этому, что во многих дворцах, а в особенности в Зимнем, подвалы были набиты винами, водками, коньяками. Нам пришлось все это беспощадно истребить, потому что иначе пьяные погромы могли бы распространиться на Эрмитаж, на залы Зимнего дворца и превратиться в неслыханное бедствие. Вино — страшная приманка, и я помню того храброго павловского солдата, который, подобно другим часовым, не утерпел, чтобы не хлебнуть вина, сотни тысяч бутылок которого он стерег, и который

потом, извиняясь, говорил мне: „поставьте меня около открытого ящика с золотом — не трону, а около вина стоять никак невозможно“. И, несмотря на это, путем истребления этого вина и при помощи самых крутых мер мы сумели выйти с честью из тогдашнего несчастья.

Если вы войдете теперь в Зимний дворец, или в Гатчинский, и увидите там некоторые следы разрушения, то будьте уверены — это еще не сгладившиеся следы хозяйничанья там Керенского, его юнкеров и казаков.

Впрочем, таких следов сейчас вы почти и не заметите, мы загладили их.

Что касается музеев, то они находятся в самом образцовом порядке, под руководством самых лучших музейных деятелей; они весьма обогатились, благодаря перевозу в них всяких произведений искусства и памятников старины из барских особняков и усадеб, где они были в меньшей безопасности.

Во время, как лучшие картины старого Эрмитажа вывезены волею Керенского в Москву и стоят заколоченными в ящиках в ожидании того дня, когда мы можем быть абсолютно спокойными за Петербург, — залы Эрмитажа вновь наполняются великолепными произведениями искусства, частью купленными, частью просто перенесенными сюда из частных сокровищниц, до сих пор недоступных публике. Какие чудеса открыты в настоящее время обозрению народных масс и учащих во дворцах Юсупова, Строганова и других!

Сами дворцы служат нам для разного назначения. Лишь некоторые из них, вроде таких, мало интересных с точки зрения художественно-исторической, как Мариинский и Аничковский — заняты для утилитарных целей. Зимний же дворец превращен во дворец искусств. В его гигантских, роскошных, построенных Растрелли и его учениками залах вы всегда найдете толпы народа, слушающего превосходную музыку, концерты государственной капеллы, государственного оркестра или присутствующие при избранных сеансах кинематографа или на специальных спектаклях.

Постоянно устраиваются здесь выставки, из которых некоторые были поистине грандиозными по числу экспонатов. И выставки и музеи мы стремимся превратить в настоящие источники знания, сопровождая их лекциями, давая всякой группе посетителей особого инструктора-гида. Выделяя из музеев отдельные небольшие выставки, например, Буддийское религиозное искусство, похоронные церемонии и верования египтян и т. п., мы создаем источники наглядного обучения, и такие выставки посещаются в опустевшем Петербурге массою интересующихся.

Другие дворцы прямо превращены в музеи. Здесь на первом плане стоит громадный Екатерм.

нинский царскосельский дворец и находящийся рядом с ним Александровский. Вся история самодержавия проходит здесь перед лицом тех рабочих и учащихся, которые приезжают толпами из Петербурга, гуляют по вековым паркам и затем входят в этот дворец, содержимый в величайшем порядке, удачно преследующем цель — при массовом наплыве посетителей охранить от разрушения, от порчи не только стены, мебель, художественные произведения, но даже интересные штучные полы зал. В нашей заботливости мы доходим до того, что имеем для посетителей там, где невозможно постлать дорожки, особые полотняные туфли, надеваемые сверх обуви, чтобы не портить полов. И это внушает посетителю, как бы ни был он непривычен к такой обстановке, идею о том, что он находится среди народного достояния, где все должно быть охраняемо государством и публикой с самой крайней заботливостью.

В Екатерининском дворце он увидит вычурную и тяжелую пышность Елизаветинского времени; — грациозное, удобное, гармоничное великолепие Екатерининского века. И эта царско-барская культура, привлекавшая с Запада в Россию лучших архитекторов, лучших драпировщиков, мастеров фарфора, бронзы, ковры и т. п., доходит как будто до своего апогея в царствование Павла с несравненным совершенством произведений первого ампира.

Впрочем, наилучшим памятником совершенно целостного вкуса этой эпохи является соседний Павловск. Изысканный выбор художественных произведений, составляющих его обстановку, в связи с замечательной отделкой его зал, делает из Павловска несравненный памятник, равный которому вряд ли можно найти в Европе.

Но и в большом царскосельском дворце эта эпоха оставила свой приятный след. Эксплуатируя труд крепостных, цари того времени, уверенно стоявшие во главе своего дворянства, умели использовать всю Европу и заменяли азиатскую пышность своих московских предшественников самыми утонченными произведениями европейской культуры.

При Александре вкус несколько понижается. В его ампире сквозит некоторая холодность, не лишенная, однако, величия. Это — ограждение Наполеоновского империализма в крепостном империализме России.

Затем — комнаты Александра Второго, фешенебельные, комфортабельные, с оттенком английского буржуазного вкуса: никакой пышности, кабинеты и гостиные британского джентльмена, зажиточного помещика. И вдруг — Александр III, — странный аляповатый псевдо-русский стиль, пышность главным образом матерьяльная.

Этот упадок начинается еще при Николае I-м с его солидной бронзой, с парижскими вещами второго сорта, произведениями 2-й империи.

Но аляповатый русопетский дух Александра III-го прибавляет ко всему этому что-то возвращающее нас к Азии. С величайшим трудом найдете вы здесь какой-нибудь проблеск истинного художества. Это все вещи, которые дорого стоят, чванные, крикливые, бьющие на грубый эффект. Чувствуется, что дворянство изжило себя, что цари не идут уже впереди, обещая дать искусство в том, что касается матерьяльной культуры, культуры в

смысле обстановки. Они уже приспособляются к жизни в отвратительных помещениях, исключительно рассчитанных на то, чтобы поражать подданных мнимым великолепием, чисто мишурным. Вы уже чувствуете, что самодержавие поддерживает себя искусственно: оно не уверено в себе, оно стремится поразить, а поразить нечем, и отсюда стремление к колоссальным размерам и к ценности материала.

Но если мы находим быстро ниспадающие ступени от Александра I к Николаю, от Николая к Александру II, от Александра II к Александру III-му, то мы воочию стоим перед настоящим падением в бездну, когда переходим в бескусные покои Николая II-го. Чего в них только нет! Какой-то пестрый ситец и всюду развешанные фотографические карточки, ни дать, ни взять — в комнате первой горничной какой-нибудь миллионерши. Тут и Распутинский уголок, заставленный раззолоченными иконами, тут и какие-то необыкновенные ванны и колоссальные диваны и весьма странно разубранные „уборные“, наводящие на мысль о грубой животной чувственности, тут и базарная мебель, та самая, которую обставляют свой дом разжившиеся выскочки без роду и племени, покупающие всякую „мебель“, какая понравится их одичалому вкусу.

Как-то причудливо сплетаются здесь два потока: — отвратительное бескусие выродившегося русского барина с не менее отвратительным бескусием немецкой мешанки.

А ведь мы имеем дело с отпрысками царских домов! Нельзя отказаться от мысли, если даже нарочито не наводить на нее, о головокружительном моральном и эстетическом падении династии.

Наши художники предложили оставить в совершенной неприкосновенности все жилища Николая II-го, как образец дурного вкуса, — так мы и сделали, ибо эта прогулка по прошлому, недавнему прошлому времени краха Романовых, сопровождаемая соответственной лекцией, является изумительной иллюстрацией к культурной истории царей.

Весьма много поучительного в этом отношении дает Гатчина. Но я чрезвычайно боюсь, что генерал Юденич и сопровождавшие его великобританские культуртрегеры, пожалуй, нанесли много ударов столь тщательно сохранявшимся нами, столь популярным в массах дворцам-музеям.

В Москве многочисленные экскурсии посещают Кремль, который за вычетом некоторых зданий, занятых правительственными учреждениями, — весь, включая сюда и храмы, превратился в громадный поучительный музей.

Имена вокруг Москвы охраняются. В тех случаях, когда они не представляют собою целого ансамбля, из них и из монастырей извлекается все достаточно ценное с художественной или исторической точки зрения и переносится в специальные музеи, обогатившие музейный мир Москвы. Имена же, отличающиеся цельностью стиля, как Архангельское или Останкино, даже в наше тяжелое время являются местами паломничества тех, кто хочет полюбоваться целостными памятниками „славного“ для нашего дворянства времени, когда оно, изнуряя и губя целые поколения своих рабов, умело, по крайней мере, жить изящно и знало, что именно покупать в Европах, куда в обмен на их „обстановку“ текли реки русского трудового пота.

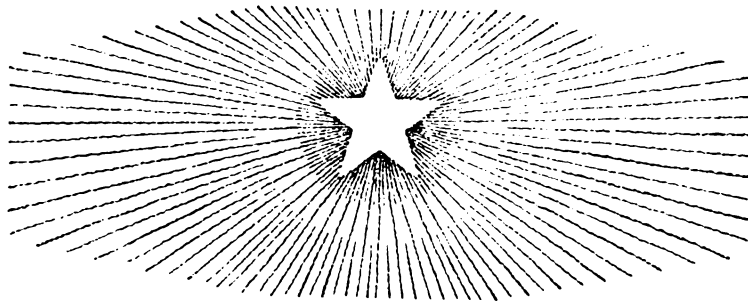
В стране, которая переживает революционный кризис, в которой массы естественно полны ненавистью к царям и барам и невольно переносят эту ненависть на их жилища, на их имущества, не будучи при том же в состоянии оценить их художественное, историческое значение по темноте, в которой их держали все время те же самые баре, те же цари,—в этой стране остановить волну разрушения, не только сохранить культурные ценности, но уже приступить к тому, чтобы оживить их вновь и из музейных мумий создать живых красавиц, готовых обласкать бессознательно жаждущего красоты труженика, и из замкнутых дворцов и поместий, где, скучая, прозябали ко всему привыкшие и ничего не замечающие вырожденки когда-то по своему славных родов,—сделать общественные дома, с любовью охраняемые и дающие часы радости многочисленным посетителям, — это, конечно, было трудно.

Наркомпрос с его Отделом Охраны Памятников Старины и Произведений Искусства может во всякое время дать отчет перед цивилизованным человечеством в своих работах в этом направлении и с уверенностью заявляет, что не только международный пролетариат, лучшая часть этого цивилизованного человечества, но всякий честный человек должен будет отдать дань уважения этому колоссальному усилию.

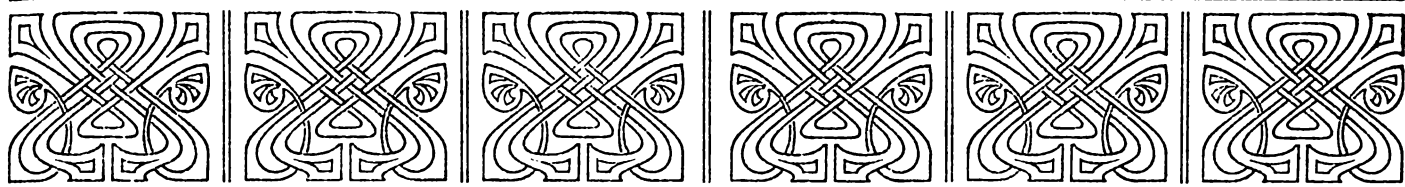
Не на отдельные разрушения надо обращать внимание, они имели бы место в любой, даже самой просвещенной стране, но на то, что в стране, преступно задержанной в своем развитии на стадии варварства, это разрушение не приняло широких размеров и было превращено силой Рабоче-Крестьянского Правительства в мощную охрану народного достоинства.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

Кремль, 28/х-19 г.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

В конце текущего месяца в Берне — в Швейцарии — состоится международный съезд интеллигенции — сойдутся под одной кровлей представители интеллектуальных сил Англии, Германии, Франции и других стран, встанут лицом к лицу вчерашние враги, победители и побежденные.

Вероятно, среди этих людей будут и моральные участники позорнейшего преступления — войны 14-18 годов, — преступления, неопишущая гнусность которого, — воочию показав всем честно мыслящим людям, до какой степени прогнил старый порядок жизни, — несколько образумила националистический фанатизм и поколебала предрассудки, которые, вызвав всеобщее одичание культурных людей Европы, разразились постыдной, кровавой общеевропейской бойней.

Если это так, если и такие люди явятся на интернациональный конгресс представителей разума, — это будет факт весьма значительный и — возможно — богатый результатами глубокой социальной ценности. Дело, конечно, не в том, что будут произнесены слова запоздалого покаяния и ненужного самообличения, а в том, что на конгрессе должен быть, наконец, поставлен решительно и строго вопрос о планетарном, общечеловеческом значении интеллектуального начала в процессе истории.

Только решив этот вопрос, интеллигенция может непоколебимо твердо занять вполне определенную позицию и ли во главе народных масс, которая стремятся к новым формам социальной жизни, и ли среди тех классов, которые своекорыстно и бессмысленно эксплуатируют физическую энергию народа, задерживая рост его духа, его разума.

Если интеллигенция поняла и почувствовала, что она до сей поры играла тяжкую роль ломовой лошади капитализма, — это было бы фактом огромной важности. Искреннее слияние небольшого — сравнительно — запаса интеллектуальных сил с неисчерпаемой массой эмоциональной энергии народа, гармония исследующего и организующего разума с неорганизованной, но возбужденной к жизни волей — это дало бы процессу развития общечеловеческой культуры толчок огромной силы и фантастическую скорость.

Одним словом — перед интеллигенцией всего мира стоит суровый вопрос, требующий смелого решения: с народом к радикальному изменению всех форм жизни или с капиталом для защиты отжившего строя?

Для интеллигенции Запада должна быть крайне поучительна роль интеллигенции русской в событиях последних двух лет. Будь русский интеллигент более целостен духовно и дальновиден практически, войди он сразу же, с первых дней „большевистской“ революции в контакт с тою группой интеллигенции, которая имела мужество во главе рабочих масс захватить в свои руки политическую власть страны, разрушенной царизмом и войною, — тогда размах эмоциональной бури не произвел бы столь жестоких разрушений в области промышленности, техники, культуры, было бы меньше пролито крови, меньше сделано ошибок, — сказала бы сдерживающая сила разумного начала. Я никого не осуждаю, я только указываю на неоспоримый факт: уход из процесса революции известной части интеллигентных сил повел к тому, что решение вопроса о качестве жизни невольно подчиняется потребностям количества отсталых людей, каковыми я считаю русских крестьян.

На русском рабочем классе, количественно небольшом, лежит грандиозная задача — перевоспитать стомиллионную массу крестьянства, разноязычного, разноплеменного. Эта масса способна проявить огромную энергию в деле разрушения, но еще вопрос, может ли она создать что-либо иное, более яркое, кроме быта, насквозь пропитанного психологией мелкого собственника. С этой точки зрения правильно организованная крупная промышленность — менее страшный враг рабочего и интеллигента, чем бесконечное болото мелкой собственности, обычно чуждой и даже враждебной высоким интересам общечеловеческой культуры.

Русская интеллигенция постепенно начинает чувствовать трагизм своего положения. Хотя и раньше она жила точно также, между наковальной — народом и молотом — властью, но ныне роковые неудобства этой позиции слишком ясны и слишком болезненны для нее. Но, повторяю, она начинает понимать, что у власти стоит сила интеллектуальная,

духовно родственная ей и, вероятно, в близком будущем Россия увидит слияние организованного разума с возбужденной волей, а эти два фактора способны создать чудеса. Вот — на мой взгляд — те мысли и вопросы, которые не могут не заинтересовать конгресс интернациональной интеллигенции.

Искренно веря в честь и совесть западно-европейских представителей интеллектуального начала, я уверенно жду, что на конгрессе будет возбужден вопрос и о блокаде России.

Нет надобности говорить о том, насколько гнусна эта блокада, обрекающая русский народ на вымирание от голода, от недостатка медицинских средств и т. д. Но, может быть, следует указать членам конгресса на то, что прежде и больше

всех от последствий блокады страдают дети, а затем — представители ученого мира, как люди кабинета и лаборатории, плохо приспособленные к практической жизни и мало искушенные в борьбе за кусок хлеба.

Убивать голодом детей — будущую силу народа, убивать голодом накопленную им интеллектуальную энергию — этого ли хочет „просвещенная“, „культурная“ Европа?

На конгрессе должно и необходимо поставить этот вопрос, и крайне любопытно — как ответят на него правительства Англии, Франции и других стран, считающих себя „очагами культуры и цивилизации.“

М. ГОРЬКИЙ.

Петроград, январь 1920 г.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ УРОК.

Обмен радиотелеграммами между Ледебуром—Коном и тов. Чичериным.

Берлин, 21-го октября 1919 г. № 1430/780.

Георгию Чичерину Народному Комиссару по Иностранным Дела.

Москва.

Из „Известий Московского Исполнительного Комитета“ от 23-го сентября мы узнали, что Розанов-Энзис обвиняется в участии в Национальном Союзе и дело его передано особой следственной комиссией для выяснения виновности его товарищей по партии. Мы хорошо знаем Розанова по личным и политическим сношениям с ним, и нам известно, что по своему пониманию социализма он, хотя и противник большевиков, но никогда не был врагом народа. Таково же наше убеждение о товарищах Розанова по партии, которые, как это установлено Чрезвычайной Комиссией, предложили ему вступить в Национальный Союз. Мы просим Вас употребить все Ваше влияние для того, чтобы при расследовании дела было принято во внимание почтенное социалистическое прошлое Розанова и его друзей по партии. Если, против ожидания, процесс закончится — или уже закончился — смертным приговором, то просим отложить приведение приговора в исполнение для того, чтобы дать нам возможность обратиться к Вам с новыми представлениями. Ответить просим Оскару Кону.

С социалистическим приветом
Георг Ледебур, Оскар Кон.

Москва, 22-го октября.

Г-дам Георгу Ледебуру и Оскару Кону.

Вашу радиотелеграмму за № 1430/780 прочел с величайшим удивлением. Речь идет о человеке, который в настоящий, в высшей степени критический для пролетарской революции момент прини-

мал активное участие в одной из самых деятельных контр-революционных организаций. Он работал рука об руку с теми кадетами, которые создали для Деникина в Советской России широкую шпионскую организацию и организовали в Москве тайные белогвардейские банды для подготовки бунтов. Розанов сам дает принципиальное обоснование своих поступков, приводя в своих письменных показаниях платформу правого крыла меньшевиков, признающую сотрудничество с кадетской буржуазией. В переживаемый нами период ожесточенной гражданской войны, когда революции приходится напрягать все свои силы для борьбы с царистскими палачами, носителями самой отчаянной, самой кровавой контр-революции, эти меньшевики пытаются нанести удар в спину борющейся за свое существование революции. Как на мотив своего вмешательства, Вы указываете на прошлое Розанова. Как будто Вам не известно, что множество бывших социалистов, зачастую людей с крупнейшими заслугами в прошлом, стали теперь пособниками темных сил мировой реакции. Примером этого может служить Ваш же партийный товарищ Каутский, который в Министерстве Иностранного Дела проводил политику объединения с империалистами Антанты, т.-е. политику удушения русской революции и последняя книга которого представляет собою лакомое блюдо для всех слуг контр-революции и для самых гнусных сторонников царизма в России. Русские белогвардейские газеты, пресмыкающиеся перед Колчаками и Деникиными, осыпают восторженными похвалами последнее произведение нынешнего Вашего друга и союзника Каутского. А сколько других бывших социалистов, некогда оказавших крупные услуги рабочему движению, теперь работают рука об руку с гвардейцами Носке и всеми силами содействуют палачам германской революции! И Носке, и его нынешний союзник Черчилль, и Колчак постоянно говорят о

„народе“. Было время, когда и для Вас не непонятно было, что на свете нет неделимого „народа“, а есть лишь различные общественные классы и что те, кто на место классовых интересов выдвигают якобы общие интересы всего „народа“, на деле являются представителями интересов господствующего класса. По крайней мере, во время Циммервальдской конференции Вам это было понятно. И раз Вы говорите о прошлом, то, может быть, и Вы припомните, что раньше Вы стояли на точке зрения классовой борьбы, а не гармонии классовых интересов. Теперь Вы, говоря об интересах народа в противоположность интересам пролетарской революции, находитесь в блестящем обществе самых гнусных героев погромов. Что Вы разумеете под „делом народа“ здесь, в России, где свирепствует ожесточенная гражданская война? Мы видим на одной стороне пролетарскую революцию, а на другой самую крайнюю, самую кровавую контр-революцию, которая смотрит на все безвольные, промежуточные элементы с их неопределенными, колеблющимися принципами, как на свою собственную жалкую игрушку или как на свое орудие, которое она использует в борьбе с революцией. Если Вы под словом „народ“ разумеете действительно трудящиеся массы, то мне хотелось бы знать,

как, по Вашему мнению, кто-либо может быть врагом рабоче-крестьянской революции, не будучи в то же время врагом народа? Эти красивые фразы об отвлеченном „народе“ мы слышим каждый день, каждый час от Колчаков и Деникиных, которые хотят истинный народ, т.-е. трудящиеся массы, потопить в крови. В какой из стран Европы, в какой из стран мира Вы нашли дело народа, которое бы не было в то же время делом пролетарской революции? Вы ведь не вчера вступили в ряды социал-демократии, Вы должны поэтому знать, что во всем мире идет борьба между капиталистической олигархией и пролетарской мировой революцией. Кто враг последней, тот — слуга первой. Такова характерная черта настоящего исторического момента. Прежде и Вы понимали это. Раз Вы теперь повторяете лицемерные лживые фразы мировой реакции, которыми она во всем мире старается обмануть рабочие массы, то знайте, что мы, напрягающие сейчас все силы в борьбе за пролетарскую революцию, не можем считать Ваши доводы доводами наших друзей. Мы продолжаем идти вперед по избранному нами пути, и, кто не с пролетарской революцией, тот не с нами. А кто не с нами, тот против нас.

Г. ЧИЧЕРИН

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

+ ПИСЬМО ИЗ ФРАНЦИИ.

Дорогие товарищи, в этом письме я постараюсь вкратце рассказать вам о положении вещей у нас.

Франция переживает сейчас тяжелый кризис. Буржуазия оказалась не на высоте положения. Гонимая за наживой и упиваясь неслыханными дотоле барышами, лившимися словно с неба широким золотым потоком, буржуазия думала, что война окончится еще не скоро; о том же, что будет после войны, она совсем не думала. Но вот это „после войны“ наступило. Война, этот громадный костер, на котором с каким-то яростным безумием правящие классы воюющих держав каждый день сжигали на несколько десятков миллионов франков, фунтов стерлингов и долларов народного труда, вдруг прекратилась. Военная промышленность, внезапно остановившись, выбросила на улицу массы рабочих, к которым присоединились еще и возвращающиеся с фронта демобилизованные солдаты.

Бедственное экономическое положение этих пролетарских масс, не находящих применения своему труду, обострилось небывалой дороговизной и, в свою очередь, развивало и поддерживало в рабочих массах ярко революционное настроение, еще более подогреваемое чуть ли не ежедневными скандальными разоблачениями о проворовавшихся миллионерах, которые, рассчитывая на поддержку правительства, не стеснялись ничем в своих спекуляциях и в конце концов дошли до невиданных даже во Франции пределов наглости и бесстыдства. Кроме того, несмотря на всю ложь и подлую клевету, которую французская буржуазная пресса выплевывала на русскую революцию, французский пролетариат понял и оценил всю грандиозность той титанической борьбы, которую Советская Россия ведет с организованными хищниками всего мира: большевизм стал боевым лозунгом широких рабочих кругов.

Такое настроение пролетариата обусловило собой два явления: во-первых, захваченная революционным подъемом широкая масса устремилась в существовавшие уже рабочие организации, получившие вдруг небывалое развитие, появилось множество новых социалистических и рабочих органов, а тираж старых увеличился в несколько десятков раз; во-вторых, и социалистическая партия, и профессиональные союзы, с их деятелями—синдикалистами, значительно повзрослели. Выразилось это в том, что центр партии сильно отодвинулся вправо, а левое крыло заняло положение центра. Стали даже поговаривать об исключении из партии таких партийных тузов, как Альбер Тома и иные с ним. На собраниях синдикалистов появление на трибуне Жюо вызывало невероятный шум и гам, и дело часто кончалось потасовкой. В числе самых насущных своих требований организованный пролетариат выставил требование о ликвидации войны с Россией и прекращении всякого вмешательства во внутренние русские дела.

Это положение дел породило у революционного меньшинства желание организовать социалистическую коммунистическую партию (в отличие от имеющей анархистский оттенок коммунистической партии Перика, не пользующейся никаким влиянием в широких рабочих

кругах *). Но дело организации новой партии натолкнулось на первых порах на большие затруднения. Буржуазия, испуганная растущим революционным движением, пошла на экономические уступки: прошел закон о 8-ми часовом рабочем дне, были введены кое-какие улучшения условий женского и детского труда, были удовлетворены требования забастовавших землекопов, было улучшено положение банковских служащих и т. д. Кроме того, правительство торжественно обещало прекратить вмешательство в русские дела. К стати сказать, это обещание до сих пор остается неисполненным. Но на ряду с этой политикой уступок была объявлена жестокая война всему, что имело какое-нибудь, хотя бы самое отдаленное, отношение к большевизму или коммунизму.

В этой борьбе со все поднимающимся революционным настроением широких масс, буржуазия нашла себе верных союзников в лице лакействующих социалистов II-го Интернационала и заправил профессиональных союзов. Чувствуя приближение опасности, эти социал-лакеи подняли крик о напрасных жертвах, о преждевременности революции и повели самую ожесточенную агитацию против большевизма, предавая его анафеме. Особенно неистовствовала в этом отношении газета „Bataille“, центральный орган синдикалистов, дошедшая в своей низости до помешения статей таких отъявленных прохвостов, как, например, Алексинский, приобретший себе вполне определенного сорта известность в Париже.

Благодаря стараниям всей этой клики, демонстративная забастовка 21-го июля была провалена. Учитывая теперь несколько подавленное настроение рабочих масс, деятельно готовившихся к этой забастовке, социал-лакеи всеми мерами стараются привлечь пролетариат к участию в избирательной кампании, во-первых для того, чтобы обеспечить себе побольше тепленьких местечек в парламенте, во-вторых,—чтобы использовать в своих целях и разрядить накопившуюся в пролетарских массах энергию.

Этой тактике лакействующих „социалистов“ мы противопоставляли организаторскую работу среди революционного пролетариата, основывая повсюду группы III-го Интернационала и агитируя за основание новой, социалистической, коммунистической партии. Организация уже налаживается, и работа принимает систематический планомерный характер.

В настоящее время происходит кристаллизация групп III-го Интернационала и сплочение революционных кадров. В ближайшем будущем можно ожидать раскола в социалистической партии, при чем группа Лорио, отколовшись, несомненно увлечет за собой революционно настроенные массы. В синдикалистских рабочих организациях также замечается усиление симпатий к нам и массовый приток новых членов в группы III-го Интернационала. Таким образом, можно надеяться на образование в ближайшем будущем сильной революционной организации, которая

*) Это замечание оставляем на ответственности автора.

истинной, массовой революцией и революцией кабинетной.

Декларация наша вызвала бурю негодования и среди социал-демократов, пришедших в ярость оттого, что мы так умело разоблачили их игру, и со стороны независимых анархистских путаников: эти возмущались уже просто по своему неразумию. Независимые, которые, как я уже упомянул выше, совсем собрались было слиться с нами, теперь заговорили о портфелях и просили нас пока держать проект о слиянии в строжайшей тайне, уверяя нас, что при соблюдении этого условия мы получим не менее $\frac{2}{3}$ всего числа мест в правительстве. Но мы категорически потребовали от них немедленного же решения вопроса о слиянии, и тогда вожди Независимых, против воли их масс, сняли этот вопрос с очереди.

С большой торжественностью Бавария была провозглашена советской республикой. День провозглашения был объявлен национальным праздником, и в тот же день, к вечеру, как бы для того, чтобы показать истинную сущность переворота, в Мюнхене было введено осадное положение, и полиция (все та же старая, королевская полиция) стала разгонять собрания рабочих.

На другой день группа литераторов и авантюристов обрадовала рабочих сообщением о том, что все места комиссаров уже полюбовно распределены и испечено более 3-х дюжин декретов. Согласно этим декретам, полиция переименовывалась в красную армию, казармы были окрещены именами Курта Эйслера, Мориса и др., королевское управление банками отныне должно было называться „революционным банковским советом“ и т. д., и т. д.

Декреты сыпались как из рога изобилия, но ни один из них не мог быть осуществлен, так как в стране не было той реальной силы, которая согласилась бы поддержать правительство, а рабочие с явной насмешкой относились к своим непрошеным благодетелям.

Часть социал-демократов, исполняя свою предательскую затею, бежала за пределы Баварии и начала там вербовать белую гвардию, а другая часть, оставшаяся в Мюнхене, повела среди рабочих яростную кампанию против нас, обвиняя нас в преступном сеянии раскола в рядах пролетариата и т. д. Все эти аргументы вам отлично известны, так как они слово в слово воспроизводили доводы русских меньшевиков.

Так продолжалось целую неделю. На седьмой день после провозглашения „советской республики“ совет солдатских депутатов, подкупленный „социалистическим“ правительством Гофмана, арестовал все „советское“ правительство, положив конец этой глупой комедии, разыгранной предателями и социал-дурачками.

Мы были очень рады тому, что этот фарс окончился так безобидно, и дали пароль: во что бы то ни стало избежать всяких столкновений. Мы считали, что массовые забастовки, свирепствовавшие тогда по всей Германии — и особенно в Рурском бассейне, — в связи с напряженным настроением, вызванным подготовлявшимися мирными переговорами, создадут почву для массового выступления в общегерманском масштабе. Мы боялись, что преждевременное восстание в Баварии послужит лишь поводом к вмешательству прусских белогвардейцев, которые утопят в море пролетарской крови баварское революционное движение. Тут, однако, перед нами ребром вставал такой вопрос: что нам делать, если баварские рабочие, несмотря на всю призрачность нашего „советского“ правительства, захотят с оружием в руках отстаивать его? Отдельные боевые стычки начинались уже в Нюрнберге и Аугсбурге, где Гофман, став во главе белогвардейской „обывательской милиции“ (Einwohnerwehr), открыл военные действия против рабочих.

По предложению некоторых товарищей, было решено занять следующую позицию: коммунистическая партия является передовым отрядом руководителей и сознательных бойцов пролетариата, и поэтому она ни в каком случае не должна оставлять рабочие массы без своего

руководства. Если поэтому, несмотря на убеждение партии в неблагоприятности настоящего момента для восстания, восстание все же стихийно произойдет, то партия должна стать во главе его и на практическом уроке показать пролетариату, чем должна быть коммунистическая революция. Вместе с тем, партия постановила еще раз призвать рабочих к сохранению порядка и, по возможности, предотвратить вспышку восстания.

День, в который ожидалась эта вспышка, прошел несколько тревожно, но ничего решительного не произошло. Мы думали уже, что вихрь на этот раз пролетел мимо, но дальнейшие события показали, что мы ошиблись.

Мы ожидали опасности со стороны неорганизованных масс, а взрыв произошел внутри нашей собственной коммунистической партии. Наша партийная организация была сплочена очень тесно, но она страдала той же болезнью, которой и сейчас еще страдает вся германская коммунистическая партия. Болезнь эта — боязнь централизации. Одураченные централизованной социал-демократической партией, рабочие-коммунисты по привычке относятся с недоверием к партийному центру и борются с ним. Так и на этот раз, несмотря на призыв партийного центра к спокойствию, отдельные районы созвали у себя массовые собрания, на которые множество рабочих-коммунистов явилось с оружием. Гарнизон, узнав об этом, решил разоружить их. Рабочие оказали сопротивление, и тогда значительная часть солдат — все социалисты — немедленно же перешла на их сторону. Через два часа весь Мюнхен был во власти коммунистов.

Захватив власть, рабочие и солдаты послали делегатов к Комитету Коммунистической Партии с предложением образовать временное правительство и приступить к подготовке выборов в Советы и в другие советские учреждения. Нам не оставалось ничего иного, как подчиниться этому требованию. К следующему же утру весь гарнизон, полиция и вся буржуазия были разоружены. Весь пролетариат был вооружен, и началось всеобщее военное обучение. Был издан декрет о национализации банков, заводов и всех крупных торговых предприятий. Были избраны фабрично-заводские комитеты, введен 8-ми часовой рабочий день и приступлено к разрешению продовольственного и жилищного вопроса в интересах трудящихся.

На третий день после переворота к городу стали подходить отряды белогвардейцев, но после переговоров с нами солдаты этих отрядов побросали оружие и разошлись по домам.

Мы спешно приступили к организации Красной Армии и разослали агитаторов по всей стране для того, чтобы и в деревнях проводить в жизнь установленное новое строя. Но наше несчастье заключалось в том, что у нас не было определенной аграрной программы, не было и сведущих товарищей, которые могли бы выработать такую программу.

В Баварии, стране прежде всего земледельческой, нет крупного землевладения: все крестьянство представляет собой слой мелких собственников, всецело находящийся под влиянием реакционного католического духовенства. За время войны баварское крестьянство нажило большие барыши, и ни о какой национализации и социализации оно и слышать не хочет. От революции крестьяне в Баварии ждали для себя только отмены твердых цен на продукты сельского хозяйства. Ясно поэтому, что достижение какого-либо компромисса между Советской властью и баварским крестьянством вряд ли возможно. По нашему мнению, господство пролетарской диктатуры в Баварии может быть обеспечено только тогда, когда социалистическая революция одержит победу во всей Германии и победоносный пролетариат окажет вооруженное давление на реакционную массу мелких земельных собственников Баварии.

Как только мы взяли в свои руки власть, баварская буржуазия обратилась с мольбой о помощи к Вюртембергскому и Прусскому правительствам, которые немед-

ПИСЬМО ИЗ ШВЕЙЦАРИИ.

Дорогие товарищи! В этом письме я постараюсь дать вам краткий обзор политического положения в Швейцарии и набросать картину швейцарского рабочего движения.

Период умеренной резки, наступивший после прекращения ноябрьской всеобщей забастовки, продолжается еще и сейчас. Причины этого следует искать в некотором облегчении, наступившем после окончания войны в общем экономическом положении страны. Продо-вольственное положение заметно улучшилось: с 1-го сентября отменено распределение хлеба по карточкам; цены на некоторые из наиболее важных предметов необходимости, как, напр., на некоторые сорта мяса и тканей, понизились, хотя об общем прекращении дороговизны не может быть и речи. Армия, охранявшая границы, была распущена, чем был устранен один из важнейших источников недовольства и экономического гнета. К этим причинам следует также добавить косвенное влияние мировой революции: медленное развитие революции в Германии, застой в немецко-австрийской революции, крушение венгерской советской республики и—особенно сильно сказывающееся в романской Швейцарии—победное настроение, господствующее сейчас в странах Антанты.

Этим общим реакционным настроением объясняется и то обстоятельство, что после ноябрьской забастовки в Швейцарии не было ни одного массового выступления политического характера. Зато был целый ряд схваток в области профессионального движения; некоторые из них были очень длительны и очень упорны; окончились они отчасти некоторыми успехами, отчасти полной неудачей для рабочих. Политический характер носила только демонстрация, устроенная 13-го июня по поводу похорон Рэзы Люксембург; закончилась эта демонстрация кровавым столкновением перед зданием Окружного Суда, где находился в предварительном заключении вернувшийся из Германии тов. Конрад Висс. Это столкновение не входило в программу демонстрации, устроенной Рабочим Союзом, но вместе с тем оно отнюдь не носило отпечатка стихийного выступления масс; можно считать доказанным, что тут сыграла некоторую роль и провокация. Попытка так наз. „коммунистов“ (о них будет речь ниже) воспользоваться этим столкновением для объявления всеобщей забастовки окончилась полною неудачей. Торжественные похороны трех жертв, предполагавшиеся при участии рабочих, тоже не состоялись, так как один из погибших был сыщик, другой—случайно убитый молодой человек, не принадлежавший ни к какой организации, и т. д., но если бы эти похороны и состоялись, то участие рабочих в них, по всей вероятности, было бы минимальным. Если и политические последствия демонстрации были незначительны, т. е. город не был занят войсками, то это объясняется главным образом тем, что правительство, чтобы не давать повода к бегству капиталов из крупных центров в маленькие, провинциальные города Швейцарии, хочет показать буржуазии, что оно вполне „спокойно“ и уверено в своей силе.

1-го августа и в последующие затем дни в Базеле и Цюрихе происходила всеобщая забастовка, объявленная из солидарности с Базельскими рабочими-красильщиками, как раз тогда переживавшими тяжелый экономический конфликт. В Базеле стачка—несмотря на грубую провокацию со стороны военной власти—продолжалась целую неделю без малейшего нарушения дисциплины и закончилась победой красильщиков. Что же касается Цюриха, то там забастовка была очень плохо подготовлена, массы не были заранее осведомлены о ней; к тому же она была объявлена в неосновательной надежде на возможность обще-швейцарского выступления; вследствие этого, уже на третий день, когда были введены войска и

в сти пригрозили забастовщикам суровыми наказаниями, наиболее важные категории бастовавших рабочих, как, например, рабочие коммунальных и государственных предприятий, стали на работу, и еще через день Рабочий Союз увидел себя вынужденным объявить о прекращении забастовки. Сделанная на спех попытка расширить рамки выступления, выставив требование о понижении цен на продукты, также не удалась: требование это не было поддержано ни в других городах ни в деревне, и, в конце концов, забастовкой не были достигнуты даже местные успехи в Цюрихе и Базеле. Следствием этого неудачного выступления был град репрессий, обрушившихся на рабочих (особенно на коммунальных рабочих)—главным образом в Цюрихе; репрессии эти не прекратились еще и сейчас. К сожалению, неумелая подготовка стачки вызвала во многих организациях отчасти справедливое недовольство тактикою Рабочего Союза, и это повело, к уходу многих рабочих из организации. Впрочем, реакция продолжает заботиться о том, чтобы снова сплотить рабочих и наглядно доказать им неизбежность новой борьбы. Вотум недоверия комитету Рабочего Союза был на делегатском собрании Союза подавляющим большинством голосов отклонен.

21-го июля в Швейцарии ни на одном заводе не была прекращена работа; только в Базеле и Берне состоялись публичные митинги, прошедшие совершенно спокойно. Забастовку решили не объявлять потому, что в случае ее объявления одним только Цюриху и Базелю пришлось бы вынести на себе все последствия выступления и все кары реакции. Митинга в Цюрихе не устраивали, так как самым передовым Цюрихским рабочим надоели уже „мирные“ демонстрации, им хотелось бы активного выступления, но для этого современные объективные условия слишком неблагоприятны, как показали события 13-го июня.

Что касается дел чисто партийных, то все прения сейчас вращаются около вопроса о вступлении в III Интернационал. В начале июня социал. партией города Цюриха в № 5 „Боевого Клича“ („Kampfgruf“) были помещены манифест и платформа Коммунистической Партии, а также тезисы Ленина о демократии и диктатуре. Затем 12-го июля по требованию целого ряда секций вопрос о вступлении в III-ий Интернационал был поднят и обсужден в комитете партии и включен в порядок дня чрезвычайного партийного съезда, назначенного на 16—17-ое августа. Комитет партии 20-ью голосами против 10-ти высказался за вступление. Затем вопрос разбирался в большинстве секций так основательно, как вряд ли когда-нибудь разбирался в партии какой-либо другой вопрос; товарищи выступали с докладами за и против вступления. Противниками вступления оказывались не только реформисты, но—чем дальше, тем больше—и центровики. Их доводы сводились к тому, что платформа коммунистической партии не может быть применена к Швейцарии, по крайней мере в ближайшее время, и что мы, присоединившись к III-му Интернационалу, взяли бы на себя обязательства, которых не сможем выполнить. По их мнению, партия должна занять выжидательную позицию до тех пор, пока общее политическое положение не станет яснее. Реформисты, ополчаясь против присоединения, ссылались на неудачу русской и венгерской революций, превозносили демократию, противопоставляя ее диктатуре, и осуждали всякое насилие.

На чрезвычайный партийный съезд в Базеле собралось 542 делегата. До сих пор ни один партийный съезд не был столь многолюдным. С докладами за присоединение к III Интернационалу выступили д-р Вельти (Базель) и Эмбер-Дроз (Ля-Шо-де-Фон), против—говорили оба нынешних партийных секретаря, Гугглер и Грабер. Доклады

товарищей Вельти и Эмбера были не совсем удовлетворительны в том отношении, что они разбирали только доводы реформистов, доказывая необходимость признания революции и совсем почти не останавливаясь на политике заигрывания и затушевания, столь характерной для центра. Из двух содокладчиков, бывших противниками присоединения, Гугглер стоял на точке зрения центра, Грабер выступил решительным сторонником правых (свою речь он закончил словами: «К социализму через демократию!»). Гугглер предложил длинейшую резолюцию, сущность которой сводилась к тому, что Швейцарская партия стремится к созданию такого международного объединения, к которому социалисты всех стран могли бы примкнуть без оговорок. В несколько более скрытой форме та же тенденция была выражена в резолюции председателя партии Рейнгарта, предлагавшего следующее: поручить президиуму партии вступить в сношения с революционными партиями других стран с целью объединения мирового пролетариата в духе и на платформе III Интернационала. Кроме того, были вынесены резолюции, предлагающие отложить решение до пересмотра партийной программы (д-р Шмидт—Винтертур), заявить о солидарности с III Интернационалом с оговоркой, чтобы партиям отдельных стран предоставлялось право самостоятельно определять средства борьбы (Шмидт—Ольтен), поправка к резолюции, требовавшая, чтобы после вступления партия сохраняла за собою полную свободу действий при выборе применяемых ею средств борьбы (Зильберрот—Давос). Предложение о вступлении в III Интернационал, требовавшее вместе с тем отказа от парламентаризма (Ля-Шо-де-Фон, немецкая секция), было взято обратно, после того, как против него высказались все сторонники присоединения.

После прений, продолжавшихся целый день, приступили к голосованию. Прежде всего, 1459 голосами против одного было постановлено официально выйти из II Интернационала. Резолюция, предлагавшая отложить решение, была отвергнута 267 против 204 голосов, Ольтенская резолюция—заявление о солидарности с оговоркой—была также отвергнута 261 против 193. Наконец, 318 против 147 голосов, была принята резолюция комитета партии о немедленном и безоговорочном присоединении; сообщение о результате голосования вызвало восторженное одобрение и сопровождалось пеннем „Интернационала.“ Остальные принципиальные вопросы разбирались довольно поверхностно. По вопросу о присоединении Швейцарии к Лиге Наций Рейнгарт (который всеми средствами демагогии боролся против вступления в III Интернационал) прочел доклад, с внешней стороны очень радикальный, но ограничивавшийся указанием на отрицательную сторону вопроса, а именно на „дурные качества Лиги Наций“, совершенно не касаясь вопроса о том, что мы должны предпринять по отношению к Лиге Наций; было решено отнестись отрицательно к вступлению Швейцарии в Лигу и, в виду предстоящего референдума, повести агитацию против вступления. По вопросу о выборах в Национальный Совет (которые будут происходить в конце октября, впервые по пропорциональной системе) были приняты довольно бледные резолюции комитета партии, касающиеся лишь внешней организации предвыборной кампании. Кандидатуры выставляются кантональными организациями партии. По вопросу о вступлении в III Интернационал в настоящее время происходит всеобщее голосование, которое по уставу партии обязательно в том случае, если 1/3 присутствующих на съезде делегатов потребует этого. Судя по выяснившимся до сих пор частичным результатам, можно с уверенностью сказать, что решение партийного съезда всеобщим голосованием будет отвергнуто. Всеобщее голосование служит вообще тормозом, который применяется отсталыми элементами против наиболее боевой и созна-

тельной части партии. В то время, как в выборах делегатов на партийный съезд принимали участие, главным образом, самые сознательные товарищи, для всеобщего голосования мобилизуются отсталые элементы, и результат, конечно, существенно изменяется. Центр и ревизионисты старались во всю, чтобы посредством всеобщего голосования сорвать присоединение к III Интернационалу. Распространялись особые листки, выпускались воззвания с подписями „видных вождей“. Левая была слишком оптимистически настроена после партийного съезда и далеко не сделала всего того, что нужно было сделать.

Теперь возникает вопрос, какие же последствия будут иметь результат всеобщего голосования. Если присоединение будет принято, то на первых порах все останется по-старому, так как правые не решатся выйти из партии; они будут, оставаясь в ней, продолжать саботировать все ее радикальные постановления, и в виду их численной силы в организациях невозможно будет заставить их иначе относиться к делу. Если же постановление партийного съезда будет отвергнуто, то это весьма ослабит левых и принесет им большой вред. Решенный уже пересмотр партийной программы 1905 года снова затянется до бесконечности и, во всяком случае, будет произведен не в духе радикальной левой. Устройству обще-швейцарских массовых выступлений будут ставиться всяческие препятствия, местные выступления масс не будут поддерживаться. Правые с помощью левой буржуазии, с которой они уже очень тесно сблизились, всячески будут стараться снова вернуть партию в русло реформистской политики. С другой стороны, приобретут больше влияния наши „коммунисты“; к ним, как к политической партии, пока нельзя относиться серьезно; тактика их совершенно анархистская. Однако, вследствие нерешительной и колеблющейся политики партии им уж удалось привлечь к себе некоторых из числа лучших молодых рабочих, и мы опасаемся, что эта тяга к ним усилится. Впрочем, у вождей левой незаметно никакой склонности к расколу, хотя он, так сказать, признается неотвратимым и предопределенным самой судьбою; но, если только правую и центром не будет совершенно парализована партийная работа левой, то в близком будущем вряд ли произойдет раскол. Швейцарская партия пока еще слишком мало затронута тем процессом брожения и распада на естественные составные части, который по мере развития мировой революции охватывает международное рабочее движение. С скромные размеры страны, ее зависимость от Антанты и особенно ее своеобразное положение во время войны—тормозят развитие революционного движения. Каким образом и когда у нас произойдет переворот, это едва ли можно предсказать.

В заключение автор этого письма хотел бы подчеркнуть, что он, с одной стороны, старался дать точные и исчерпывающие сведения, а с другой — не мог не высказать суждений и предположений, которые, являясь его личными мнениями, не исходят от каких-либо партийных групп или инстанций и не могут быть рассматриваемы как обще-распространенные в левой партии взгляды.

Швейцарский друг.

Цюрих, 7-го сентября 1919 года

От редакции. Мы отнюдь не разделяем тех пренебрежительных замечаний, которые наш швейцарский друг бросает по адресу швейцарских коммунистов. Полный разрыв с предателями рабочего класса Пфлюгерами, Мюллерами и Грейлихами, по нашему мнению, является элементарным долгом каждого честного швейцарского пролетария. Мы уверены также и в том, что чем скорее швейцарская левая порвет с „центром“, тем лучше для рабочего класса.

ПИСЬМА ИЗ ЮГОСЛАВИИ.

I.

Дорогие товарищи!

Политическое положение в Югославии сейчас весьма неблагоприятно для господствующего класса. Развернувшаяся во всю ширь реакция применяет испытанные методы Столыпина и Тиссы. Все конституционные права и свободы отменены,—пад всей страной самодержавно властвуют военщина и бюрократия. Прогрессивные газеты закрываются, собрания разрешаются только сторонникам правительства. Тюрьмы переполнены не только нашими тозарницами, но и всякими национальными сепаратистами. Вооруженные черногорцы все еще борются против объединения с Югославией. В стране полная анархия. Местные власти в провинции не подчиняются центральному белогвардейскому правительству, которое вот уже в течение более 3-х месяцев переживает один кризис за другим; кризисы эти вызваны отчасти международным положением, отчасти трудностями законодательного решения аграрного вопроса. Нынешнее правительство, составленное из демократов и социал-патриотов (Корач, Букшег, Кристан), наталкивается в решении аграрного вопроса на упорное сопротивление трехплеменной касты землевладельцев, хотя правительство и согласно на выкуп полукрепостных крестьян. Все чаще вспыхивают отдельные крестьянские бунты, доказывающие, что деревня отнюдь не разделяет уже старинного традиционного сербского предвзвешенного взгляда, согласно которому национальное освобождение всегда приносит с собою и освобождение экономическое. Настроение деревни предвещает близкий пожар, который зажгут в Югославии крестьяне-землеробы, и сейчас страдающие не меньше, чем они страдали при турецком владычестве.

В армии господствует продажность, что особенно ярко проявилось во время наступления Венгерской Советской Армии на Чехию, когда югославянская армия должна была оказать помощь Чехии. Благодаря нашей пропаганде и подкупности командного состава, Югославия так и не исполнила своего союзнического долга. То же самое случилось и во время авантюры д'Аннуцио, который взятием Фиуме посягнул на дело национального объединения югославян. Надо заметить также, что Югославия своей империалистской политикой, своей безграничной жадностью восстановила против себя всех своих соседей, и поэтому теперь она и думать не может о каких бы то ни было выступлениях против Италии. Вооруженное столкновение с Италией неминуемо привело бы Югославию к полной гибели. А между тем, такое столкновение почти неизбежно—так сильно антиитальянское настроение в Югославии. Повсюду в Югославии стоят войска Антанты, они являются действительными хозяевами страны, и их влияние сказывается на всех отраслях государственной жизни.

Экономическое положение Югославии также не завидное. Югославия, составленная из провинций бывшей Австро-Венгерской монархии, отсталой Сербии и не менее отсталой Черногории, является страной исключительно земледельческой: 85% всего ее населения занимается земледелием, обрабатывая землю самым примитивным образом.

Хотя Югославия и богата сырьем, промышленности в ней нет почти никакой, если не считать разного рода ремесла в городах (из которых Белград и Загреб насчитывают приблизительно по 100.000 жителей). Это ремесло удовлетворяет лишь самые необходимые потребности населения. Такое положение вещей раньше было очень выгодно для австро-венгерских капиталистов, а в настоящее время его используют французские капиталисты,

покрывшие всю Югославию отделениями своих банков и вывозящие из нее хлеб, руду, лес и т. д. Созданная посредством объединения Сербии, Черногории и югославянских земель бывшей Австро-Венгерской монархии, Югославия получила в наследство от всех этих составных частей государственный долг в 26 миллиардов. В эту сумму вошли военные и довоенные долги Сербии, Черногории и часть долгов Австро-Венгерской монархии. Для того, чтобы не нарушить великих принципов Вильсона, Антанта заявила, что она во имя пацифизма—о, исключительно во имя пацифизма!—требует от „освобожденной“ Югославии уплаты 26 миллиардов. А между тем, уплата такой суммы для страны, насчитывающей не более 12 миллионов жителей, лишенной средств передвижения, не имеющей ни промышленности ни торговли и к тому же пережившей все ужасы войны, будет равносильна полному экономическому разорению, которое тяжелее всего отразится, конечно, на беднейших слоях населения.

Все это порождает в трудящихся массах недовольство, которое усиливается еще и тем, что в стране самочинно распоряжается никем не выбранное „Народное Представительство“, передавшее всю власть в руки небольшой кучки спекулянтов, открыто торгующих народным достоянием. Пока это недовольство находит себе выражение лишь в деревенских бунтах, которые становятся все чаще и все упорнее, но мы уверены, что достаточно лишь одного сильного толчка извне, — и в Югославии разразится революционный вихрь, который сметет всю эту искусственную государственную постройку, как картонный домик.

Н. Н.

Белград.
21 октября 1919 г.

II.

Дорогие товарищи!

Рабочее движение растет и развивается не по дням, а по часам и в нашей, по социал-революционному словарю, „отсталой“ стране. Опьянение победой и шовинизм, вызванный национальным объединением, очень скоро исчезли, как туман, развеянный ветром. Вместо венских бюрократов и будапештских олигархов, на государственное кресло уселась теперь югославянская буржуазия, которая мало по малу входит во вкус наслаждения властью и для сохранения своего классового господства не только санкционирует те самые разбойничьи австрийские законы, которые она раньше так проклинала, но зачастую даже ухудшает их. Под влиянием развития событий в Красной России и в Венгрии, наша разноплеменная буржуазия очень скоро забыла все свои национальные противоречия и все теснее стала сплываться на хозяйственно-политической почве. Этот общий фронт имущих не остался без влияния и на широкие слои трудящихся, которые под давлением обстоятельств и благодаря агитации товарищей, вернувшихся из России, стали прозревать и целыми массами вступать в пролетарские организации, несмотря на все драконовские меры правительства. Последнее не останавливалось ни перед какими зверствами для того, чтобы помешать нашей организационно-пропагандистской работе. После разложения Австро-Венгерской монархии, было, как вам известно, в Загребе наряду с „Народным Вечем“ буржуазии создано и наше „Рабочее Вече“ Корач, который с самого начала войны вел националистическую политику, принял участие в „Народном Вече“, и затем—

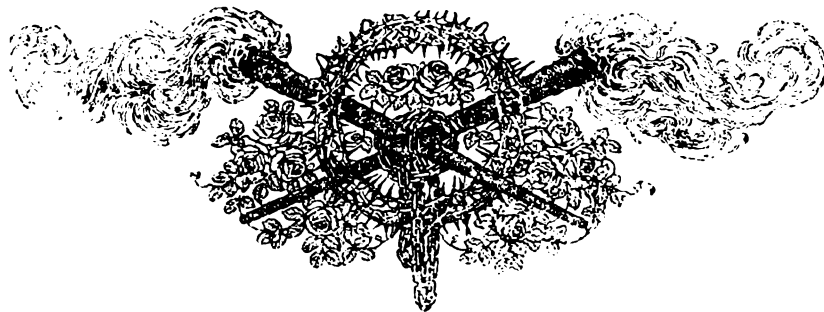
без всякого мандата от пролетариев — вместе с 11 своих последователей — вошел в состав Народного Представительства. В конце декабря 1918 г. был созван съезд хорватской соц.-дем. партии, на котором Корачу пришлось констатировать, что его позиция значительно пошатнулась. Правда, ему было дано разрешение занять министерское кресло, но это постановление прошло лишь формальным большинством голосов, достигнутым не совсем парламентским способом. Боснийские товарищи, вдохновленные нашей тактикой, осудили не только участие Корача в „Народном Вече“, но и вступление его в Народное Представительство. Словенские социалисты, с Кристаном во главе, и на этот раз остались верны своей „лояльной“ по отношению к буржуазии политике. Сербские организации тогда только что начали формироваться, после возвращения на родину товарищей из плена. Но, судя по первым номерам „Радничких Новин“, мы были убеждены, что сербский пролетариат будет с нами. Движение в Хорватии приобретало все более и более радикальный характер. По инициативе „левых“ хорватских товарищей, на 20—23 апреля с. г. в Броде (Босния) был созван Съезд социал-демократов, задачей которого было объединить движение. „Левые“, созвавшие съезд, провозгласили лозунг: „против министриализма — за чистую классовую борьбу“. Социал-рэнгаты на этот же день созвали свой съезд в Загребе. Чем больше приближалось время съезда, тем определеннее пролетарские массы высказывались, через свои организации, за бродский съезд. Из страха перед полным поражением социал-патриоты в последнюю минуту „отменили“ свой съезд, и вместе с тем, пользуясь своим влиянием на правительство, помешали устройству нашего съезда в Броде. В результате наших стараний, съезд был разрешен, но уже не в Броде, а в Белграде. Несмотря на все эти происки и препятствия, на белградском съезде было представлено 130.000 организованных пролетариев, делегировавших 452 представителя. Съезд почти единогласно, при ничтожном меньшинстве в 10—12 голосов, принял лозунг: „против министриализма — за чистую классовую борьбу“ и высказался за объединение на платформе III-го Коммунистического Интернационала. Объединенной партии было дано название: „Социалистическая Рабочая Партия (Коммунистов) Югославии“. Наша Югославянская Коммунистическая Партия, до Съезда работавшая самостоятельно, вступила теперь в ряды новой партии, сделав следующее заявление: „Мы считаем, что в эпоху социальной революции, когда вся буржуазия, без различия национальности и вероисповедания, создает свой единый классовый фронт для отставания своих грабительских планов, необходимо, чтобы революционный пролетариат также создал и усилил свой единый классовый фронт; поэтому, хотя название партии нас не удовлетворяет и хотя мы вполне согласны с Марксом, сказавшим, что название является символом

партии, мы все-таки вступаем в нее.“ Наше заявление вызвало бурю оваций по адресу русского пролетариата и его вождей. Некоторые из оппортунистов немедленно же после этого покинули зал заседаний съезда. Почти ни по одному из пунктов порядка дня на съезде не возникло существенных разногласий. Единственным исключением был вопрос об „аграрной реформе“, по которому выступил с докладом тов. Драгиша Лапчевич. Он предлагал наделение крестьян землей, домами и необходимым инвентарем без всякой платы. Абсолютное большинство съезда стало на точку зрения докладчика нашей группы, требовавшего, чтобы в деревнях были созваны „деревенские вече“, которые сами должны определить способ наделения крестьян землей и инвентарем. Увидев, что огромное большинство съезда настроено против резолюции тов. Лапчевича, мы взяли обратно свою резолюцию с тем, чтобы тов. Лапчевич внес соответствующее изменение в свою резолюцию. Он на это не согласился, но мы из тактических соображений все же не оставили нашу резолюцию на голосовании.

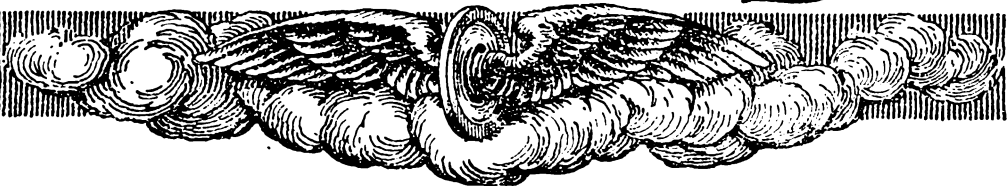
При обсуждении вопроса о бойкотировании Народного Представительства, которое буржуазия вместе с социал-патриотами составила из представителей разных партий, — мнения на съезде разделились. Абсолютное большинство съезда высказалось за наше предложение: „бойкотировать Народное Представительство, требовать его немедленного распускания и назначения выборов в Учредительное Собрание.“ Центральному Комитету Партии, выбранному на съезде, было поручено позаботиться об осуществлении этого решения не только путем пропаганды, но, если понадобится, и посредством революционного выступления. Немедленно же после партийного съезда состоялся и съезд профессиональных союзов, на котором были представлены все округа Югославии. Съезд высказался за полную централизацию профессионального движения. В то же время состоялся съезд женщин и съезд молодежи; оба эти съезда выразили свою полную солидарность со всеми постановлениями нашего съезда. После съезда правительство, при поддержке социал-патриотов, обрушилось на нас градом репрессий. Многие делегаты, по возвращении домой, были арестованы, некоторые организации (особенно в Боснии и Войводине) были закрыты. Накануне 1-го мая в Югославии было арестовано около 1000 товарищей. Среди них — и все члены Ц. К. Наше движение, делавшее только первые шаги, было таким образом обезглавлено, и это до некоторой степени послужило препятствием к объединению. Нам пришлось уйти в подполье, откуда мы, несмотря на все гонения, продолжаем работать среди широких масс...

В. Г.

Белград, 21 окт. 1919 г.

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ВОЗЗВАНИЕ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО СЕКРЕТАРИАТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Объединение всех реакционных сил империализма.

Во второй раз мы празднуем годовщину того дня, в который русские рабочие, крестьяне и солдаты ниспровергли насквозь прогнивший буржуазный строй и взяли в свои руки решение судеб русского народа. В дни празднования первой годовщины пришло известие из Германии о вспыхнувшей там революции, и известие это было с величайшим восторгом встречено в России, хотя никто не сомневался в том, что революция в Германии не устранил опасность, угрожающую России со стороны ненасытной Антанты, которая употребит все имеющиеся в ее распоряжении средства для подавления не только германского, австро-венгерского и болгарского народов, но и русского народа, которому придется уплатить своей кровью по военным займам, полученным от западно-европейских банкиров.

Ту самую милитаристскую Германию, которую она раньше называла „страною гуннов“, Антанта, под угрозой военных репрессий, направила на народы Западной России, Лифляндии и Курляндии для того, чтобы не дать этим народам, объединившись с Советской Россией, добиться политической и социальной свободы. Этой же преступной политике следовала Антанта и в Польше, и в Украине, и в Финляндии. В Архангельске британские генералы хищнически разграбили русские леса, в Сибири Колчак так же расхищает колоссальные природные богатства страны. Британский флот бомбардирует незащищенные русские порты и препятствует всякому подвозу товаров. В этой борьбе империалисты Антанты не останавливаются и перед самыми варварскими средствами: тысячи русских рабочих на фронте были искусственно ослеплены фиолетовыми лучами. Но, несмотря на голод, на болезни и невыразимые страдания, — раненые красноармейцы безропотно переносят операции, производимые без наркотических средств, при отсутствии самых необходимых медикаментов, — несмотря на все это, Красная Армия прогнала Колчака далеко за Урал, с беззаветной храбростью отстояла Петроград от наступавших на него грабительских белых армий и с успехом мешала набегам британских пиратов в Финском заливе.

Русские пролетарии голодают, но не сдаются, потому что они знают, что для них нет иного спасения, кроме изгнания из России белых банд наемных убийц, они знают, что, если Колчак, Деникин и Юденич победят, то последний хлеб будет отнят у народа и отдан в уплату британским и французским хищникам.

Русские пролетарии десятками тысяч гибнут на полях сражений, но не сдаются, потому что они знают, что победа контр-революции означала бы для сотен тысяч их братьев и сестер мученическую смерть на виселице, под дулом винтовок, в казематах темниц.

Они продолжают бороться, потому что они знают, что только, когда войска контр-революционеров будут изгнаны из страны, русский народ сможет вновь наладить жизнь в стране, засеять свои поля и пустить в ход свои заводы.

Антанта жестоко ошиблась в своих расчетах на то, что ей удастся сделать Россию британско-французской колонией. И даже, если бы ей удалось свергнуть правительство Советской России, то неизбежно поднялось бы снова революционное массовое движение за Советы, которое раньше или позже закончилось бы полной победой. Порядка и хлеба контр-революция русскому народу не может дать, а белый террор и зверская эксплуатация снова толкали бы народные массы к борьбе и к победе.

Союзные державы никогда не объявляли войны России, и цинично отвергли все сделанные Советским Правительством мирные предложения, не выслушав даже мнения народных представителей и не входя в рассмотрение условий. Когда речь идет о борьбе с рабочим классом, капитализм нисколько не считается ни с писанными, ни с нравственными, законами. Советская Россия борется не за частичные, временные улучшения жизни рабочих, но за освобождение всего рабочего класса. Поэтому — и только поэтому — она должна быть побеждена ядовитыми бомбами, танками, ослепляющими лучами и, наконец, раз все это не помогает, — голодом.

В своей ноте к Германии об усилении блокады, генерал Фош откровенно объясняет, почему русский народ должен голодать: „Открыто провозглашаемая большевиками враждебность ко всем правительствам и их программа, имеющая своей

целью международную революцию, создают серьезную угрозу для национальной безопасности всех государств. Всякое увеличение способности большевиков к сопротивлению означает также увеличение этой опасности... Желательно поэтому, чтобы все народы, которые стремятся к восстановлению спокойствия и общественного порядка, объединились для борьбы против большевиков“.

Слово теперь за мировым пролетариатом.

Два года уже Советская Республика борется за освобождение пролетариата России и всего остального мира. Два года уже она терпит голод, страдает от всяких заболеваний, истекает кровью на полях сражений. Она борется, одерживая победы и стойчески перенося неудачи. Она видит, что пролетариат других стран, хоть и медленно, приближается к ней на помощь. Несмотря на все удары, которые продолжают наносить ей контр-революционеры, поддерживаемые правительствами союзных держав, она все еще стоит непоколебимо, и как бы ожесточены ни были атаки белогвардейцев, она будет мужественно защищаться до последней капли крови. Если пролетариат Германии, Франции и Англии, Италии и Америки теперь, когда союзники решили усилить блокаду, не поднимется и не заставит свои правительства заключить мир с Советской Россией, отказаться от поддержки царских бандитов и снять блокаду, то ответственность за удушение русской революции и последствия этого удушения обрушатся на западно-европейских рабочих. Тогда они должны будут винить самих себя, если в восточной Европе будет восстановлен царизм и если он, в свою очередь, создаст армию для поддержки умирающего европейского капитализма; если он поможет снова стать на ноги германскому империализму; если он вместе с Японией станет сильнейшей опорой мировой контр-революции и начнет борьбу за новые захваты в интересах германских

юнкеров, русских генералов и японских самураев. От того, какую позицию теперь займет рабочий класс центральной и западной Европы, будет зависеть не только участь российского рабочего класса, но и судьба всего мирового пролетариата.

Мы не можем в своем воззвании предписывать рабочим каждой отдельной страны, что они должны делать, но одно для нас совершенно ясно: одних заявлений о симпатии и солидарности, подобных резолюции, принятой люцернским конгрессом Второго Интернационала, не достаточно. Необходимо, чтобы моряки отказывались от работы на каждом отдельном пароходе, отправляемом с оружием и войсками к Деникину, Колчаку и Юденичу. Такие пароходы отходят из Гамбурга, Бреста, Марселя и других портов. Правительства Германии и Антанты должны прекратить всякую поддержку белогвардейцев и заключить мир с Советской Россией.

Их необходимо принудить к этому.

Они будут вынуждены к этому только тогда, когда на улицах появятся толпы народа громко требующие заключения мира с Советской Россией и не боящиеся направленных против них штыков. Они будут вынуждены к этому только тогда, когда увидят, что железные дороги и заводы останавливаются. Время слов прошло, мировой пролетариат должен приступить к делу. Если он не сделает этого, пролетариат России все-таки будет биться до последней капли крови. И тогда он сможет сказать своим братьям пролетариям других стран: „Мы пожертвовали всем для освобождения пролетариата, а вы не захотели пожертвовать ничем. Мы умрем, как свободные люди, а вам суждено жить рабами“.

Октябрь, 1919.

Западно-Европейский Секретариат Коммунистического Интернационала.

ВОЗЗВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Пролетариату всего мира.

Пролетарии! Рабочие!

7-го ноября исполнится два года с тех пор, как крестьяне, рабочие и солдаты в России взяли власть в свои руки. Они свергли буржуазию, которая им навязала войну и привела их к голоду. Они сбросили с себя иго капитализма. Впервые в истории власть угнетенных была установлена в великой стране. Из моря крови и ужаса разорения русский пролетариат громовым голосом крикнул всем трудящимся, изнывающим под гнетом и продолжающим убивать друг друга: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Рабочие! Пролетарии!

В начале на призыв никто не откликнулся. Германские империалисты считали пролетарскую Россию, мечтающую лишь о мире, желанной союз-

ницей. Кусок за куском Германия вырывала из ее окровавленного тела. Постыдную брест-литовскую сделку она замаскировала лицемерною фразой: „Мир без аннексий и контрибуций“. И германская социал-демократия согласилась помочь империализму и поддерживать его в его грабительских намерениях.

Германский пролетариат был лишен возможности проявить свою волю. Он стал покорным орудием германских правящих классов, зверски расправившихся его руками с его же русскими братьями. Только постепенно он стал понимать, что его обманули. Когда германская армия была разбита, германский пролетариат отрезвел от патристического похмелья. Германскому империализму пришлось дорого заплатить за свои грехи, в германской армии стали всходить семена, посеянные русской революцией. Германские рабочие и солдаты восстали и прогнали тех, кто хотел утопить их в крови.

Но германский капитализм все еще не уничтожен. Он снова поднял голову. Умоляя о пощаде, он обратился к своим бывшим врагам. И вот, капиталисты всех стран, еще недавно посылавшие миллионы своих пролетариев на верную смерть, снова протянули друг другу руку.

Капиталисты всех стран объединились. Они объединились в общей вражде против русского пролетариата. Германский капитализм на этот раз стал вернейшим слугой капиталистов Антанты: он послал для подавления революции свои войска в Прибалтийский край, и эти зверские шайки грабителей хозяйничали там гораздо хуже, чем в старину—в России татары. В Риге, Митаве, Ковне и других местах расстреляны десятки тысяч человек, все тюрьмы переполнены арестованными, вся страна разгромлена и опустошена. И все это совершалось именем германского социал-демократического правительства. А в Берлине орудуют русские контр-революционные офицеры, вербуя там пушечное мясо для удушения русской революции. „Революционная“ Германия делает все, чтобы уничтожить сильнейший оплот всемирной революции—пролетарскую Россию.

Неудивительно, что в этом позорном деле участвует буржуазия всего мира.

Английские отряды занимают северную часть России, английскими деньгами оказывается поддержка русским контр-революционерам, Колчаку и Деникину, которые на эти деньги содержат целые армии, и армии эти снабжаются английскими орудиями, винтовками и амуницией. Франция отправляет свои военные силы в Южную Россию. Французским золотом и французской кровью спаяна протянутая в Польше железная цепь против России.

На ряду с этими военными мероприятиями и в экономическом отношении союзники стараются отрезать пролетарскую Россию от всего мира. Уже давно прекращены все торговые сношения между Россией и остальными государствами. Лишая пролетарскую Россию необходимых материалов, изделий и сырья, империалистские хищники хотят привести в полный упадок ее экономическую жизнь.

Число безработных во всех странах достигает нескольких миллионов. Они просят работы, они просят хлеба. Они охотно работали бы для того, чтобы помочь своим русским братьям, но буржуазия препятствует этому.

Все страны, все вчерашние друзья и враги, как Германия, так и Франция, как Англия, так и Италия, как Америка, так и Япония, соединились для того, чтобы погасить горнило всемирной революции.

Рабочие! Пролетарии!

Интернационал всемирной реакции снова встал на ноги. Он идет приступом на колыбель всемирной революции, на Советскую Россию. Поэтому необходимо создать Интернационал всемирной революции.

Мы не говорим об Интернационале жалких предателей, которые еще вчера принимали участие в убийстве наших братьев. Мы не говорим об интернационале социал-демократов, приверженцев политики „войны до конца“, которые в ужасе ждут суда пролетариата над всеми, кто предал его во время мировой войны.

Мы говорим об Интернационале, в который входят все пролетарии, переносившие страдания этой войны, жертвовавшие своей жизнью и кровью, испытывавшие голод и всякие лишения, на которых и теперь обрушиваются все последствия войны и позорного перемирия: безработица, голод, новое рабство и новое угнетение.

Рабочие! Пролетарии!

Кто бы вы ни были, победители или побежденные, вы каждую минуту можете убедиться в том, что война и ее последствия принесли вам только одно: цепи.

С каждым днем вы все глубже и глубже погружаетесь в бездонную пучину новых бедствий. Вы должны сознать, наконец, что не существует другого пути к свободе, кроме пути, указанного Россией. Вы должны отпраздновать вторую годовщину русской революции соответствующим ее значению образом. Русские товарищи, уже два года выдерживающие натиск всего мира, всю свою надежду возлагают на вас. Не обманите же их надежд!

Вставайте на борьбу!

Поднимитесь 7-го ноября, в годовщину русской революции. Прекратите работу. Собирайтесь на грандиозные демонстрации. Поддержите русских товарищей.

Требуйте от буржуазии немедленного снятия блокады, не допустите разгрома капиталистами завоеваний русской революции.

Требуйте прекращения всяких сношений между буржуазией и белогвардейцами—контр-революционерами, не допускайте, чтобы ваши угнетатели снабжали палачей ваших русских братьев свинцом и порохом, оружием и деньгами, т.-е. вашим потом и вашей кровью.

Требуйте восстановления сношений с Советской Россией,—убийцы не имеют права с презрением отворачиваться от единственного в мире правительства, руки которого не обгажены кровью.

Пролетарии всего мира! Празднуйте годовщину русской революции и сделайте вместе с тем первый шаг к вашему собственному освобождению. Пусть будет этот праздник первым днем всемирной революции.

Пролетарии всего мира, объединитесь в общем могучем кличе:

Да здравствует Советская Россия, да здравствует всемирная революция!

От имени коммунистического Интернационала:
Германская коммунистическая партия (Союз „Спартак“).

ВОЗЗВАНИЕ ВЕНГЕРСКИХ КОММУНИСТОВ.

К пролетариям всех стран.

Товарищи, мы обращаемся к вам из Венгрии, классической страны угнетения и рабства, страны, в которой феодальный режим свободно проявлял свою разбойничью сущность и где свирепствовала ничем неприкрытая реакция, страны, где миллионы трудящегося народа были лишены всех прав, где жестокий гнет, тюрьма, оружие жандармов и солдат были единственным ответом на все их требования; из страны, где несколько тысяч семейств имели все права, всю власть, а все остальные, жившие на той же земле, были лишь рабочим скотом, презренной сволочью.

Муки войны легли на нас более тяжким бременем, чем на какой-либо другой народ. Наши правители продали нас, чтобы обеспечить себе власть, принесли нас в жертву чудовищу империализма. Венгерских солдат все время гоняли с одного поля битвы на другое, и наша маленькая страна в этой свирепой войне потеряла более миллиона людей. И в то время, как наши эксплуататоры, наши крупные землевладельцы, банкиры, спекулянты, благодаря войне, наживали фантастические богатства,—мы, трудящиеся пролетарии, впали в нищету и терпели лишения, не поддающиеся никакому описанию.

Они нас заставили воевать, ради них мы страдали и истекали кровью—и на нашу долю выпали лишь голод, лишения и потери.

Быть может, именно потому, что мы подвергались наибольшему угнетению, что наш народ пострадал больше всех, мы первые услышали наших русских братьев и вняли их голосу, сбросив революционной силой господство эксплуататоров и провозгласив диктатуру пролетариата.

Товарищи! Пролетарии!

Наша революция была революцией трудящихся, революцией обездоленных, угнетенных и эксплуатируемых, направленной против тех, кто, воспользовавшись войной, дошли до последней степени разнузданности в своих преступлениях, совершавшихся ими в течение столетий. И наша революция одержала победу, не пролив ни единой капли крови. Ибо все ясно сознавали, все открыто заявляли о том, что для Венгрии не было иного выхода,—или полный развал, или диктатура пролетариата. Рабочий класс примкнул к нам, и одушевляемые сильной и ярко выраженной волей, мы принялись за трудное дело: за разрушение прогнившего старого общества и за создание нового, свободного государства свободных и равных рабочих.

Не раз вчерашние властители, горько оплакивавшие свои утраченные привилегии, обращались против нас, натравливая на нас развращенных старым режимом отсталых крестьян. Мы были бы трусами, подлецами, изменниками рабочему делу, если бы, сложа руки, спокойно смотрели на все происки, направленные против нашего обществен-

ного строя, если бы мы не наказывали тех, кто стремился к восстановлению рабства. Но неправда, будто мы пролили хоть одну каплю крови из чувства мести или классовой ненависти, будто мы лишили жизни хоть одного человека только потому, что власть и оружие были в наших руках. Ибо мы были бы негодьями и изменниками, если бы дали свободный простор кровавым страстям. Мы вооружили пролетариев для защиты революции, а не для того, чтобы сделать из них подлых убийц.

Против насилия капиталистических держав всего мира мы не могли устоять. Венгерская Советская республика пала.

И теперь буржуазное общество применяет беспримерный белый террор. 1500 наших товарищей томятся в тюрьмах; десятки из них уже умерли. Наши противники не дают себе даже труда предъявлять своим жертвам обвинение в каких-нибудь преступлениях. Достаточно простого доноса, что человек социалист—и он немедленно же попадает в тюрьму, отдается на произвол самого дикого неслыханного террора. Не вооруженные мужчины, не революционеры, захваченные в момент открытого восстания, а мирные рабочие, работницы, дети арестовываются, подвергаются пыткам и убиваются. С жестокостью дикарей господа положения придумывают самые ужасные средства для лишения жизни наших товарищей.

Но весь этот разгул белого террора возможен лишь потому, что за нашими палачами стоит вооруженная сила миссий Антанты, и под покровительством этих „защитников свободы народов и человеческих прав“ в настоящее время в Будапеште в один день проливается больше крови, чем было пролито за все четыре месяца диктатуры пролетариата.

В период первых вооруженных выступлений контр-революции в Будапеште, когда в ожесточенных стычках погибло значительное число рабочих и солдат, подполковник Росканелли, стоявший во главе миссий Антанты, в резкой ноте протестовал против казни контр-революционеров, которые де являются лишь политическими противниками, хотя бы они и оказывали вооруженное сопротивление. И диктатура проявила слабость, совершенно прекратив казни.

Теперь же безоружные рабочие, и не помышляющие более о сопротивлении, бессмысленно, без всякого основания, избиваются целыми массами, и союзные миссии хранят молчание, не произнося ни слова протеста. Мало того,—своим могуществом, своим авторитетом они поддерживают белый террор, который сам по себе, без их содействия, не мог бы продолжаться и одного дня.

Товарищи, пролетарии всех стран!

Тем, кто в ваших странах держит власть в своих руках, вашей буржуазии, по вкусу пролетарская кровь. Ими руководит одно лишь стремление—отомстить венгерскому рабочему классу

за то, что он осмелился освободиться от их ига. Они устраивают грандиозную бойню для того, чтобы терроризировать вас, запугать вас, лишить вас мужества, чтобы вы не решились путем революции свергнуть своих угнетателей. Они не знают пощады, не знают чувства человечности. Когда их барышам, их могуществу грозит опасность, они не останавливаются перед избиением миллионов рабочих для удушения революции так же, как они, не задумываясь, посылали на смерть миллионы рабочих во время войны.

Но вы ведь с нами! Наши страдания это ведь и ваши страдания, и вы не должны допустить, чтобы на законную революцию венгерского

пролетариата всемирная реакция попрежнему отвечала кровавой резней.

Мы ставим себя под вашу защиту. Мы ждем, мы надеемся, что ваши революционные силы принесут нам освобождение и спасение. Поднимите свой громовый голос, соберите всю свою мощь, чтобы не дать уничтожить рабочий класс целой страны только за то, что он восстал против реакции, гнуснее которой нет во всем мире.

Да здравствует пролетарская солидарность! Да здравствует международная революция!

Венгерская Социалистическая
Коммунистическая Рабочая Партия

Будапешт.

ВОЗЗВАНИЕ ДАТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

К организованным рабочим Дании.

Великая мировая война, начатая около пяти лет тому назад капиталистами всех стран, теперь окончилась. Миллионы рабочих, юношей и отцов семейств, пали жертвой сатанинского чудовища — милитаризма. Их матери, их жены и дети погибают от голода и других порожденных войною лишений.

Война наций кончилась. Капиталисты всех стран готовятся теперь к новой, еще более жестокой и беспощадной войне. Капиталисты, во время мировой войны только делавшие вид, что они борются друг с другом, собирают свои силы для ожесточенной борьбы с всемирным пролетариатом и социализмом.

Все вожди, которые были избраны рабочим классом для того, чтобы повести социализм к победе под знаменем Второго Интернационала, все они сами изменили идеалам социализма.

Без всякого протеста и без всякой борьбы против милитаризма и капитализма, они, когда разразилась война, взяли на себя роль трусливых палачей на службе у капиталистического общества. В настоящее время Второй Интернационал не может дольше считаться социалистической организацией. Социал-демократы, которые осмеливаются вести организованный рабочий класс по глубокой и опасной колее Второго Интернационала, являются только покорными слугами капитализма.

Товарищи рабочие и социалисты! Рабочие организации других стран отворачиваются от фразеров и социал-патриотов и сплачиваются под чисто-социалистическим знаменем Третьего Интернационала. Рабочие России, Венгрии и Германии открыто признали весь круг чисто-социалистических идей и через искусственные границы, установленные капиталистами, протянули братскую руку товарищам в Англии, Франции, Италии и Америке.

Рабочая партия Норвегии вышла из старого Интернационала, чтобы примкнуть к тому Интернационалу, который борется и страдает для того, чтобы свергнуть господство капитала, замышляющего новые войны и готовящего новые несчастья для всего человечества.

Товарищи, встанем же все на борьбу за всемирную революцию пока еще не поздно! Рабочий класс Дании не должен отставать от товарищей

других стран, не должен оставаться равнодушным и безразличным, в стороне от поля битв революции.

Рабочие Норвегии сознали свой социалистический долг и примкнули к боевому Интернационалу. Неужели же и после этого рабочие Дании будут оставаться в рядах отказавшегося от всякой борьбы Второго Интернационала?

Норвежские рабочие перешли к открытой классовой борьбе против эксплуататорского общественного строя, между тем, как социал-демократические вожди Дании запугивали рабочих для того, чтобы дать капиталистам Америки, Англии, Германии и Дании возможность спокойно продолжать свою хищническую эксплуатацию и сосредоточивать в Копенгагенской гавани белые и цветные войска. Международный капитал и мировой милитаризм избрали Копенгаген центром для подготовки кровавого нападения на международный пролетариат. Датские социал-демократы взяли на себя задачу обеспечить этим капиталистам полное спокойствие.

Товарищи!

Разве ты не социалист?

Если ты социалист, то ты не должен позволять лакеям капитализма из Второго Интернационала продолжать обманывать тебя. Нет, ты должен последовать примеру норвежских товарищей и примкнуть к Третьему Интернационалу. Ты должен вступить в социалистическую рабочую партию Дании.

Всемирный капитализм угрожает раздавить рабочий класс под своей железной пятой.

Классовая борьба должна вестись в международном масштабе.

Революция, пролетариат и социализм должны быть раздавлены, окончательно сокрушены!

Вот тот боевой клич, с которым международный капитализм наступает на Петроград и Будапешт! Вот тот дышащий враждою к рабочим лозунг, который начертан на черных знаменах белой гвардии! Вот та цель, к которой они так нетерпеливо стремятся! Тысячи, десятки тысячи „военнопленных“, отправляемых странами Согласия, прошли через Копенгаген, и все эти солдаты встречали торжественный прием со стороны почти всех датчан.

Единственной целью этой перевозки военнопленных была и до сих пор остается отправка войск в Россию против России.

Это был вовсе не транспорт военнопленных, а транспорт большой армии, посылаемой на борьбу с рабочими нынешними властями всего мира — Англией, Францией и Италией.

Господствующие классы всего мира объединились для общего выступления, для общей борьбы против пролетариата, против большевизма, против социализма.

Заветной целью объединенного мирового капитала является теперь военное занятие России и Венгрии для того, чтобы затем раздавить рабочих и во всех других странах.

Немецкий капитализм силой оружия разбил на голову рабочий класс Финляндии, и теперь финляндский капитализм хочет в свою очередь отплатить за это удушением рабочего класса и рабочей республики в России. И для этого кровавого дела ему обещают усердную поддержку капиталисты и социал-демократы всех стран.

В то же время и Носке в Германии подготавливает массовое избиение немецких социалистов и рабочих, снова начинающих поднимать голову.

Параллельно с этим во Франции и в Англии происходят непрерывающиеся волнения и беспорядки, которые в один прекрасный день могут вспыхнуть буйным ярким пламенем. В Париже были ведь уже моменты, когда весь город был охвачен забастовкой.

Классовая борьба в ближайшее время должна стать и непременно станет международной.

Борьба капитализма ведется в международном масштабе. И если рабочие хотят оказать серьезное противодействие начинающемуся натиску реакции, то и они должны бороться сомкнутыми рядами, и они должны наступать общим международным фронтом.

В настоящее время более необходимо, чем когда бы то ни было, следовать лозунгу: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

У ворот Петрограда стоит армия палача рабочих, Маннергейма, и эта армия все время получает подкрепления из Западной Европы.

Но и эти войска и страны, поддерживающие их, получают также подкрепления из Скандинавии и Дании.

Один за другим уходят отсюда корабли, нагруженные всякого рода продовольствием для контр-революционных армий и стран!

Один за другим уходят отсюда корабли, нагруженные военным снаряжением для армий контр-революционеров.

Да и вообще всякий, какой бы то ни был товар, отправляемый в черные страны капитализма, способствует усилению врагов рабочего класса и тем самым наносит вред рабочим России, страны социализма.

На всяком рабочем-интернационалисте Дании лежит поэтому вполне определенная обязанность:

Обязанность помогать русским братьям, в их борьбе против всемирного капитализма!

Контр-революционные страны, прежде всего и главным образом Финляндия, Эстляндия и Латвия, должны быть подвергнуты блокаде.

Та же мера должна быть применена и к другим, указанным в нашем воззвании от 4-го июня черновардейским странам.

Каждый кочегар, дорожащий своею честью,

должен решительно отказываться от работы на пароходах, отправляемых капиталистами в эти страны.

Каждый моряк-интернационалист должен помнить свой братский долг и в ожесточенной борьбе против эксплуататоров стать на сторону своих братьев.

Каждый портовый и транспортный рабочий социалист, желающий добра своему собственному классу, должен отказываться от разгрузки или загрузки корабля, груз которого предназначается для одной из этих разбойничьих стран. Каждый рабочий, думающий и чувствующий как рабочий, должен отказываться от выполнения какой бы то ни было работы, предназначенной для нужд контр-революции.

Рабочие Дании!

Вам пора теперь вспомнить о своем социалистическом интернациональном братском долге!

Пусть отныне вашим лозунгом будет:

Никакой работы для контр-революции!

Поспешите на помощь вашим борющимся русским и венгерским товарищам-братьям!

Они борются за всемирный пролетариат!..

Рабочие Дании!

За дело!

Вперед, на интернациональную революционную борьбу!

Объявите блокаду войскам Маннергейма и Колчака!

Копенгаген, 11/VI — 19.

От Центрального Комитета Социалистической Рабочей Партии (коммунистов) Югославии.

Югославянский пролетариат еще на Пасху (20—23 апреля 1919 г.) в Белграде—на совместном Съезде—объединился в Социалистическую Рабочую Партию (Коммунистов) Югославии. Единогласно была принята платформа Третьего Интернационала и было постановлено присоединение к нему. И вот уже полгода мы существуем как секция Третьего Интернационала, и не смотря на ужасную реакцию, ведем коммунистическую пропаганду. Общее положение в Югославии, как в городах так и в селах, очень благоприятно для нас, мы с каждым днем становимся сильнее и ждем только удобного момента, который—мы в том уверены—наступит скоро, для того, чтобы исполнить свой долг.

Коммунистический привет всем товарищам.

За Центральный Комитет Социалистической Рабочей Партии (Коммунистов) Югославии.

(Подпись).

11 октября 1919 г.
Белград.

От редакции. Югославянская братская партия, как нам сообщают из Сербии, насчитывает теперь более 120,000 членов. Ц. К. партии имеет теперь уже официального кандидата в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала. Братски приветствуем югославянских товарищей и уверены, что последние остатки идеологии II Интернационала скоро будут окончательно изжиты в Югославии и уступят место точной и ясной политике коммунизма.

В ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ III КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Постановлением Центральных Комитетов Украинской Социал-Демократической Рабочей партии (независимых левых) и Украинской партии Социалистов-Революционеров (коммунистов) от 6-го августа 1919 года обе названные партии слиты в одну Украинскую Коммунистическую партию (боротьбистов) с девизом „Пролетарии всех стран соединяйтесь!“.

Этот акт слияния в единую Коммунистическую Партию двух отрядов Украинского Коммунизма, отдельно участвовавших до тех пор в пролетарской революции на Украине, является крупным завершающим моментом в развитии Украинского Коммунистического движения, чутко отражающего веления местной социальной действительности, и вместе с тем новым исходным пунктом дальнейшего процесса организационно-идеологической консолидации коммунистических сил городов и сел Украины.

Глубокий раскол в рядах Украинских социалистических партий и прежде с выделения из них коммунистических сил, органически вырастающих из всей совокупности социально-экономических условий Украины, начался тотчас же после февральской революции 1917 года и к моменту первой осады Киева войсками Советской России достиг такой остроты и силы, что представители левого крыла Украинских Социалистических Партий были арестованы и приговорены к расстрелу правым крылом, руководившим тогда всей политической жизнью на Украине.

Дальнейший ход революции довел этот раскол до его неизбежного исхода, и левое крыло, — это организационное ядро Украинского Коммунизма, — бесповоротно перешло к борьбе во имя власти Советов как единственной организационной формы диктатуры пролетариата.

Ряды борцов сплачиваются вокруг организационного центра Украинского Коммунизма в глухую пору гетманской реакции, закаляются на героической и беспощадной борьбе и с ней и с Украинским Национальным Союзом, прикрывавшим демократической фразеологией свою контр-революционную природу.

Дезорганизация активными выступлениями аппарата гетманской власти, разоблачение в глазах Украинского пролетариата и крестьянства контр-революционной природы Украинского Национального Союза приводят Украинские коммунистические силы к моменту восстания против гетманщины, к активному руководству этим восстанием, к захвату Полтавы, Житомира, Жмеринки и других пунктов, к решительной борьбе с вышедшей из рядов Национального Союза Директорией, как во главе повстанческих отрядов, так и на созванном Директорией „Трудом Конгрессе“.

В горниле этой борьбы за величайший из идеалов нашего времени, борьбы во имя власти Советов сгорают последние нити, стираются последние следы былой связи с соглашательскими партиями, и внутренняя природа окрепшего в борьбе организационно-идеологического центра Украинских коммунистических сил перерастает рамки старых партийных названий.

Борьба с Гетманщиной и Директорией рука-об-руку с Коммунистами-Большевиками Украины, и глубокое понимание всей опасности существования двух коммунистических центров на Украине заставляют организационно-идеологическое ядро Украинских коммунистических сил (Коммунистов-боротьбистов) призывать в марте 1919 г. к образованию междупартийного Советского центра в момент восстания и к организационному слиянию с Коммунистами-Большевиками.

Эта настоятельная необходимость образования единого Коммунистического Центра на Украине была не понята и не оценена Коммунистами - Большевиками Украины.

Опыт дальнейшего хода развития пролетарской революции на Украине, практическое участие в создании там Советской Власти и ее роковой исход обострили в рядах Украинских Коммунистов сознание настоятельной необходимости образования единого коммунистического центра, органически вырастающего из совокупности социально-экономических условий и особенностей Украины.

Учет этого опыта, обостренное понимание очередной и главнейшей задачи развития революции на Украине, и приводят к слиянию двух отрядов Украинских Коммунистических сил в единую Украинскую Коммунистическую Партию (боротьбистов), берущую на себя руководство Украинским коммунистическим движением и его представительство в рядах III Интернационала.

Стоя на закате второй пролетарской революции на Украине, вступая в полосу жесточайшей реакции, переводя всю партию и вместе с ней сам переходя в подполье для новой борьбы, Центральный Комитет Украинской Коммунистической Партии (боротьбистов) заявляет о вступлении партии в ряды III Интернационала и шлет горячий привет вождям пролетарской революции, заверяя, что близок час, когда, спаянные единым Коммунистическим Центром, рабочие и крестьяне Украины подымут новое восстание во имя власти Советов, и возрожденная Украинская Советская Республика снова вступит в открытый бой с врагами международного коммунизма.

Киев, 28 августа 1919 г.

Центральный Комитет Украинской Коммунистической партии (боротьбистов).

От редакции: На конгрессе Коммунистического Интернационала в Москве, в марте 1919 г., Украина была представлена Коммунистической партией Украины — К. П. У. (большевиков). К Коммунистическому Интернационалу и теперь организационно принадлежит только эта партия — пролетарская организация на Украине, имеющая за собой около 20 лет работы. Исп. Комитет К. И. считает своим долгом добиваться того, чтобы в каждой стране существовала только одна коммунистическая партия, включающая все коммунистические силы. Того же Коммунистического Интернационала будет добиваться и на Украине.

Резолюция Немецко-Австрийской Коммунистической Партии.

Коммунистическая Партия Немецкой Австрии признает программу III-его Интернационала, принятую на съезде в Москве 2-го марта 1919 г., и заявляет о своем присоединении к III-ему Интернационалу.

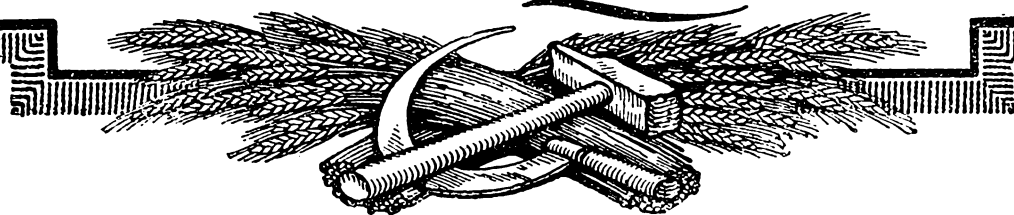
За Правление Партии

К. Томан.

Вена, 27-го августа 1919 г.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

К РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН.

Кровавая расправа над венгерскими рабочими.

Товарищи! Вот уже более трех месяцев, как в Венгрии беспрестанно льется кровь лучших венгерских пролетариев. Тысячи и тысячи венгерских рабочих расстреляны и повешены без всякого суда восторжествовавшей буржуазной контр-революцией. А теперь над уцелевшими борцами в Будапеште устраивается комедия суда. Около пятнадцати тысяч венгерских рабочих привлечены к военному суду. Четыре трибунала будут судить этих венгерских наших братьев. И уже заранее американское радио об'являет на весь мир, что в Будапеште будет вынесено столько смертных приговоров, сколько никогда еще не выносилось в истории.

Расправа над венгерскими рабочими заставляет побледнеть те ужасы, которыми отметила кровожадная французская буржуазия свою победу над героями парижскими коммунарами в 71 году. Расправа в Венгрии достигает таких же результатов, как расправа палача Маннергейма в Финляндии, где по последним подсчетам буржуазия в течение одного года убила и заморила голодом 76 тысяч финляндских рабочих.

Дикий белый террор практикуется во всех уголках Венгрии. Разнузданная помещичье-буржуазная контр-революция неистовствует с неслыханной кровожадностью. Каждый венгерский рабочий в любой момент может быть расстрелян первым попавшимся представителем золотой буржуазной молодежи.

Те самые буржуазные филантропы, те самые лицемеры социал-предатели, которые вот уже два года проливают слезы по поводу того, что русские пролетарии в своей законнейшей борьбе против буржуазии, в своей святой обороне против царских генералов прибегают в вооруженной силе, эти самые ханжи и предатели не находят ни одного слова протеста по поводу той чудовищной вакханалии белого буржуазного террора, которая разыгрывается сейчас в Венгрии.

За что распинают наших братьев венгерских рабочих?

За то, что в решающий исторический для их страны момент, когда буржуазия, приведшая на край гибель Венгрию, умыла руки и отошла от власти, наши братья, венгерские рабочие, взяли эту власть в свои руки и пытались вывести свою страну на широкую дорогу. Англо-французская буржуазия, купившая венгерских социал-предателей, при помощи черносотенных румынских войск нанесла тяжчайшее поражение венгерским рабочим. Международная пролетарская революция к этому моменту оказалась недостаточно сильна, чтобы выручить один из наших славных отрядов — венгерский отряд — из той беды, в какую он попал.

Окруженная со всех сторон разъяренными, щелкающими зубами врагами, предоставленная самой себе, венгерская советская республика, еще не окрепшая, еще не успевшая встать на ноги, потерпела жестокий удар. Но день суда над палачами венгерского пролетариата близок. Международная революция крепнет с каждым днем, несмотря ни на что. Международная революция идет и придет на помощь распинаемым нашим братьям венгерским рабочим.

Неистовый белый террор со стороны буржуазии только ускорит ее гибель. Буржуазный „порядок“, восстановленный в Венгрии, принес разорение для сотен тысяч и миллионов венгерских граждан. Буржуазный „порядок“, восстановленный в Венгрии, привел в венгерскую столицу пьяные румынские банды, не оставившие камня на камне в Будапеште. Этот буржуазный „порядок“ будет сметен новой волной венгерского восстания, которое на этот раз встретит деятельную поддержку со стороны рабочих и крестьян целого ряда стран.

Товарищи! Обнажим головы перед славными героями венгерской Коммуны, отдавшими свою жизнь за дело пролетариата. Идущих на эшафот венгерских пролетариев с любовью провожают миллионы и миллионы рабочих всех стран, и эти рабочие клянутся победить буржуазию. Вам, венгерским товарищам, идущим на буржуазную Гол-

лизм. Сотни и тысячи лучших венгерских рабочих казнены разбойничьим венгерским правительством, с которым в близких отношениях находятся венгерские белые социал-демократы, участники того же II-го желтого Интернационала.

Но никакие убийства рабочих не остановят победного шествия пролетарской революции. Чем больше бешенствует буржуазия, чем больше лакействуют перед ней вожди II-го Интернационала, тем скорее сплачиваются рабочие, тем яснее становится для них реакционный характер пресловутых „демократий“.

Героическая партия германских спартаковцев, организованная их незабвенными вождями Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, крепнет с каждым днем, несмотря на все бешенство реакции. Германский рабочий класс неуклонно идет к победе, и эта победа близка.

День первой годовщины убийства самых славных и самых любимых вождей международного пролетариата не должен пройти не отмеченным. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала шлет братское приветствие германской коммунистической партии и призывает рабочие организации всего мира отметить годовщину убийства Либкнехта и Люксембург митингами и демонстрациями.

Вечная память лучшим из лучших! Вечная слава Карлу Либкнехту и Розе Люксембург! Ра-

бочие всего мира, идите по тому пути, который предуказали вам Роза Люксембург и Карл Либкнехт!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Петроград,
6 января 1920 г.

Приветствие Скандинавскому конгрессу коммунистов и левых социалистов.

Товарищи!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала шлет братский привет собирающемуся Скандинавскому съезду товарищей, стоящих на почве Коммунистического Интернационала. Мы сожалеем о том, что не можем, по независящим от нас причинам, послать на ваш съезд своего делегата, который мог бы вам передать лично наши братские пожелания.

Впервые Скандинавский конгресс собирается без участия старых казенных социал-демократов, выродившихся в социал-предателей. В этом залог успеха вашей работы.

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Петроград,
5 декабря 1919 г.

К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ УКРАИНЫ.

Измученные братья Украины!

Тернист, тяжел путь борьбы вашей за самоосвобождение. Многочисленны, разнообразны и лукавы враги ваши. Но велики и стойкость, и упорство в борьбе трудящихся масс Украины.

С напряженным вниманием следят трудящиеся всего мира, как все снова и снова из страшной схватки с врагами трудящихся вы выходите победителями.

Мы помним, как одновременно с октябрьским восстанием российского пролетариата в 1917 году вы у себя пошли на штурм буржуазной власти и выгнали из Украины военных и гражданских ставленников жалкого правительства Керенского. Но плоды победы вашей пожали не вы. Путем обмана и насилия власть захватила возглавляемая Центральной Радой украинская буржуазия. Быстро поняли рабочие и крестьяне Украины происшедший обман и снова подняли знамя восстания против буржуазии.

Уже в декабре 1917 г. рабочие и крестьяне Украины снова строились в боевые колонны, чтобы с оружием в руках отстаивать свои трудовые вольности от все более и более наглевшего правительства Петлюры и Винниченко. Начавшаяся борьба увенчалась блестящим успехом. В конце января 1918 года власть Центральной Рады была уничтожена.

И снова буржуазия ищет новых путей порабощения освободившихся трудящихся масс. Украинские националисты, на всех перекрестках кричащие о самостоятельной Украине, на самом же деле готовы продать Украину кому угодно, лишь бы не оставить ее в руках трудящихся, продают Украину Вильгельму II и германской буржуазии. Послушные еще германским помещикам, банкирам и генералам германские и австрийские полчища наводняют Украину, уничтожая власть Советов, власть рабочих и крестьян Украины.

Вы были плохо организованы. У вас не было еще сильной красной армии. Измученное четырехлетней империалистской войной, плохо понимавшее свои интересы, крестьянство в большей своей части осталось бездеятельным в развернувшейся борьбе с наступающими гайдамацкими шайками и войсками австро-германской буржуазии. Кучки героев пытались оказать сопротивление—но тщетно: более многочисленный и лучше организованный враг сломил это сопротивление и втечение двух месяцев восстановил по всей Украине власть богачей.

Волею германских генералов Раду сменяет гетман Скоропадский.

Но не успели последние отряды, сдерживавшие наступление разбойничьих полчищ, покинуть пределы Украины, как по всей Украине снова закипела ожесточенная борьба.

В ноябре 1918 г. германские рабочие нанесли первый удар германскому империализму, германскому правительству помещиков и банкиров. Ваша борьба к этому времени достигла высшего напряжения. Мощным ударом восставших масс правительство гетмана Скоропадского свергается.

Но старый предатель Петлюра, с помощью обманутых галицийских полков, вырвал победу из ваших рук и попытался еще раз восстановить власть украинской буржуазии, утвердив власть „директории“.

На этот раз трудящиеся массы Украины не поддались обману и после упорной борьбы власть директории была свергнута.

К концу февраля 1919 г. почти вся Украина покрывается сетью Советов, и созданный в марте III Всеукраинский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, верховный орган рабоче-крестьянской Республики, подвел итог борьбе и утвердил власть Советов на Украине.

Однако, и на этот раз власти трудящихся не суждено было утвердиться надолго.

На горизонте показался царский генерал Деникин, которого поддержали украинские и русские буржуа, помещики и богатейшие кулаки.

Советская власть не успела установить прочные порядки. Рабочие украинских городов остались без хлеба. Об'единенная украинская контр-революция мешала подвезти хлеб к городам. Крестьяне украинских сел и деревень остались без мануфактуры. Хозяйство на Украине разорялось все больше и больше. И вместе с тем росло недовольство Советской властью со стороны тех слоев украинского населения, которые не поняли, где их истинные друзья и где их враги. А в это время появились всякие ловкие авантюристы-проходимцы вроде Григорьева, Зеленого, Ангела, Сатаны и т. п., которые по указанию буржуазии прикидывались сторонниками Советской власти, ведя на деле вооруженную борьбу против Советской власти. Партизанщина помогла царским генералам задуть Советскую власть.

И в результате, обезсиленная империалистской войной и напряженной борьбой с буржуазией, с расхищенным буржуазией имуществом, с расстроенными железными дорогами, с озлобленным, хорошо организованным и вооруженным, ведущим с вами упорную борьбу кулачеством, с неорганизованной армией, измученная, истерзанная, окровавленная, обессиленная Украина стала лицом к лицу с надвигающейся на нее ордой царских палачей, руководимых генералом Деникиным.

Над Украиной был поднят трехцветный флаг царского гнета, великорусского грабежа и власти богачей.

Засвистала плеть казацкая. Загремели залпы карательных отрядов Деникина. Потянулись помещики и фабриканты, биржевики и спекулянты, торгаши, мошенники, тунеядцы на свои места. Грязно-кровавый пир справляли баре, снова получившие власть в руки свои.

Стоны, слезы, порабощение и смерть принес с собой трудящимся генерал Деникин, победивший вас с помощью Петлюры, с помощью Григорьева, с помощью бесконечного количества батек и атаманов, с помощью несознательной части трудящихся. Все те, кто мешал Советской власти орга-

низовать тыл и армию,—все они сознательно или бессознательно помогали Деникину установить на Украине тот режим насилия, рабства, спекуляции, разорения, роскоши для небольшой кучки, нищеты для народных масс, который превосходит худшие времена царизма и скоропадщины.

Товарищи рабочие и крестьяне Украины!

Наступил снова час освобождения. Советская Россия, Россия — освободительница, Россия трудящихся идет вам на выручку, и ее Красная Армия разбивает белую армию Деникина. Украина будет свободной страной. Украина будет советской страной!

Коммунистический Интернационал, это боевое братство трудящихся всех стран, с радостью встречает известие о том, что меч Красной Армии разрубает ваши цепи, с тревогой оглядывается на прошлое, с тревогой думает о тех ошибках, которые дали Деникину и его предшественникам возможность ввергать вас в черную бездну порабощения и горя.

Товарищи!
Братья!

Ни один из вас пусть не останется в стороне от борьбы. Стойко, мужественно, дружно, в тесном единении со всеми трудящимися, какой бы национальности или веры они ни были, вы отстоите Украинскую Советскую власть от всех ее врагов, какими бы именами, знаменами и лозунгами они ни прикрывались.

Грозный час требует от вас терпеливо перенести все тяготы и лишения, которые несет с собой борьба—священная борьба против буржуазии и помещиков. Эти лишения трудящиеся массы переносят не только на фронте, но и в тылу. Борьба идет не на живот, а на смерть, борьба идет между помещиками и буржуазией с одной стороны и трудящимися—с другой. И все трудящиеся должны быть в одном лагере, в одном стане готовыми на все, на лишения, на тяготы, на смерть,—так и только так завоюем мы себе светлое будущее.

Коммунистический Интернационал требует от вас сильнейшего напряжения ваших сил для восстановления, поддержки, укрепления и защиты Советской власти на Украине.

Донецкие рабочие погибли десятками тысяч за дело нашей революции. Украинские рабочие и трудящиеся крестьяне понесли бесчисленные жертвы. Этого не забудут рабочие всего мира.

Разбить Деникина на фронте, разоружить контр-революцию в тылу, уничтожить партизанщину и создать сильную красную армию—ваша первая и основная задача. Уничтожить раз навсегда помещичье землевладение, разбить и уничтожить помещиков—ваша вторая задача.

Организовать тыл, дать хлеб армии и украинским рабочим, дать продукты промышленности украинской деревне, наладить разоренное хозяйство—ваша третья, не менее важная задача.

Установите на Украине братство трудящихся всех национальностей. Железной рукой не допускайте погромов.

Коммунистический Интернационал уверен, что наученные горьким опытом вы исполните ваш долг

перед самими собой и трудящимися всего мира, и никакие сладкоречивые проходимцы, пытающиеся вести вас против рабоче-крестьянской власти, больше не собыют вас с правильного, прямого пути борьбы за свою свободу, за свое счастье, за власть Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов...

Украинские рабочие и крестьяне! На вас смотрят трудящиеся всего мира!

Да здравствует боевое единение трудящихся всех стран и национальностей!

Да здравствует Советская рабоче-крестьянская Украина.

Да здравствует об'единение всех Советских республик!

Да здравствует мировая революция!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Петроград,
14 декабря 1919 г.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ОБ УКРАИНСКИХ ПАРТИЯХ.

22 декабря 1919 года в Петрограде состоялось заседание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, посвященное украинскому вопросу. На заседании присутствовали представители Центральных Комитетов К. П. У. (большевики) и Украинской Коммунистической Партии (боротьбистов). После заслушания и обсуждения докладов представителей этих партий, Исполнительный Комитет принял нижеследующую резолюцию:

1) На первом конгрессе Коммунистического Интернационала Украина была представлена только К. П. У. (большевики), каковую партию конгресс и признал полномочной представительницей украинского пролетариата.

2) Из доклада представителей У. К. П. (боротьбистов) выяснилось, что эта партия, желающая вступить в III Интернационал, в основу своей деятельности кладет принципы III Интернационала и целиком принимает программу Р. К. П. (большевики), но что она, как недавно сформировавшаяся, не имеет еще достаточно сильной опоры в городском и деревенском пролетариате Украины и не успела еще в достаточной мере проявить себя и на деле доказать правильное применение принципов III-го Интернационала.

3) Раньше, чем дать ответ У. К. П. (боротьбистов) на ее просьбу о включении в Коммунистический Интернационал, Исполнительный Комитет считает себя обязанным поставить вопрос об об'единении всех коммунистических сил Украины в одной партии, исходя из принципа, что в каждой стране должна существовать единая коммунистическая партия, и памятуя, что дело коммунистической революции на Украине требует полного единства в рядах тех, кто защищает на Украине

интересы рабочего класса и трудящегося крестьянства.

4) Рассматривая совещание 22-го декабря как первый шаг к выяснению существующих между К. П. У. (большевики) и У. К. П. (боротьбистов) разногласий, Исполнительный Комитет предлагает Партии боротьбистов, в дополнение к ее меморандуму, дать возможно полный ответ (в письменной форме) по следующим вопросам:

- а) отношение к земельному вопросу,
- б) отношение к национальному вопросу (в частности, к национальной культуре, к спилке),
- в) отношение к созданию общей Красной Армии (в частности, к вопросу о партизанщине),
- г) отношение к созданию особого экономического центра,
- д) отношение к Советской России.

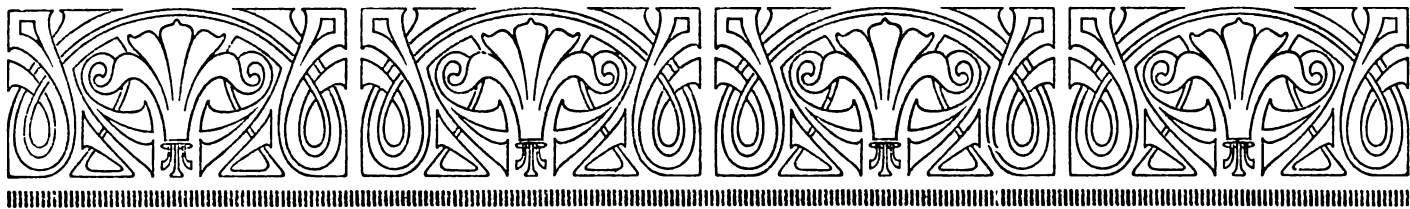
5) Для устранения разногласий обеих партий и для содействия делу их об'единения, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала создает при Коммунистическом Интернационале временную Украинскую Комиссию, состоящую из представителей обеих партий (по 2 делегата) под председательством председателя Коммунистического Интернационала. В эту комиссию переносятся спорные вопросы по требованию одной из сторон или по постановлению Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Петроград,
5 января 1920 г.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ДЕНЕЖНАЯ ПОМОЩЬ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

До 20 декабря в кассу Коммунистического Интернационала поступили с субботников следующие суммы:

Из провинции:

1) от бригады 6 дивизии на ст. Вруда	Р. 2.700 — к.
2) „ Коллектива Коммунистов по постройке моста через реку Неву в Шлиссельбургск. уезде	„ 1.089 — „
3) „ Мотовилихинск. районного Комитета через Пермский губернский Ком. Р. К. П. по 2 переводам . . .	„ 32.149 40 „
4) „ Сухумской организации Р. К. П.	„ 4.740 — „
5) „ Ячейки коммунистов Опродкомарма гор. Камышина	Р. 6.000 — „
	Р. 46.678 40 к.

Из Петрограда:

6) от 1 Гос. завода резиновой промышленности	Р. 43.980 — к.
7) „ Комис. Городск. Хоз. „Горотоп“ „	„ 400.000 — „
8) „ Николаевской ж. дор.	„ 300.000 — „
9) „ Северо-Западной жел. дор.	„ 40.860 41 „
10) от Моск. - Виндав.-Рыб. жел. дор. .	Р. 200.000 — к.
	Р. 984.840 41 к.
	Всего . . . Р. 1.031.518 81 к.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала выражает горячую благодарность товарищам, приславшим эти суммы.

Т О Ъ . Т М Ь О Р С А М У Э Л И

Народный Комиссар по военным делам Советской Венгрии, зверски убитый во время контр-революционного переворота.

ГЕРОИ и МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

**Буржуазные палачи убили
в Будапеште 75 венгерских
рабочих-коммунистов.**

**Вечная память погибшим
коммунарам!**

**Дело венгерских рабочих
есть дело рабочих
всего мира.**

**Да здравствует новая
пролетарская революция
в Венгрии!**

**Да здравствует Венгерская
Коммунистическая Партия!**

В. О. ЛИХТЕНШТАДТ-МАЗИН.

15-го октября, во время наступления белых пал в бою на Красном Ямбургском фронте, при деревне Кипень, тов. В. О. Лихтенштадт-Мазин. Ему было около тридцати семи лет, но облик его казался совсем юношеским. Казалось, что вся жизнь у него еще впереди, что его глубокая, сложная натура, непрерывно обогащаемая умственным трудом, только еще ждет возможности по настоящему раскрыться в широкой ответственной деятельности. В прошлом у него были суровые испытания: присуждение к смертной казни, с заменой ее бессрочной каторгой, десять лет заточения в Шлиссельбургской крепости. Но его светлый дух преодолел всю тяжесть этих испытаний, и когда в начале марта 1917 года народ разбил двери его тюрьмы, он вышел оттуда как будто совсем даже не постаревшим. Все так же, как в годы его самой первой юности, умный, мягкий и застенчивый взгляд его темных глаз освещал его бледное лицо, а в чарующе-нежной, сдержанной улыбке чувствовалась та же, почти детская чистота души. Тем, кто мало знал его, он мог показаться с виду спокойным, уравновешенным, предназначенным для той научной, кабинетной работы, к которой он уже в ранние годы проявлял исключительные дарования. Но на самом деле в нем таился огромный, взрывчатый темперамент и готовность безоглядно отдаваться революционной борьбе. И тут его безусловная, нетронутая никакими жизненными соблазнами, нравственная честность и цельность, его способность жить и гореть в чистом кислороде захватившей его боевой идеи совершенно незаметно для него самого превращали его в изумительного практического работника, с легкостью бравшего на себя и с легкостью выполнявшего самые трудные, самые смелые организационные и технические задачи.

Впервые он был захвачен революционной войной в начале 1905 года. Незадолго перед тем он вернулся из Лейпцигского университета. Его увлекали научно-философские идеи Авенариуса, Маха, и можно было думать, что в этом русле пойдет его дальнейшая работа. Но в воздухе уже чувствовалось приближение грозы, и он томился, был неспокоен, недоволен самим собой и своим существованием. 9-ое января — день боевого крещения петербургского пролетариата — был днем боевого крещения и для него. С самого утра до позднего вечера он ходил по улицам Петербурга взволнованный, возбужденный, попевая в самые опасные места, где над головой его свистали пули. В ближайшие же дни он устроил у себя небольшой, превосходно действовавший множительный аппарат, на котором были отпечатаны для широкого распространения первые бюллетени о совершившемся. За этим последовала систематическая, продолжавшаяся изо дня в день работа по печатанию революционных листов и обращений к войскам. Огонь борьбы захватывал его все глубже. Через несколько месяцев он оказался в ряду максималистов. Со своим обычным ясным спокойствием

во всем поведении и с сосредоточенной энергией он взял на себя исполнение ответственных задач в таких революционных предприятиях, как нападение на почту в Фонарном переулке и взрыв дачи Столыпина. Через некоторое время он был арестован вместе со своей юной женой и заключен в Петропавловскую крепость, где провел около десяти месяцев.

Ожидание суда он переносил со свойственным ему стоическим самообладанием. Он ушел в умственную жизнь, читал, писал своим близким удивительные по глубине и мудрости письма, переводил Вейнингера и Штирнера. День суда приближался; все ценившие и любившие его были охвачены тревогой, а он спешно и внимательно заканчивал свой труд. Ему предлагали лучших защитников, но он решительно отказался от какой-либо защиты и, представ пред военными судьями царского режима, не только не сделал попытки оправдаться в их глазах, но для того, чтобы спасти от наказания некоторых товарищей, взял на себя и их вину. Приговором ему была смертная казнь. Его нравственное обаяние коснулось, однако, и заматерелых в беспощадности военных судей: они сами постановили ходатайствовать о замене казни бессрочной каторгой. Он был закован в кандалы и отправлен в Шлиссельбургскую крепость.

Десять лет заключения в крепости, несмотря на все тяжести сурового тюремного режима, прошли для него в возбужденной внутренней и внешней деятельности. Он учился и учил других, создавал Шлиссельбургскую библиотеку, переводил и писал, работал в огороде, в саду, в мастерских; он ободрял, поддерживал, защищал товарищей. Воспоминания товарища Ионова о нем, напечатанные в „Петроградской Правде“ в день его погребения, ярко рисуют его облик с этой стороны: „Среди всех товарищей Владимир пользовался исключительной любовью,—говорится в этих воспоминаниях. В какую бы камеру он ни попадал, всегда как-то незаметно вокруг создавалась атмосфера нежности и внимания. Среди восьмисот каторжан Владимир выделялся своей революционной непреклонностью, крепостью ума и души. Малейшая обида, пансенная кому-либо из нас тюремными церберами, вызывала с его стороны самый горячий протест, за который он часто платился тридцатисуточным сидением в темном и зловонном карцере. На работах, на которые нас выгоняли по утрам, первым помощником в какой-нибудь беде являлся Владимир... Но не только в таких случаях проявлялась отзывчивая и самоотверженная натура Владимира. Чтения, занятия, уроки—за всем поспевал Владимир, неутомимый и добрый на самой черной каторжной работе и внимательный, как никто, к нуждам товарищей“... А рядом с этим шла у него и непрерывная умственная работа. Он изучал книгу за книгой, науку за наукой. Многочисленные толстые тетради—целые томы, исписанные его рукой,—свидетели стауют о том, как широки были его умственные интересы. Здесь кон-

спекты и заметки из области естествознания и социологии, истории, политической экономии и философии, здесь и перевод книги Чемберлена о Канте, и статья о Геббеле — предисловие к переведенной им „Юдифи“, богатые, собранные им среди каторжан материалы по дополнению „Словаря великорусского языка“ Даля, и подбор, в переводе, естественно-научных статей и заметок Гете с вводной статьей—обширный труд, ожидающий в настоящее время своего появления в печати.

Когда февральская революция открыла ему возможность вернуться в жизнь и прошли первые горячие дни в Шлиссельбургской крепости—вокруг разрушенной народом тюрьмы, откуда нужно было вывести библиотеку и другие культурные ценности,—он вернулся в Петроград, к матери, к друзьям, словно несколько опьяненный свежим воздухом, взволнованный совершающимся вокруг кипением политических и социальных идей, но склонный более всего отдаться организационной работе в области народного просвещения. Ему грезились открытый для всех дворец науки, строгий и свободной от академической рутины, дисциплинирующей и просветляющей не только умы, но и души. За такое дело хотелось ему взяться. Но нельзя было ждать этой возможности посреди окружающего водоворота жизни,—и, откликаясь внутренне на все явления разрастающейся революции, разрешая для себя целый ряд встававших на очередь больших жизненных вопросов, он вместе с тем временно взял на себя скромную работу по обслуживанию культурно-просветительных нужд Рождественского городского района.

Весною 1918 года его увлекла организация летней земледельческой колонии для учащейся молодежи под Петербургом. Поэтическая любовь к природе толкала его за город; вынесенные из крепости навыки к работе на земле, в огороде и в саду, давали ему возможность взять на себя руководство в этом новом для него практическом деле. Но планы его уже ширились, росли, окрашивались социальными идеями. Основанная им летняя трудовая колония должна была превратиться в обширное постоянное учреждение с школой для подрастающего поколения и земледельческой академией для местного крестьянского населения. Работа, выпавшая при этом на его долю, была огромна, и издали могло показаться, что он весь, с головою ушел в нее. Но в нем уже назревала неудовлетворенность ею. Вновь пробуждалась в нем революционная стихия. Марксист по своим воззрениям, он все глубже захватывался центральной идеей коммунизма. События европейской жизни, ни на минуту не ускользавшие из поля его зрения, укрепляли в нем веру в то, что настал момент мировой пролетарской революции, и все более влекла его мысль—целиком отдаться борьбе за коренное обновление социальной жизни.

В начале 1919 года он вступил в партию коммунистов. В нем продолжалось еще глубокое умственное брожение: его сложная интеллектуальная натура должна была многое заново пересмотреть, самостоятельно оформить для себя партийную идеологию. Но совершая эту внутреннюю работу, он уже горел новым огнем. Когда в марте 1919 года ему было предложено взять на себя обязанности секретаря Петербургского отделения Бюро Коммунистического Интернационала—по организации редакции журнала и его технической части,—он отдался этому делу с юношеской страстью. Днем в редакции, ночью в типографии, он работал без усталости, торопя, подбодряя и увлекая всех окружающих. Какою радостью сияло его лицо, когда он принес из типографии только что отпечатанный первый номер „Коммунистического Интернационала“, выпущенный, несмотря на все трудности, в определенный им срок!

Но и эта работа не могла вполне удовлетворить его охваченную революционным пожаром душу. Судьба пролетарской революции решается на фронте; нужны тысячи, может быть, миллионы жертв для торжества ее, но тот, кто посылает на смерть других, должен быть прежде всего сам готов к смерти, говорил он окружающим. И бесконечно далекий по всему складу своей натуры от военного дела, он стал учиться стрельбе из винтовки и пулемета. Неодолимая сила влекла его на фронт, товарищи по работе не могли удержать его, и в середине августа он был назначен комиссаром штаба 6-ой дивизии 7-ой армии.

Какова была его роль там? Об этом говорят посвященные ему строки товарища Флиора в некрологе, напечатанном 26 октября в „Петроградской Правде“. Энергия, настойчивость в проведении намеченной работы соединялись у него с бережным отношением к людям. „Это был один из редких комиссаров, в отношениях как со „спецами“, к которым он был приставлен, так и с другими сотрудниками и организациями дивизии“. И при этом нужно представить себе и его обычную неутомимость, беспощадность к себе, и его ласковое внимание к окружающим, особенно к солдатам. Простые сердцем и разумом люди всегда тянулись к нему, как к источнику тепла и света, чувствуя вместе с тем какую-то особую значительность его разума и воли.

Он погиб от пули, мужественно выдерживая натиск неприятеля с небольшой горсточкой солдат. Но образ его будет всегда жить в памяти знавших его, а оставшиеся от него личные материалы—письма из Шлиссельбургской крепости и небольшие тетрадки-невники—останутся замечательным памятником ему самому и драгоценным документом эпохи.

* * *

ЕВГЕНИЙ МЮНХ.

(Славной памяти усопшего товарища).

Смерть товарища Мюнха, секретаря Бернского Кантона швейцарской партии, является тяжелым ударом для швейцарских коммунистов, а коммунистический Интернационал (о чем отчасти могут судить даже не знавшие тов. Мюнха по отрывку статьи, помещенной в нашем журнале) потерял в нем живое, крепкое звено, соединявшее нас, несмотря на все блокады, бойкоты и полицейско-шпионские баррикады, с нарождающимся пролетарским движением Швейцарии.

Жизнь Евгения Мюнха, умершего от разрыва сердца во время купания, протекла весьма типичным для швейцарского рабочего социалиста образом. Подобно тому, как ему приходилось тяжким трудом — он был металлист — зарабатывать кусок хлеба и бороться с множеством трудностей для того, чтобы прокормить свою многочисленную семью, так и к социализму он пришел не сразу и не без борьбы, пройдя несколько стадий: вначале он был рядовым членом профессиональной организации, затем организатором, сначала мелким газетным репортером, а затем редактором профессиональных газет, сначала рядовым членом партии, а затем постепенно, много и добросовестно читая, завоевывая цельное миросозерцание и доверие все большего количества товарищей и организаций, он занял весьма ответственный пост секретаря кантона, занимающего второе по количеству членов место в партии. Его отличительной чертой был труд, усидчивый, добросовестный труд и серьезное продуманное к нему отношение. Но, благодаря крупным природным дарованиям и упорной работе, благодаря желанию сделаться человеком, он добился того, что смерть его будет ощущаема и оплакиваема многими сотнями тысяч рабочих и социалистов. Сгорбленный, худосочный, узкогрудый он представлял собой показательный пример того, что из пролетарского ребенка делает мачехасудьба при капитализме. Осужденный на каторжный непроглядный труд, сын швейцарских гор, чудной, роскошной природы, он развивался медленно, рос ненормально, неся в себе зародыши болезни, сделавшей его на всю жизнь хилым и слабым. И в то же время антигигиеническая обстановка, преждевременная необходимость ожесточенной борьбы за существование, непосильный труд и непосильные заботы затрудняли его умственное развитие. Но как раз в этом и сказались его швейцарская натура и воспитание, а также характерная для всякого сознательного пролетария внутренняя дисциплина и стремление к свету; каждая прочитанная им книга, каждая крупная завоеванная им знания делались неотъемлемой частью всего его существа. Раз войдя в его сознание, убеждение делалось уже руководящей нитью всей его внутренней и внешней жизни. Переступив порог социалистической партии, Мюнх сейчас же примкнул к наиболее радикальным левым товарищам, самым выдающимся руководителем которых был тогда весьма одаренный от природы

Роберт Гримм. Долгое время Мюнх был страстным учеником, ближайшим сотрудником и другом Гримма, отстаивая вместе с ним на всех съездах и партийных собраниях, в газетах и в профессиональных союзах наиболее приближавшуюся к марксизму тактическую линию. Тут мы наталкиваемся на еще одну весьма характерную для пролетария-революционера черту: как только октябрьская революция явила миру пример революционного выступления трудящихся масс, пролетарского захвата власти и пролетарского разрешения целого ряда вопросов,—у Мюнха не осталось ни тени сомнения или колебания: без оглядки на своих бывших учителей и соратников, без половинчатости он стал страстно поддерживать советскую власть. В самый разгар реакции, принявшей в мелкобуржуазной стране мелкобуржуазный карикатурный характер гонения на лиц, принадлежавших к одной отдельной стране, и даже на отдельных лиц, когда колыбель свободы и демократии стала „искоренять“ преследованиями, арестами, высылками носителей „русской заразы“, тогда дотоле мало известный, скромный борец перешел в наступление. Борясь с многочисленными мелкими врагами русских коммунистов, он вступил в открытую классовую войну с правящими классами, с безнадежно косным филистерским общественным мнением. Борьба, тревога ввиду непосредственной опасности, грозившей всем пролетарским организациям, солидарность со всеми революционными массами,—все это словно разбудило и обострило все основные черты дотоле не проявлявшегося темперамента, придав ему страстность и пламенность в защите общего дела.

Хотя, будучи скромным секретарем швейцарских партийных организаций, Мюнх и не участвовал непосредственно в интернациональном движении и не был знаком с ним хронологически и персонально, тем не менее он сделался непоколебимым могильщиком II-го и страстным строителем III-го Интернационала, глядя и на этот вопрос сквозь призму пролетарских интересов и революционной перспективы своего класса. Если бы в августе 1919 г. еще совсем молодым Мюнха не сразила смерть, на всех швейцарских партийных и рабочих собраниях, везде, где бы шел спор о борьбе за освобождение масс, борьбе между прошлым, настоящим и будущим, везде где шло бы дело о завоевании новых последователей коммунизма, новых членов Коммунистического Интернационала — раздавался бы слабый физически, но политически и морально могучий голос пролетария-борца, заглушая всякий оппортунизм, всякую половинчатость и призывая трудящихся швейцарцев к борьбе и к победе над врагом внешним—господствующими классами и над врагом внутренним—реформизмом, национализмом, оппортунизмом вообще.

Этот голос слишком рано умолк...

Анжелика БАЛАБАНОВА.

В. О. ЛИХТЕШТАДТ

(ЛАЗИН)

Секретарь редакции „Коммунистического Интернационала“; пал в боях против войск Юденича, защищая Петроград.

ЕІЗГЕИІІ МІОІІХ

ИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

РЕДАКЦИЕЙ ПОЛУЧЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ:

„Die Internationale“ (Интернационал), журнал, основанный Розой Люксембург и Ф. Мерингом.

№ 4 содержит следующие статьи:

Евгений Левина (некролог). — Сведения счетов. — А. Т. Конtribusiция. — Н. Ленин. Коммунистическая политика в России.

№ 5—6 содержит следующие статьи:

Конец и начало. — М. И. Браун. Проф. союзы, партия и рабочие Советы. — Э. Людвиг. Проект закона о Фабричных Советах. — Хозяйственный обзор. — Г. Зиновьев. Коммунистический Интернационал.

№ 7—8 содержит следующие статьи:

Веймарский театр. — А. Т. Аграрная программа Германской Коммунистической Партии (Союз „Спартак“). — Э. Людвиг. Проект закона о Фабричных Советах (окончание). — Г. Зиновьев. Коммунистический Интернационал (окончание).

Журнал „Lichtstrahlen“ („Лучи“), издаваемый в Берлине Юлианом Борхардтом. В № 3 помещены следующие статьи:

Россия. — Анархизм и Коммунизм. — Реверра. Мировая революция. — Ведад Незим. Институт „десятины“ в Турции.

Журнал „L'Avenir International“ („Международное Будущее“), издаваемый в Париже. В полученных нами номерах этого журнала помещены следующие статьи:

№ 1: А. Жирар. Перед нами. — Ж. Мениль. Восстановление разрушенных городов. — Э. Массон. Труп (рассказ). — Г. Тэ. Союз учителей и война. — Ж. де Сен-При. По поводу открытого письма Германа Фермана к Ленину. — Э. Массон. Розы черного месяца (стихи). — Международное движение. — Библиография.

№ 5: А. Дюма. Марксизм и свобода. — А. Жирар. Карл Маркс и Интернационализм. — А. Д. Маркс и угнетенные национальности. — А. Миньом. Бакунина и Карл Маркс. — Г. С. Предсказания (стихи). — Ромэн Роллан. Биология войны (д-р Николаи). — А. Круа. Крестьянский вопрос. — Э. Массон. Трое дерзновенных. — Международное движение (Франция, Ирландия, Голландия, Португалия). — Библиография.

№ 8: А. Дюма. Марксизм и свобода (продолжение). — Ж. де Сен-При. Анархистское движение в России. — Ромэн Роллан. Биология войны (д-р Николаи) (продолжение). — Международное движение (Франция, Россия). — Ж. М. Некролог (Луиджи Молвиари).

№ 9: Ж. де Сен-При. Большевизм и анархизм. — А. Г. Гарденер. Филипп Сноулев. — А. Жирар. Почему Маркс? — Н. Мэльбэри. Священник и евангелие. — Ромэн Роллан. Биология войны (д-р Николаи) (окончание). — Международное движение (Франция, Россия). — Ж. М. Некролог (Пауль Шревер).

№ 22: Э. Швелом. После люцернского конгресса реформистов. — Ф. Бернар. Крупная педагогическая ошибка. — А. Миньом. Анархисты и Объединенная Социалистическая Партия. — Международное движение (Франция, Англия, Россия). — П. Ларивьер. Обзорные журналы. — Ж. Бианше. Библиография.

№ 23: А. Жирар. Осмелимся ли мы спасти Россию? — Ж. Писш. От святого Альберта Тома до простого смертного Жака Садуля. — Моммуссо. Лионский конгресс. — Г. Тома. Товарищество учителей и Г. К. Т. — Ф. Дени. Скорь (стихи). — А. Жирар. Организуя значение коммунизма (продолжение). — Х. Н. Брейлсфорд. Социальные этюды: В коммунистической Венгрии. — Международное движение (Франция, Прибалтика, Россия). — П. Ларивьер. Обзорные журналы.

Кроме того, нами получены следующие брошюры:

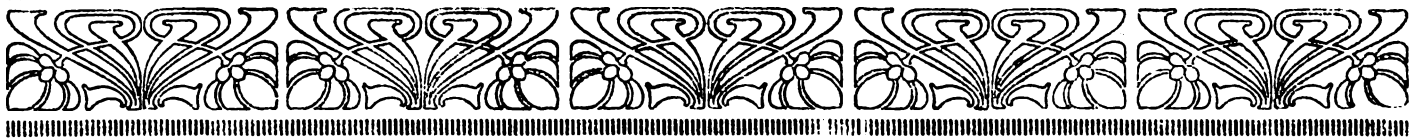
Raymond Lefebvre. L'Internationale des Soviets (Р. Лефевр. Интернационал Советов). Paris. „La Vie Ouvrière“. 14 стр.

Die Kommunistische Internationale. (Manifest, Leitsätze und Beschlüsse des Moskauer Kongresses 2.—6. März 1919). (Коммунистический Интернационал. Манифест, платформа и постановления Московского Съезда 2—6 марта 1919 г.). Hamburg. Verlag Willaschek & Co. 55 стр.

Karl Kreybig. Die Entstehung der Räterepublik Ungarn. (К. Крейбиг. Возникновение Венгерской Советской Республики). Berlin. Verlag „Der Arbeiter-Rat“. 1919. 40 стр.

Wilhelm Münzenberg. Die sozialistische Jugend-Internationale. (В. Мюнценберг. Интернационал Социалистической Молодежи). „Internationale sozialistische Jugendbibliothek“. Heft. 3. Berlin. Verlag „Junge Garde“. 38 стр.

Редакция „Комм. Интернационала“ убедительно просит всех товарищей всеми доступными им средствами доставлять нам листки, брошюры, газеты, журналы, издаваемые Коммунистами в разных странах.

ПОСЛЕ ЛЮЦЕРНСКОГО КОНГРЕССА РЕФОРМИСТОВ.

Один из публицистов социалистического лагеря писал недавно о семнадцатом Интернационале. Он говорил это с иронией, с целью вернуть своих читателей в лоно Второго Интернационала, восстановленного, очищенного и ставшего тем, чем он был „до войны“, точно идея социализма не сделала огромного шага вперед, благодаря войне.

Семнадцатый Интернационал — это, конечно, преувеличение. Но, если хорошенько подсчитать, то получится во всяком случае значительно больше трех Интернационалов. „Temps“ недавно сообщал, что мадридские социалисты примкнули к третьему Интернационалу — „амстердамскому“. Речь шла, очевидно, об Интернационале Профессиональных Союзов, который Гомперс и Жуо хотели создать на развалинах прежних традиций Генеральной Конфедерации Труда. Во Франции имеется еще группа Лорио — Сомоно и группа Перика. Я считаю их очень близкими друг к другу и поэтому слияние их считаю возможным и желательным. Но они до сих пор не объединены. С другой стороны, „Freiheit“, орган немецких „независимых“ социалистов, возвестил в конце августа о своем намерении основать новый Интернационал, из которого будут исключены члены большинства германской партии; он „должен быть построен на чисто революционной основе“. Окончательное решение вопроса об этом Интернационале будет предоставлено конгрессу, созываемому в Женеве.

Новый устав II-го Интернационала, внесенный на обсуждение ортодоксальной люцернской конференции (2-го августа) — он, повидимому, был составлен Гюисмансом — мог бы в свою очередь, если бы он был проведен в жизнь, послужить основой для нового Интернационала, столь же отличного от Второго, как Интернационал Гомперса — Жуо отличается от Интернационала профессиональных союзов, существовавшего до войны. К этим Интернационалам надо прибавить еще и тот обновленный Интернационал, к вступлению в который миссия Рамзея Макдональда, Бокстона и Жана Лонге тщетно пыталась склонить швейцарскую и итальянскую социалистические партии („Temps“ от 6-го июня). Миссия эта, кстати сказать, встретила довольно холодный прием, в особенности со стороны швейцарской социалистической партии; центральный комитет партии опубликовал весьма знаменательное заявление по этому поводу. И два месяца спустя, конгресс швейцарской социалистической партии, заседавший в Базеле, принял 318 голосами против 147 резолюцию ольтенского социалистического комитета о немедленном вступлении партии в Третий Московский Интернационал. А между тем цель Рамзея Макдональда заключалась как раз в борьбе с Москвой, а никак не в содействии ей.

* * *

Что же означает это рождение новых Интернационалов? Откуда столько разновидностей их, такая путаница в направлениях и целях?

Не будем обманывать себя: все это разнообразие вся эта путаница только кажущаяся.

На самом деле все это движение сводится к двум основным течениям — реформистскому и революционному. Реформистское течение представлено Вторым Интернационалом, революционное — Московским Коммунистическим Интернационалом. Брюссель и Москва, вот два полюса двух международных социализмов. (Международное Социалистическое Бюро вернулось теперь опять в Брюссель). Вандервельде и Ленин — два вождя этих двух Интернационалов (Вандервельде, несмотря на то, что он официально сложил с себя звание председателя Бюро, играет такую же роль в социалистическом Интернационале, как Гомперс в Интернационале Профессиональных Союзов). Название социалистического может, конечно, остаться за брюссельским Интернационалом. Что касается Интернационала Московского, то он с полным правом принял название Коммунистического: он является представителем целостного социализма, стремящегося к немедленному осуществлению, другими словами — социализма революционного.

Напротив того, международный социалистический конгресс в Люцерне (2-е по 9-е августа) был конгрессом реформистским.

* * *

Самым существенным и характерным фактом на этом конгрессе был представленный на его рассмотрение проект нового устава. Проект этот составлен был Гюисмансом, сотрудником Вандервельде, и был предназначен служить основой для обновленного Интернационала. Лорио дважды протестовал в „Vie Ouvrière“ против введения к этому уставу, играющего роль принципиальной декларации. Лорио справедливо обвинял составителей этого введения в том, что они изменили духу амстердамского конгресса, в августе 1904 г. решительно осудившего тех мнимых социалистов, „которые довольствуются реформированием буржуазного общества“, и подтвердившего, что „классовые противоречия не только не ослабевают, но напротив — все обостряются“.

При обсуждении этого введения и всего нового люцернского устава, французский депутат, представитель нового большинства Мистраль внес в введение поправку, вставив слова „коллективизм или коммунизм“, но эти слова так и остались словами, не внеся в устав революционного духа, соответствующего этим словам. Мало того, поправка Мистралья не содержала в себе даже подтверждения классовой борьбы, которую амстердамский конгресс начертал на фронтоне храма международного социализма. В общем, своей поправкой Мистраль только еще резче подчеркнул ту измену социализму, против которой восставал Лорио в „Vie Ouvrière“.

Но и этого мало. Рамзей Макдональд, игравши

Вернемся к Макдональду: „Большевистское движение, — говорил он, — не таково, чтобы от него можно было отделаться той или иной формулой. Ему нужно противопоставить целую систему“. Какую систему? Ответ ясен, хотя (а, может быть, именно потому) его не дает Макдональд. Система эта, конечно, люцернский реформизм.

Но Макдональд не уверен в том, что Второй Интернационал вполне примкнет к люцернскому реформизму. „Мне внушает опасения упорный антагонизм, существующий во Втором Интернационале“. Очевидно Макдональд не забыл опыта и урока миссии Макдональда Бекстона-Лонгэ в мае — июне 1918 г.

Заканчивая наш беглый обзор, приведем еще мнение редактора „La Feuille“, Жана Дебри (номер от 3 августа).

В самый момент открытия люцернского реформистского конгресса Жан Дебри приподнял уголок размаляванного занавеса и показал нам в обнаженном виде души режиссеров этого не столько привлекательного, сколько поучительного зрелища. Он лишет с какой-то сжатой иронией, и над его ^{ср}вами стоит поразмыслить:

„В последнее время у тех социалистов, про которых можно сказать, что они „не торопятся“, вошло в привычку раздражаться благородным негодованием против „большевизма“. Это удобный способ незаметно уклониться от прямого ответа на вопрос о целях социализма. Они отвергают методы Третьяго Интернационала — диктатуру пролетариата — и умалчивают о тождестве целей его с целями Второго Интернационала“. Отвергать методы, умалчивая о тождестве целей — разве это не есть именно то, что характеризует резолюцию Кашена - Лонгэ - Гильфердинга?

„Не удивляйтесь, прибавляет Жан Дебри, если массы приходят к тому убеждению, что демократия точный синоним п л у т о к р а т и и, в чем Ленин наверное убедился даже в Швейцарии, и если они — массы — отворачиваются от вас возмущенные и разгневанные вашим лицемерно-демократическим обликом“.

Отвернуться и уйти — отлично. Но куда идти?

Возьмем „Avanti“ от 17 августа. Эта превосходная итальянская социалистическая газета (кстати, почему у нас в Париже нет такой?) напечатала, в связи с предстоя-

щим в Болонье конгрессом, программу Дженнари-Сerratи-Бомбачи-Сальвадори, составленную всецело в духе московского коммунизма. Одна глава ее озаглавлена: „Применение насильственных средств“ (Usa della violenza). Борджиа, редактор газеты „Soviet“ (Неаполь), еще более логичен: он утверждает, что парламент и парламентская работа совершенно бесполезны, — нам это тоже кажется вполне очевидным.

Возьмем „The Communist“, официальный орган американской коммунистической партии. В номере от 16 августа (т. I, № 3) помещено краткое и весьма энергичное воззвание: „На призыв Третьяго (московского) Интернационала мы ответили основанием американской коммунистической партии... Теперь за дело!“

Раскроем, наконец, нью-йоркский „Liberator“ (сентябрь 1919). Огромная, задорно-реалистическая карикатура изображает медведя. Он играет на шарманке и заставляет плясать под свою музыку (всему свой черед, не так ли?) толстого господина с большим брюхом и с кольцом в носу. Медведь держит толстяка на цепи, прикрепленной к этому кольцу. С толстяка, на животе которого красуется — совершенно, впрочем, излишняя — надпись „капитализм“, градом льется пот. Медведь в русской папаше, на шарманке крупными буквами написано трагическое слово „Совет“.

Как видите, все коммунистические пути ведут теперь прямо и безостановочно в Москву. Именно то обстоятельство, что мы колебались немедленно же прикнуть к московскому коммунизму, и было причиной неудачи забастовки, назначенной на 21-ое июля, причиной поражения советской Венгрии и того, что советской России теперь тоже угрожает опасность быть побежденной, что бы там ни говорили наши социалистические газеты. Их показной оптимизм имеет ведь одну цель: усыпить наше беспокойство и скрыть их собственное отступничество.

(„L'Avenir International“, № 22).

Эмиль ШОВЕЛОН.

РОССИЯ.

Когда в начале декабря прошлого года впервые распространилась во всем мире весть о том, что Антанта с 800,000-ной армией собирается вторгнуться в пределы России, чтобы покончить с советской властью, и мы думали, что эта экспедиция должна увенчаться скорым успехом, мы утешали себя старым, верным изречением: можно наложить оковы на слово, но дух умертвить нельзя. Мы говорили тогда на одном из публичных собраний в Берлине, что, конечно, Англия, Франция, Америка и Япония в состоянии выставить огромную армию; конечно, ни могут сломить силу наших товарищей; могут они даже взять их в плен, перебить — но их дела они теперь уже уничтожить не могут! Теперь,

когда советские учреждения получили возможность укрепиться и утвердить под собою почву, просуществовав целый год, искоренить их уже нельзя. Массы, составляющие преобладающее большинство русского народа, — а именно рабочий класс и беднейшее крестьянство — никогда не забудут тех благ, которыми они обязаны советскому правительству, освободившему их от эксплуатации и гнета капитализма. Только насильно можно будет теперь навязать им другую власть — власть иностранного капитала, — но, рано или поздно, они сбросят и это новое ярмо и снова вернутся на путь коммунизма, с таким успехом указанный им Лениным, Троцким, Радеком, Зиновьевым и др. И великое дело наших русских товарищей надолго переживет их самих.

Но в последующее затем время события сложились иначе, гораздо благоприятнее, чем мы предполагали. Слишком горячими, повидимому, показались Антанте русские шны. Она отказалась от похода на Россию, и вскоре замолк и всякие слухи о ее военных предприятиях против Советской России. Затем, случайно проскользнуло как-то известие, что французские войска в Одессе отказались сражаться против русских коммунистов. Теперь мы знаем, что ненависть вождей Антанты к Советской России отнюдь не остыла. Но они предпочли окольный путь, и стали снабжать Колчаков, Деникиных и др. оружием, боевыми припасами и деньгами. И снова пришлось нам пережить несколько тревожных недель, когда газеты оповестили о походе банд Юденича на Петербург. Правда, вскоре выяснилось, что рыцари буржуазной печати невероятнейшим образом лгали. Непостижимо даже, чего собственно они думали достичь таким грубым и превосходящим всякую меру враньем. Сколько раз — на протяжении двух-трех дней — они сообщали о падении Кронштадта, о взятии Петербурга, о захвате в высшей степени важных пунктов. А через день другой оказывалось, что все это — сплошная ложь. Очевидно, они так привыкли лгать, что лгут уже без всякой определенной цели и без всякой пользы.

Но положение все-таки серьезно, и в данную минуту на основании тех скудных и неточных сведений, которые имеются у нас в Германии, в ту минуту, когда мы пишем эти строки, мы еще не можем заранее сказать, удастся ли нашим русским товарищам устоять против натиска Юденича и вместе с тем выдержать возобновившуюся блокаду. Надо принять во внимание, что продажные газетные писаки лгут в интересах любой из сторон, смотря по тому, что им в данное время выгоднее и за что им больше платят. Если, например, теперь газеты сообщают, что Юденич имеет в своем распоряжении только 15,000 человек, то и этому не следует верить. Это они теперь говорят, чтобы смягчить впечатление от его неудачи. В действительности войск у Юденича, вероятно, значительно больше. Итак, опасность велика, и нам не следует себя на этот счет обманывать. Но опасность эта угрожает только лицам. Снова — как не раз до этого — наши русские товарищи душой и телом защищают дело коммунизма. Так же, как и раньше, в течение многих десятков лет борьбы против царизма, которая приводила их к тюрьме, к ссылке в Сибирь и даже к самому подножию выселицы, они и теперь смотрят прямо в глаза смерти, готовые всем пожертвовать ради святого дела!

Но то, что было верно год тому назад, еще более верно сегодня. Прошел еще год, и новая организация успела пустить еще более глубокие корни, еще прочнее укрепиться: никто теперь — ни бог ни дьявол — не вырвет ее из сердца русского народа. Тем более, что ни одна душа человеческая не знает, какой собственно строй хотят ввести противники советской власти. Все они объединились теперь в общем стремлении свергнуть советскую власть. Для этого они со всех сторон натравливают на нее разбойничьи шайки, без всякого стеснения снова и снова раздувая пожар войны в мирной стране. И это, несмотря на то, что после всех пережитых ужасов последних пяти лет они отлично знают, что такое — война. Но если им даже удастся достигнуть своей цели, — что же тогда? На этот счет даже буржуазными кругами начинает овладевать

беспокойство. Так например, даже такая капиталистическая газета, как Берлинский „Börsen-Courier“, говорит в номере своем от 21 октября:

„Государственный строй, продержавшийся два года при столь ужасных условиях, какие выпали на долю Советской республики, не может быть ликвидирован фразами о „внутренней необходимости“ его крушения. Будучи отрезана от всего мира и лишена самых хлебобродных областей, не имея почти никакого доступа к открытому морю, оставшись без угля, без всякого подвоза сырья и без самых необходимых орудий производства, находясь в условиях ни на минуту не затихающей войны, советская республика сохранила свое существование и даже начала — на совершенно новых принципах — снова воссоздавать все разрушенное. Это доказывает, несмотря на все кровавые ужасы, — что у нее есть сила, которой не обнаружили многочисленные ее противники даже тогда, когда они оказывались победителями“.

Правда, эти справедливые слова вырвались у буржуазного органа только в тот момент, когда все думали, что дни Ленина и его друзей уже сочтены. И все-таки, какое важное признание заключается в этих словах! В насколько более выгодном положении находится, например, Германское правительство! Насколько лучше еще положение правительств Англии, Франции, Италии! Но какое из них могло бы сказать о себе и о каком из них вынужден был бы то же самое сказать противник, что оно „приступило к воссозданию разрушенного?“ Все они быстро несутся к неизбежному краху, а народы их — к экономической катастрофе, и одно только русское советское правительство может о себе сказать, что оно нашло путь к новой жизни и мощно вступило на этот путь.

И вот поэтому мы и спрашиваем: что будет, если вы низвергнете это правительство? „Börsen-Courier“ продолжает:

„Пусть поверхностные люди считают уже одно падение республики Ленина решением русского вопроса. На самом же деле только после этого падения и встанет во всей своей остроте тот вопрос, который будущая судьба России ставит перед народами всего мира. Вожди армий, в настоящее время вступающих в Петербург и идущих на Москву, отнюдь не дают ответа на этот вопрос. (О них можно сказать, что они представляют собой воплощение полной неизвестности того, что ожидает Россию и что даст Россия всему остальному миру. Если бы военная мощь Советской России была значительнее, то ее внутренней сплоченности было бы вполне достаточно для того, чтобы противостоять этим врагам. Большевицкая республика при всех обстоятельствах держалась и держится — международной в политическом смысле и вместе с тем национальной в организационном. А носителями какой идеи являются Юденичи, Колчаки, Деникины, Аваловы-Бермонты? В лучшем случае — идеи великой России. Но эти генералы пока только союзники Антанты, у которой также нет никакой идеи, кроме разве весьма неопределенного чаяния „демократической России“. Что же после победы может спланивать союзников?.. Франция хочет усилить Польшу, чтобы возвыгнуть стену между Германией и Россией; Англия покровительствует северо-западным окраинным государствам, потому что она хочет господствовать над Балтийским морем, и поэтому же она поторопилась обеспечить свое присутствие при взятии Петербурга. Русские же освободители мечтают, наряду с единой великой Россией, о монархической

реставрации, об основательном отмщении сначала демократам всех оттенков, а затем, с божьей помощью, и чужестранным союзникам. Если только им позволят распоряжаться, они массовыми казнями, проскрипциями в духе Суллы, погромами и другими проявлениями белого террора превзойдут все ужасы красного террора*.

Притом, ведь все эти затруднения только политического характера! Гораздо ужаснее, непреодолимее будут экономические затруднения, которые встанут перед ними во весь рост. Государствам Антанты в сущности мало дела до „освобождения“ России. Они желают, придерживаясь старого наивного дипломатического правила, принять участие в разделе этой бывшей великой державы. Им прежде всего нужна новая арена для их империализма. Мировая война и их победа должны ведь поддержать и усилить господствующий у них капиталистический строй. Поэтому им нужны новые колонии. А тут перед ними громадных размеров колониальная территория, простирающаяся от границ Польши до самых отдаленных пределов Восточной Азии. И их политика непременно должна быть направлена на то, чтобы извлечь из этой страны побольше барышей для английского, французского, итальянского и др. капиталов. Тут только с полной очевидностью выявляется ан-

тагонизм интересов, из-за которого в настоящее время идет борьба: большевики хотят пробудить и организовать экономические силы страны, чтобы русский народ мог жить самостоятельно и со временем — в достатке, а империалисты Антанты хотят выжать побольше барышей для капиталистов своих стран. Каковы будут последствия их победы, это „Börsen Courier“ описывает следующим образом:

„Страшная зима, ужаснее, быть может, чем какая либо из пяти предшествующих зим, начинается в несчастной России; а мы все еще очень далеки от решения русского вопроса. Можно ли полагать, что совместная победа алчных иностранных держав и реакционных генералов, завистливо следящих друг за другом, упразднит советскую республику, вместо ужасного развала, установит порядок и мир и что нужда, испытываемая народом, сместится тогда сносными условиями существования“?

Нет, безусловно нет. И мы, „большевики“ и коммунисты других стран, обязаны открыто сказать всему миру, какие ужасные последствия повлекло бы за собою падение советской власти, еслибы оно случилось.

(„Lichtstrahlen“, 5 XI—1919).

В АМЕРИКЕ.

(„Voice of Labor“, August 1919).

Экспроприация железных дорог.

О положении на американских железных дорогах американский коммунист, тов. Кезей Джонс пишет, между прочим, следующее:

„В своем недавно опубликованном в газетах заявлении председатель Братства Железнодорожных Машинистов Уоррен С. Стоун говорит: „Наш проект (носящий колоритное название „Свинцового плана“) обнаруживает переход рабочих организаций от требований повышения заработной платы к стремлению изменить порядок распределения прибылей.

Американским железнодорожникам надоело, наконец, постоянно требовать повышения заработной платы, которая все равно не может угнаться за все возрастающей дороговизной жизни.

Братство Машинистов требует одного из двух: чтобы ежегодно отпускалась сумма в один миллиард долларов на особый фонд для повышения заработной платы или же, чтобы правительство экспроприировало все железные дороги и передало все дело управления ими в руки рабочих“.

Приводя эти слова Уоррена С. Стоуна, которого никто не заподозрит в революционности — да и упоминаемые им требования железнодорожников нельзя не признать весьма умеренными, — Кезей Джонс прибавляет, что целью железнодорожников является не что иное, как „вышвырнуть за дверь капиталистов“. „Собственники-капиталисты должны быть лишены права вмешиваться в управление производством“. Те же умеренные элементы требуют, чтобы правительство при выкупе железных дорог, запла-

тило за них ровно столько, сколько они действительно стоят и ни цента больше“. Выработанный машинистами план выкупа имеет целью совершенно отстранить капиталистов от заведывания дорогами, которое должно быть передано комиссии из 15 членов, в число которых должны входить 5 представителей от населения, назначаемых государством, 5 представителей от служащих и 5 — от организованных рабочих. Прибыль, получаемая от эксплуатации железных дорог, должна распределяться между государством и рабочими. Если прибыль эта превысит 5%, то немедленно же в интересах всего населения должны быть понижены железнодорожные тарифы. „Все это должно быть осуществлено немедленно же, — в противном случае мы устроим забастовку“! — заявляют категорически железнодорожники. Не питая особенного уважения к буржуазному парламентаризму, они прибавляют: „Мы не располагаем ни правительственной властью, ни правом голоса, но мы располагаем возможностью устроить забастовку“. Аргумент этот настолько весом, что американский Конгресс, наверное, отнесется со вниманием к предъявляемым железнодорожниками требованиям.

Конечно, наши американские товарищи отлично понимают, что этот план экспроприации капиталистов капиталистическим правительством с революционной точки зрения несколько наивен, но следует отметить, что план этот выработан умеренными и что даже они собираются „вышвырнуть за дверь“ эксплуататоров, и при том немедленно же. Знаменательно также то, что они себя чувствуют достаточно сильными для того, чтобы предъявлять такие ультиматумы правительству.

Предательство Американской Федерации Труда.

В Америке, как и во всех других странах, самые опасные враги рабочего класса это — господа, которые, прикрываясь именем „социалистов“ и „представителей пролетариата“, на деле являются предателями его. Одно из самых видных мест среди таких предательских организаций должно быть отведено „Американской Федерации Труда“, возглавляемой Самуэлем Гомперсом. Американский коммунист Джо Тиллет перечисляет в 18 пунктах ряд преступлений, совершенных по отношению к рабочему классу Американской Федерацией Труда, с'езд которой недавно состоялся в городе Атлантик Сити. Мы приведем лишь самые вопиющие из этих пунктов.

1. Осудив всеобщую забастовку 4-го июня*) и из трусости сделал донос на Международный Союз Защиты Рабочих, как на виновника этой забастовки, А. Ф. Т. способствовала тому, что Том Муней был приговорен к бессрочному тюремному заключению.

... 4. А. Ф. Т. отнеслась совершенно безучастно к забастовке в Виннипеге; Гомперс публично высмеивал участников забастовки в Ситтле.

... 6. А. Ф. Т., потребовавшая от правительства признания ирландской республики, вместе с тем настаивала, чтобы правительство отказалось признать Советскую Республику.

7. А. Ф. Т., отказавшись поддержать требования о снятии блокады с Советской России, доказала этим свою солидарность с империалистами всего мира, обрекающими русский народ на муки голода.

8. А. Ф. Т. отвергла резолюцию, требовавшую освобождения политических заключенных, и заявила, что по ее мнению, большая часть приговоров по политическим делам вполне справедливы*.

Далее, А. Ф. Т. отказалась поддержать американские Советы Солдатских и Матросских Депутатов, отказалась протестовать против высылки иностранцев, отказалась принять участие в борьбе против изданных во время войны законов о шпионстве, которыми правительство нагло злоупотребляет для подавления революционного движения; наконец, она заявила о своем признании хартии Труда, возвещенной империалистской Лигой Нации!

Таковы американские социал-предатели. Их циничная изменническая политика станет для нас вполне понятна, когда мы обратим внимание на то, что „целая треть делегатов на с'езде Федерации — а это был ведь „рабочий“ с'езд! — состояла из предпринимателей-капиталистов“.

Уже одно это чудовищное явление с достаточной убедительностью говорит о том, что, какой бы политической ловкостью ни обладали вожди этой пресловутой „рабочей“ организации, до сих пор включающей в себя большую часть профессиональных союзов Америки, и какими бы преимуществами она, благодаря поддержке правительства, ни пользовалась, — полный крах ее неизбежен.

На том же с'езде в Атлантик Сити делегаты Денкан (из Ситтля) и Гроу (из Лос Анжелос) говорили о под'еме боевого настроения среди рабочих, недовольных тактикой

*) Забастовка имела целью добиться освобождения несправедливо осужденного революционера Т. Муней.

Федерации. Поведение Федерации во время всеобщих забастовок в Ситтле и Виннипеге сильно подорвало доверие рабочих к Федерации и ее вожакам. В Нью-Йорке плотники, рабочие кирпичных заводов и металлисты выходят из организаций, принадлежащих к А. Ф. Т., и вступают в Единый Большой Союз. Такое же движение наблюдается и среди типографщиков. Скорняки организуют Комитеты Фабричных Старост (нечто вроде заводских Советов), а рабочие по изготовлению одежды выбирают свои Рабочие Советы. Все союзы текстильщиков перестраиваются на новой, революционной основе.

Единый Большой Союз.

Единый Большой Союз—One Big Union—таков сейчас самый популярный лозунг, зажигающий огонь сердца канадских и американских рабочих. Лозунг этот был выдвинут самой жизнью, опытом недавних массовых забастовок в Канаде и в Соединенных Штатах. Тов. Б. Житлов пишет в своей статье, посвященной этому вопросу, что „Мысль о сотрудничестве классов потерпела полнейший крах“, и что „теперь каждому рабочему должно быть ясно, что капиталист не только распоряжается, как самодержавный монарх, на своем заводе, — он, при существующих законах, правит всей страной“. Поэтому тов. Житлов обращается к рабочим со следующим призывом:

„Товарищи рабочие, товарищи-члены профессиональных союзов, силачивайте ваши силы! Объедините ваши отдельные сильные союзы в единый общий могучий союз. Для этого нет надобности разрушать ваши организации: они должны лишь отказаться от своей независимости и слиться в одно целое со всеми остальными организациями той же отрасли труда, а все организованные таким образом отдельные отрасли труда должны в свою очередь объединить свои силы, сплотившись в Единый Большой Союз.“

Возьмем, например, Нью-Йорк, промышленный и финансовый центр всей страны. Представьте себе, что в этом центре существует Единый Большой Союз, под контролем которого находятся все торговые и транспортные рабочие, все судовые, все строительные рабочие, шоферы, железнодорожники, рабочие по изготовлению платья, текстильщики, печатники и т. д. и т. д., что все они организованы в один могучий общий союз. Объявив забастовку, такой Единый Большой Союз мог бы нагнуть паянку на всех эксплуататоров.

Вы хотите положить конец эксплуатации, безработице, положить конец господству буржуазного меньшинства над рабочими? Вы хотите, чтобы у каждого из вас был свой домашний очаг, чтобы каждый из вас мог наслаждаться плодами своего труда? Вы хотите, чтобы у нас было рабочее правительство, а не правительство капиталистов? Для того, чтобы добиться всего этого, объединимся в Единый Большой Союз! Сделаем из него оружие экономической и политической борьбы, лозунгом которой будет: долой диктатуру буржуазии! Да здравствует рабочее правительство, при котором право голоса принадлежит только трудящимся! Вся промышленность, весь транспорт, все финансовые средства должны принадлежать рабочим и находиться под контролем рабочих организаций!

Единый Большой Союз должен быть великой единой армией рабочего класса*.

Прощайте, товарищи!

Статистические отчеты американского Эмиграционного Бюро констатируют, что за последнее время более 2-х миллионов рабочих-иностранцев выехало из Америки обратно в Европу. Один из таких „обратных“ эмигрантов, некогда приехавший в Америку из России, поместил под псевдонимом „Иван Иванович“ в американском коммунистическом журнале „Voice of Labor“ открытое письмо под вышеприведенным заглавием—„Прощайте, товарищи!“, обращенное к „чистокровным американцам“. Приводим несколько интересных выдержек из этого письма, характеризующих американские порядки.

„Итак, прощайте, товарищи! Я уезжаю обратно на родину, в первую и единственную во всем мире страну, где рабочие могут сказать, что они у себя дома,—в Советскую Россию!

В течение 18 лет я жил, работал и страдал вместе с вами в целом ряде различных штатов Америки: в Вашингтоне, в Орегоне, в Дакоте, Неваде и Уте, в Чикаго, Клевланде, Питсбурге и т. д. и т. д. Теперь позвольте мне объяснить вам, почему я уезжаю...

Вы живете в демократической стране. Когда вы устраиваете стачку, судья (за которого вы голосовали) приговаривает вас к различным наказаниям за это, начальник полиции—шериф (за которого вы также голосовали) натравливает на вас своих сыщиков, губернатор (избранный при вашем же содействии) вызывает милицию,—для того чтобы вооруженной силой заставить вас прекратить стачку.

Целая банда наемных разбойников, оплачиваемых Джоном Б. Рокфеллером расстреливает бастующих шахтеров в Колорадо, поджигает дома, в которых гибнут их жены и дети,—и все это совершенно безнаказанно! Другая банда разбойников, находящихся на службе у Компании Фелс-Додж, выгоняет 500 человек шахтеров, работавших в медных рудниках в Бисби, с насиженных мест в пустыню, угрожая им артиллерийским огнем,—и это тоже остается безнаказанным. Один из служащих Торговой Палаты, избранный местным судьей, по фамилии Фиккерт (за него вы тоже подавали ваши голоса) приговаривает, посредством чудовищной махинации, Тома Муней к бессрочному тюремному заключению. И кто же остается наказанным в результате этого гнусного преступления? Один только Том Муней! Да, вы принимаете участие в управлении страной!.. С таким же правом можно было бы сказать, что вы принимаете участие в управлении адом!

Америка в настоящее время является для капиталистов золотой россыпью, богатейшей во всем мире. Американские капиталисты нажили за время войны столько миллионов (нам с вами не мало пришлось попотеть для того, чтобы они „нажили“ эти миллионы!), что теперь им

по всему свету приходится искать места для их приложения: они ищут таких мест в Мексике, в Китае, в Сибири“...

А когда идет речь об оплате издержек, вызванных войной, законодатели демократической Америки имеют наглость облагать налогами предметы потребления бедняка. Даже билеты в кинематограф обложены сбором в один цент. Правда, заработная плата увеличилась вдвое, но за то же время цена свиной котлеты, например, возрасла вчетверо, и Иван Иванович пишет далее:

„Когда изголодавшиеся текстильщики в Лоуренсе (получающие от 14 до 20 долларов в неделю) объявили забастовку, протестуя против понижения ставок, власти (избранные самими же рабочими) приказали выставить против них пулеметы. Буржуазные газеты заявляют, что это единственное средство для подавления большевизма. Когда вы требуете хлеба, вас называют большевиками и угрожают вам расстрелом“.

Вот как характеризуется в письме отношение к рабочим в свободной демократической стране Вильсонов, Вандербильдов и Рокфеллеров:

„Если вы слишком стары, если вы не можете работать достаточно быстро, если фабрикант может найти более дешевого рабочего, если ваша физиономия не понравилась какому-нибудь привередливому мастеру, если вы осмелились выступить с речью на собрании вашего союза, если вы задумали бороться за лучшие условия существования, вы пропали—вам нет спасения...“

Но что же делать американским рабочим? Рабочие России показали рабочим всего мира, что надо делать. И капиталисты Нового Света дрожат от страха, боясь, как бы американские рабочие не последовали русскому примеру. И для того, чтобы можно было по-прежнему спокойно эксплуатировать рабочих, они решили посеять раздор между ними и придумали пустить в ход новую уловку: разделение всех американцев на „чистокровных“ и „иностранцев по происхождению“. Тов. Иван Иванович заканчивает свое письмо к „чистокровным американцам“ следующими словами:

„Ну, а мне, признаться, надоело быть рабочим заводчика-миллионера. Мне надоело за свой же труд подвергаться издевательствам всякого мерзавца-мастера.

Мне хочется жить и работать среди свободных рабочих. Я хочу посвятить остаток своей жизни работе для лучшего будущего всего человечества, освободившегося от паразитов. Да, я предпочитаю умереть в борьбе с врагами нового, лучшего общества, в Рабочей России, чем отлавлять последний остаток сил изнурительному труду на миллионеров и, в конце концов, умереть с голода, как выгнанная на улицу собака, оставив после себя сыновей и дочерей, которым придется проделывать ту же печальную историю сначала...? “

ОТЧЕТ О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ И ОБ ОБЩЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ В НЕМЕЦКОЙ АВСТРИИ.

Коммунистическая партия в Немецкой Австрии была основана не как особое новообразование—она возникла в результате раскола в старой социал-демократической партии. После стачки, которая, несмотря на отрицательное отношение к ней социал-демократов, разразилась в январе 1918 г. по поводу Брест-Литовских переговоров, в массах осталась известная неудовлетворенность. Социал-демократической партии удалось все же снова привлечь к себе тогдашнее левое крыло, руководимое т. наз. „Левыми“ (Шлезингер, Даннеберг и др.). Но некоторая часть товарищей так и не вошла обратно в партию. Вне социал-демократической партии было два течения, из коих одно было представлено небольшой коммунистической группой, а другое группой интеллигентов, именовавших себя левыми радикалами. В конце концов группа коммунистов основала коммунистическую партию. Большинство членов новой партии составляли интеллигенты, кроме того, в нее входило незначительное число рабочих. Но ни та ни другая из этих двух групп не сумела добиться того, чтобы партия пустила корни в пролетарских массах.

Таково было положение дел к тому моменту, когда товарищи-военнопленные вернулись из России в Австрию. Очередная задача движения, стоявшая тогда перед нами, была следующая: объединение всех революционных групп и сплочение их в одну коммунистическую партию. Задача эта была не из легких. Разногласия между левыми радикалами и новой коммунистической группой были чрезвычайно велики. К тому же и редакция издававшейся в то время коммунистической газеты „Der Arbeiter“ не умела поставить этот орган на должную высоту.

Наши старания прежде всего были направлены на то, чтобы на деле объединить обе враждующие группы (левых радикалов и коммунистов), которые формально постановили слиться в одну партию.

Сама коммунистическая партия совершенно не имела последователей среди пролетариата, и необходимо было поэтому в первую очередь сделать популярною в массах идею коммунизма вообще. Нам удалось достигнуть этого тем, что мы в первую голову повели свою пропаганду среди безработных, инвалидов и вернувшихся из плена солдат. Мы исходили из того соображения, что эти слои пролетариата, вследствие своего тяжелого социального положения, окажутся наиболее восприимчивыми к коммунистической пропаганде. Работа наша среди этих слоев облегчалась тем, что возвратившиеся из России военнопленные не получали никакого пособия от государства и не могли найти себе работы вследствие экономического застоя. Инвалиды существовали исключительно тем, что давало им нищенство, а безработным выдавалось ничтожное пособие, далеко не обеспечивавшее их существования. Нам удалось довольно скоро внести в сознание этих слоев идеи коммунизма и привлечь их на нашу сторону.

Работа, которая велась среди указанных трех групп населения, оживила деятельность партии. Только теперь широкие круги общества узнали о существовании коммунистической партии. Нам стало ясно, что наша деятельность должна носить именно такой, широкий, массовый характер. Несмотря на то, что, благодаря напряжен-

ной работе, наше влияние среди фабричных рабочих отдельных округов и провинциальных городов постоянно, хотя и медленно, возрастало, однако, наша партия, по настоящему, все еще ни разу активно не выступала. Наконец, события в Венгрии и в Баварии принудили коммунистическую партию Немецкой Австрии к активным действиям. В правлении партии было сделано предложение о созыве общевстрийской конференции делегатов от всех организаций партии. Конференция эта была созвана и на ней было постановлено отныне выступать активно,—т. е. при каждом удобном случае открыто заявлять о нашем отношении к событиям, подчеркивая нашу коммунистическую точку зрения в каждом вопросе политической жизни.

Так как все демонстрации безработных, инвалидов и вернувшихся из плена солдат, устраиваемые ими для того, чтобы добиться удовлетворения своих требований, беспощадно подавлялись грубо полицейской силой, пролетарии этих трех групп все решительнее и решительнее настаивали на том, чтобы партия тоже поддержала их требования. 18-го апреля в трех различных частях Вены были устроены митинги-демонстрации, все участники которых должны были в заключение собраться перед зданием парламента и передать там правительству ультиматум. Процессии совершенно спокойно дошли до парламента. Но когда депутацию от демонстрантов не пустили в здание парламента, возбужденная толпа начала разбивать двери и окна в здании. Это дало повод к вмешательству полиции. Но на этот раз пролетарии не имели ни малейшего желания покорно подставлять свои спины под удары сабель. Так как в толпе демонстрантов у некоторых было с собой оружие, то они решили защищаться и встретили кинувшихся на них полицейских револьверными выстрелами. Полиции пришлось отступить. На улицах были построены баррикады; было разгромлено несколько оружейных магазинов, и среди толпы вооруженных пролетариев число вооруженных все увеличивалось. Дело дошло до того, что полицейская охрана, не дожидаясь приказа об отступлении, очистила позиции. Тогда она была собрана в рагуше, и директор полиции прямо спросил полицейских, готовы ли они и впредь защищать существующий общественный строй. Настраивание полицейских было таково, что они на все были готовы, только не на то, чтобы жертвовать своей жизнью для защиты существующего строя. Народная милиция, несмотря на приказ правительства, не вышла на улицу. По имеющимся у нас сведениям, правительство в тот день совершенно потеряло голову и не знало, что делать. Пролетариат был полным господином положения и у здания парламента, и на всех прилегающих улицах. Рабочие обезоружили несколько полицейских отрядов, а в 8 часов вечера здание парламента было подожжено демонстрантами. Пожарным не давали тушить пожар. При создавшемся положении дел и при растерянности правительства, для нас было очевидно, что необходимо развивать начавшееся движение. Во время обсуждения этого вопроса на наше собрание явился Фридрих Адлер. Хотя он заявил, что пришел в качестве частного лица, однако для нас было ясно, что

ступления; но все они вызывали революционный подъем только на один момент, не оставляя после себя сколько-нибудь заметных длительных следов. Так, четыре месяца тому назад статс-секретарь по военным делам, социал-демократ Др. Юлиус Дейч, первый слуга буржуазии, издал по соглашению с буржуазией—декрет, которым устанавливалась присяга народной милиции на верность конституции Немецко-Австрийской республики. В тот день, когда должна была состояться церемония приведения милиционеров к присяге, целые части народной милиции отказались присягать на верность буржуазной республике и грозили пустить в ход оружие против тех батальонов, которые согласятся принести присягу. Чтобы избежать столкновения, правительству пришлось увести обратно батальоны, уже выстроенные для присяги. Торжество не состоялось, и до сего дня венские батальоны народной милиции так и не присягали на верность республиканскому государственному строю.

Но как только правительство отказалось от своего требования присяги, немедленно же улетучилось и революционное настроение среди милиционеров.

Подобное же явление мы наблюдали и тогда, когда Антанта потребовала упразднения народной милиции. В тот же момент, когда правительство отказалось исполнить требование Антанты, совершенно прекратилось и брожение в народной милиции. Социал-демократическая партия, пользуясь своими органами, непрерывно ведет агитацию за свою партию во всех военных и полицейских частях. Мы со своей стороны также издаем для народной милиции специальную газету „Красный Солдат“.

III.

С самого своего основания и до сих пор коммунистическая партия страдает от недостатка опытных партийных работников. Нам до сих пор не удалось наладить ежедневную прессу. Под давлением обстоятельств мы три раза меняли название нашей газеты. Сначала мы издавали „Der Weckruf“ („Будильный Крик“) в количестве 5,000 экземпляров. Потом газета была переименована в „Die soziale Revolution“ („Социальная Революция“). Тираж возрастал медленно, так как газета с трудом проникала на заводы; представители социал-демократической партии всеми средствами, не останавливаясь и перед насилием, мешали товарищам продавать газету на заводах и в других предприятиях. Позднее газета была снова переименована и стала называться „Die rote Fahne“ („Красное Знамя“). В настоящее время она выходит 4 раза в неделю в количестве 23,000 экземпляров.

Для альпийских областей издается особая газета; для солдат издается „Der rote Soldat“ („Красный Солдат“), для рабочей молодежи „Die Kommunistische Jugend“ („Коммунистическая Молодежь“). Кроме того, мы издаем особую газету для крестьян, носящую название „Bauernbibliothek“, („Крестьянская Библиотека“) и специальную советскую газету для советов рабочих депутатов. Нами издано также несколько брошюр. В большом количестве распространяются ленточки. В ближайшее время мы приступаем к изданию ежедневной газеты.

IV.

Достоинно упоминания, что Федерация Революционных Социалистов, благодаря целому ряду обстоятельств, растворилась в коммунистической партии. Сама жизнь показала необходимость объединения всех революционных элементов, и таким образом в настоящее время существует только одна революционная партия, коммунистическая, и, кроме того, небольшой анархистский союз, главным пунктом своей программы ставящий безгосударственный социализм и упразднение всякой власти.

Организационное отношение отдельных провинциальных групп нашей партии к центру весьма различно. Группы в Нижней и Верхней Австрии работают превосходно. В особом положении находится Штирия; там беззастенчивость социал-демократов превосходит всякую меру, и политика их очень напоминает образ действий Носке. Товарищам нашим в Штирии приходится подолгу сидеть в тюрьме, и еще совсем недавно около 40 товарищей, мужчин и женщин, были выпущены на свободу после 18 недель предварительного заключения. В общем можно сказать, что совместная работа провинции с центром хорошо налажена, и все директивы, исходящие из центра, проводятся в жизнь.

V.

Советы рабочих депутатов, в том виде, в каком они существуют сейчас в Немецкой Австрии, являются результатом деятельности коммунистической партии. Нам пришлось в течение многих недель трудную, ожесточенную борьбу с социал-демократией для того, чтобы хоть формально вырвать советы рабочих депутатов из рук социал-демократов. Хотя коммунисты в местных советах по сравнению с социал-демократами представлены очень слабо, но в окружном, областном и в центральном советах рабочих депутатов решающий голос принадлежит нам. Через несколько недель должны быть произведены новые выборы в советы.

В советах мы составляем оппозицию. Для осведомления членов советов мы издаем особую газету „Rätekorrespondenz der Kommunistischen Partei Deutsch-Oesterreichs“. („Советская Корреспонденция Немецко-Австрийской Коммунистической Партии“). При настоящем политическом положении мы смотрим на советы рабочих депутатов как на революционное орудие в классовой борьбе, дающее нам возможность указывать пролетариату путь. Наша задача заключается в использовании советов рабочих депутатов, в том, чтобы, внося резко и ясно сформулированные предложения, вызвать конфликт между пролетариатом и социал-демократической партией, а также — между советами и национальным собранием и тем самым — между рабочими массами и существующими законами. Хотя мы располагаем лишь незначительной частью мандатов, социал-демократы на каждом заседании трепещут от страха в ожидании тех предложений, которые на этот раз внесут коммунисты.

VI.

Социал-демократическая партия Немецкой Австрии, разумеется, ничем не отличается от социал-демократических партий других стран. Аресты и другие преследования коммунистов, конфискация нашей литературы — явления обычные и у нас. Чтобы воспрепятствовать собраниям под открытым небом, социал-демократы стали применять законы 1856 года. Рабочие - коммунисты рассчитываются и подвергаются всяческим притиркам. Фридрих Адлер во всем своем поведении последовательно придерживается правой ориентации. Социал-демократическая партия пользуется его именем как революционным символом для заграницы. Компромисс между социал-демократией и буржуазией носит прочный и длительный характер, и никакой грани между ними больше не существует. „Гражданский мир“ стал явлением перманентным, и если бы буржуазия сама время от времени не нападала на социал-демократов, то последним и в голову не приходило бы никогда выступать против буржуазии.

Австрийский Коммунист.

Вена, 27 авг. 1919 г.

ДОКЛАД О ПАДЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ВЕНГРИИ.

Первая революция в Венгрии в 1918 г. — так называемая революция графа Кароли — была одной из попыток спасти капитализм от окончательного и неизбежного краха.

Воспользоваться силою организованных рабочих для спасения и возрождения разоренного войною капитализма — это было основной и главной целью — точно также, как при революциях в Германии и в Австрии — ноябрьской венгерской революции.

„Славные вожди“ венгерского рабочего движения охотно занялись этой предательской работой; лидер с.-д. партии, Гарам в роли министра торговли и промышленности в правительстве Кароли с великим усердием взялся за дело возрождения погибающей торговли и промышленности.

И, надо сказать правду, с.-д. вожаки нисколько не виноваты в том, что старания их остались тщетными, что независимые от них экономические обстоятельства принудили венгерскую буржуазию передать политическую и экономическую власть рабочим.

Империалистические властители Антанты, видя свое спасение в полной эксплуатации стран своих бывших противников, предъявили — также, как германским и австрийским, — венгерским буржуа такие требования, исполнение которых означало бы окончательное разорение Венгрии. Вновь намеченные Антантой территориальные границы, новая демаркационная линия осуждали „новую Венгрию“ на неизбежную гибель. При этих новых границах и речи не могло быть о самостоятельном существовании Венгрии; а за этими территориальными требованиями последовали бы, конечно, еще более суровые экономические требования.

Защищающее капиталистические интересы Венгерское правительство не имело на эти требования иного ответа, кроме отрицательного: „нет, ни за что“.

Это „нет“ означало открытую борьбу против домогательств Антанты. Но в то же время эта борьба буржуазным партиям венгерского правительства была не по силам.

Единственной надеждою для Венгрии в борьбе с империалистами Антанты служила международная солидарность пролетариата. И в самом деле, можно было надеяться, что пролетариат Антанты, не имея ничего против разорения буржуазной Венгрии, не допустит разгрома венгерского пролетариата.

Это обстоятельство принудило правительство Кароли и вождей с.-д., входивших в это правительство, как за последнюю соломинку, ухватиться за интернациональную солидарность пролетариата и против своих же убеждений передать судьбу Венгрии в руки организованных рабочих.

Второй основной причиной мирной передачи государственной власти пролетариату была надежда на военный союз с Советской Россией. Русская Красная Армия тогда уже подошла совсем близко к старой галицийской границе, и можно было с полным правом надеяться на соединение войск обеих пролетарских стран.

Кроме этих двух основных причин, правительство Кароли принудил к передаче власти еще и тот факт, что число приверженцев молодой коммунистической партии возрастало с каждым днем и, несмотря на аресты почти всех вождей коммунистов, все новые и новые массы примыкали к боевой коммунистической партии. И вот, правительство Кароли не могло устоять под напором сознавшего свою силу рабочего класса.

В основу передачи власти лег компромисс между двумя враждующими партиями, — коммунистической и социал-демократической. Участвовавшие в заключении этого компромисса социал-демократы заявили, что они безусловно принимают положенные в основу вновь создаваемой объединенной партии, руководящие принципы коммунизма, и что

решения партийного конгресса по этому вопросу объединенная партия должна была называться — „Венгерская социалистическая партия“.

Состав обеих партий.

Ядро членов К. П. состояло из возвратившихся из России коммунистов, к которым примкнула самая сознательная часть рабочих. В партию вошло также очень много интеллигентной молодежи. И несмотря на все усилия с.-д., принимавших все меры к тому, чтобы удержать рабочих от вступления в К. П., партия пустила глубокие корни в рабочей среде, и перед самым слиянием обеих партий К. П. могла смело рассчитывать, что большинство организованных рабочих выскажется в пользу коммунистической партийной программы.

Каков же был состав партии с.-д.?

Было бы ошибкой думать, что К. П. Венгрии объединилась с такой с.-д. партией, какою венгерская с.-д. партия была до войны. С начала войны венгерская с.-д. партия так же, как с.-д. партии других воюющих стран, потеряла большую часть своих членов отчасти вследствие призыва партийных рабочих на военную службу, главным же образом вследствие морального краха социал-демократии, ибо громадное большинство членов партии ожидало от своих вождей выступления против войны: венгерские рабочие надеялись, что II-й Интернационал, объединяющий с.-д. партии разных стран, сделает войну невозможной. И после того, как эти надежды не оправдались, массы вышли из партии, которая не сделала ни одного шага против войны, а, наоборот, всячески поддерживала военную программу и диктатуру своей буржуазии. На место этих выбывших старых членов после ноябрьской революции в Венгрии, когда социал-демократические вожаки приобщились к политической власти, и в мелко-буржуазной среде стало модным явлением быть членом с.-д. партии, в с.-д. партию вступили целые толпы всяких мелко-буржуазных элементов: ремесленники, банковские служащие, бывшие офицеры, бывшие полицейские и т. д., которые своим вступлением в „рабочую“ партию совершенно протитуировали ее. И вожди партии решительно ничего не сделали против этого протитуирования.

Наоборот, в своей отчаянной борьбе с буржуазными партиями за политическое влияние и в особенности в борьбе за место в Учредительном собрании, вожди даже поощряли вступление буржуазных элементов в партию и в пользу этого вступления начали самую широкую агитацию, нисколько не смущаясь тем, что вследствие этого партия даво уже перестала быть рабочей.

Из таких двух частей состояла объединенная партия, долженствовавшая стать опорой Советской Власти в Венгрии.

Здесь необходимо указать на то, что лучшая часть коммунистической партии была вообще против соглашения с с.-д. партией, и в особенности против объединения обеих партий, но, ввиду того, что соглашение было уже оформлено в тюрьме вождями К. П. и государственная власть была уже от имени венгерского пролетариата принята, так что К. П. была поставлена перед совершившимся фактом, — противники соглашения из К. П. в конце концов согласились на слияние партийных организаций К. П. и с.-д. партии. К этому решению склонило их особенно то соображение, что, при провозглашении рабоче-крестьянской власти, эта власть должна опираться на единство городского и сельского пролетариата. И раз мы призываем к объединению пролетариев всего мира, то не должно быть в рабоче-крестьянской стране двух рабочих партий.

Советы рабочих и крестьянских депутатов.

Само собой разумеется, что состав Советов во всем соответствовал составу самой партии.

После провозглашения Советской Республики большинство рабочих масс с презрением отвернулось от своих бывших вождей социал-демократов, ибо каждому здравомыслящему рабочему была видна вся ложь и гнусное предательство с.-д. вождей, натравливающих малосознательные слои рабочих на передовой отряд рабочего класса, — на борющуюся за освобождение пролетариата коммунистическую партию. Этим настроением рабочих было бы очень легко воспользоваться для того, чтобы навсегда отстранить от рабочего движения большинство с.-д. вождей; для этого даже не понадобилось бы прибегать к особенно энергичной агитации, достаточно было лишь дать рабочим возможность свободно выбирать своих представителей. Это обстоятельство прекрасно сознавалось народным комиссариатом внутренних дел, который выработал избирательную систему, переносившую весь центр тяжести выборов из рабочих масс в кандидатские комиссии, а члены в состав этих комиссий секретариатом партии делегировались пропорционально, так что большинство в комиссиях получили с.-д. Рабочие голосовали по округам, по отдельным спискам для каждого округа, вследствие чего каждый рабочий должен был голосовать за целый список в 200-300 кандидатов. Ясно, что только те, кто попал в официальный список кандидатов, составленный упомянутой комиссией, и были избраны в советы. Этим и можно объяснить то обстоятельство, что, несмотря на все отвращение рабочих к предателям—своим прежним вождям, все они оказались выбранными в советы.

Если таково было положение вещей в самом центре, то еще хуже обстояло дело в провинции. Чтобы дать хоть приблизительное представление о личном составе этих провинциальных советов, достаточно сказать, что на I-ом и вместе с тем последней с'езде советов большинство произнесенных там речей было настолько контрреволюционно и антисемитично, что оказалось решительно невозможным опубликовать протоколы.

Красная Армия.

Венгерское Советское правительство не имело возможности создать настоящую Красную Армию, потому что оно не могло распустить добровольческую армию предшествовавшего буржуазного правительства. Эта армия была набрана под треск патристических барабанов и во имя национальных лозунгов. Распустить эту армию было невозможно, ибо Советская Венгрия была со всех сторон окружена вооруженными врагами, готовыми в любой момент вторгнуться в пределы Венгрии. Каждая из этих враждебных Венгрии стран — Югославия, Чехо-Словакия и Румыния—в отдельности имела армию бо́льшую, чем Венгрия могла выставить против них. Итак, волей-неволей пришлось переименовать существовавшую уже национальную армию в Красную Армию. Если к этому мы еще прибавим, что борьба против румын и чехо-словаков уже сама по себе должна была носить известный националистический характер, то мы получим достаточно определенное представление о духе той армии, которой располагала Венгерская Советская Республика.

Правда, сейчас же после провозглашения Советской Власти была начата вербовка добровольцев в Красную Армию, но и эта вербовка производилась без всякого выбора. В инструкции хотя и было указано, что только лица, представившие удостоверение от профес. союзов или партийную рекомендацию, могут быть приняты в Красную Армию, но на деле это правило совсем не соблюдалось.

Первые дни вербовки дали такие плохие результаты в смысле доброкачества состава вновь набранных красноармейских частей, что пришлось совершенно приостановить набор.

Тогда были мобилизованы рабочие. Но и здесь не обошлось без вмешательства с.-д. Боясь потери своего влияния на мобилизованных рабочих, они провели систему так называемых рабочих батальонов, организовав эти батальоны по профессиональным союзам и отдельным заводам. Эти батальоны отражали в себе все темные стороны тех профессиональных союзов, из среды которых они вышли: от них нельзя было ожидать ни революционного порыва ни героического самопожертвования. Венгерские профессиональные союзы вообще никогда не славились своею революционностью, но после ноябрьской революции, когда в профессиональные союзы, так же как и в партию, массами стали вступать мелкобуржуазные элементы, последнее дыхание революционности отлетело от них.

Эти рабочие батальоны имели множество и других недостатков. Во первых, вообще нельзя составлять военные единицы по профессиям. Можно себе представить, какое военное значение могут иметь батальоны, состоящие сплошь из одних кельнеров, или портных, или сапожников! во вторых, невозможно было в этих батальонах поддерживать дисциплину, ибо люди в них считали себя не красноармейцами, а лишь членами того или иного профессионального союза; в третьих, большинство этих рабочих батальонов состояло из рабочих, пользовавшихся в течение всей империалистической войны отсрочкою. Особенно у металлистов это было так. Разумеется, представления у этих металлистов о войне были самые нелепые. Так, например, один из полков металлистов отпривил депутацию к главнокомандующему с требованием снять полк с фронта и отправить его для реорганизации в Будапешт, вследствие больших потерь. А полк потерял всего 3-х человек убитыми и 5 ранеными!

После мобилизации рабочих правительство попыталось, было, провести всеобщую мобилизацию. Но для этого понадобилось бы уже иметь сильную армию и хорошую администрацию. Ни того ни другого не было. Поэтому мобилизация неизбежно должна была провалиться, и действительно провалилась.

Сельское хозяйство и индустрия.

С социализацией земли, фабрик и заводов создались самые серьезные затруднения. Ничего удивительного нет в том, что венгерские крестьяне, одна треть которых принадлежит к мелким земельным собственникам, не понимали сущности социализации, и эта часть крестьян и слышать не хотела ни о коммунах, ни о государственных хозяйствах. Напрасно советское правительство призывало их к поддержке рабоче-крестьянской власти, они отказывались давать хлеб городским рабочим. Венгрия, земледельческая страна, оказалась без хлеба.

Безземельные батраки, хотя и поддерживали Советскую Власть, но часто не могли побороть свою ненасытную жажду земли и заставляли правительство, желавшее устроить государственные хозяйства, вместо этого отдавать отобранную от помещиков землю производительным рабочим артелям (коммунам).

Значительная часть рабочих относилась с таким же непониманием к социализации промышленности. С одной стороны, чуть ли не ежеминутно рабочие обращались к правительству с новыми требованиями о повышении заработной платы, с другой стороны, с каждым днем все падала производительность труда.

И недостаток всяких товаров также все сильнее давал себя чувствовать вследствие „мирной блокады“ Антанты.

Внешняя политика и военное положение.

Как только империалисты Антанты узнали о трудностях, с которыми приходится бороться Советской Венгрии, они тотчас же решили перейти к наступательным военным действиям, воспользовавшись для этого румынской и чехо-словацкой армиями.

Сначала по приказанию Антанты начали наступать румыны. Сломив первоначальное сопротивление Красной Армии, они отеснили красные войска до Тиссы и даже отбросили их за Тиссу. Но здесь продвижение румын остановилось, и под прикрытием реки Красная Армия снова оправилась и подтянулась. Так что, когда чехо-словаки начали наступление, они уже встретились с отчаянным сопротивлением Красной Армии и получили от нее страшный отпор, после чего Красная Армия, перейдя в контр-наступление одержала над чехо-словаками полную победу. С этой победой, однако, и начинается трагедия Венгерской Красной Армии.

Армия чехо-словаков была разбита Красной Армией, но победа эта осталась неиспользованной потому, что рабочие батальоны отказались от дальнейшего преследования разбитого врага.

Это неожиданное обстоятельство имело роковые последствия—во первых, в стратегическом отношении, ибо почти все выгоды победы были таким образом сведены к нулю; во вторых, этим был дан сильнейший толчок надвигающейся внутри страны контр-революции. В самом деле, рабочие батальоны должны были быть самой сильной опорой Советской Власти. На кого же могут опереться Советы, если даже рабочие начинают колебаться? И вот после отказа рабочих батальонов в повиновении замечается усиленная деятельность сегединского контр-революционного правительства, начинаются контр-революционные восстания в Задунайском крае, частичная забастовка железнодорожников и некоторое брожение в красноармейских частях.

Но самый сильный удар был этим поступком рабочих батальонов нанесен Советской Венгрии в международном отношении.

Когда Красная Армия выгнала чехо-словаков из пределов, установленных условиями перемирия для Венгрии, и отбросила их далеко за демаркационную линию, председатель мирной конференции Клемансо послал радиотелеграмму народному комиссару иностранных дел Венгрии с требованием, чтобы венгерские красные войска на чехо-словацком фронте отошли к демаркационной линии, обещая, что тогда и румыны отойдут от Тиссы и займут демаркационную линию, намеченную для них мирной конференцией. Хотя всем было ясно, что телеграмма Клемансо представляет не что иное, как простой дипломатический маневр, но, ввиду отказа рабочих батальонов от дальнейшего преследования чехо-словаков, советское правительство было вынуждено исполнить требования Клемансо, несмотря на то, что оно имело возможность совершенно разгромить чехо-словацкую армию и тогда уже вступить в переговоры с Антантой. Но необходимо было считаться с создавшимся положением и с тем обстоятельством, что, если правительство не ответит красные войска с чехо-словацкой территории, то они сами уйдут оттуда, и тогда все будет потеряно. Итак для советского правительства не было другого исхода, как отозвать Красную Армию к демаркационной линии.

Это якобы добровольное, но на самом деле вынужденное отступление повлекло за собой самые губительные последствия. Как я уже заметил, венгерской Красной Армии не чужды были мелкобуржуазные патристические надежды. И на ее настроении „добровольное“ оставление завоеванных территорий должно было отразиться самым неблагоприятным образом. Особенно в высших штабах и в высшем командном составе чувствовалось глубокое патристическое разочарование тем, что не удалось отстоять неприкосновенность старой—довоенной—венгерской границы. При таких крайне неблагоприятных условиях пришлось решиться на наступление против румын, ибо, несмотря на обещания Клемансо, румыны не выразили ни малейшего желания к очищению территории между Тиссой и демаркационной линией. Кроме того, надо было считаться и с тем, что Красная Армия в период военного затишья непременно распылась бы. Только победа над румынами могла спасти положение.

Было решено начать наступление. Но тогда оказалось, что у нас совершенно нет главного штаба. После отхода на чехо-словацком фронте почти все бывшие офицеры, стоявшие во главе разных учреждений главного штаба ушли под предлогом болезни из главного штаба, а новое формирование главного штаба потребовало больше недели времени, что и дало румынам возможность прекрасно подготовиться к наступлению красных войск и перебросить на венгерский фронт королевские румынские войска с бессарабского фронта.

Тогда же в ответственных советских кругах Венгрии стали распространяться слухи, будто бы в то самое время, когда Советская Венгрия готовилась к наступлению против румын, Советская Украина обратилась к румынам с мирными предложениями. Эти слухи поддерживались сообщениями иностранных газет, имевшими, вероятно, целью посеять раздор между двумя советскими правительствами. Потом мы имели впоследствии возможность убедиться в том, что такого предложения Советская Украина никогда не делала и не думала делать; но то обстоятельство, что взятые при наступлении в плен румынские солдаты принадлежали почти исключительно к вновь прибывшим с бессарабского фронта войскам, поддерживало эти нелепые слухи.

В настоящей статье я не могу рассмотреть все подробности нашего наступления и опишу его лишь в самых кратких чертах.

Наступление было назначено на 20-ое июля, — первый день забастовки английских и французских рабочих — и началось одновременно в 3-х местах. Главное наступление должно было происходить у г. Солнок, в центре всего фронта, и, кроме того, для поддержки этого наступления наши войска должны были одновременно наступать: — на северо-восточном участке румынского фронта у местечка Тисафюред, и на юго-восточном участке у г. Чонград. По плану нашего командования наступающие 3-ья колоннами войска должны были после переправы через Тиссу соединиться и полукругом продвигаться вперед.

Переправа через Тиссу удалась только центральной колонне наступавшей от г. Солнок. Этой колонне удалось в течение 3-х дней прорвать фронт неприятеля и глубоко выкататься в него, но, не получая от двух других колонн никакой поддержки, наступающая часть армии оказалась „висящей в воздухе“, и пришлось приостановить и это наступление. Энергичная контр-атака, произведенная румынами с 3-х сторон, принудила к отступлению эту группу. Таким образом, наше наступление потерпело полную неудачу.

После этого события стали развиваться с головокружительной быстротой. Силы Красной Армии были окончательно сломлены и за ее спиной не было стойкого единодушного, сознательного рабочего класса готового на всякие жертвы. Рабочие Венгрии, к сожалению, не оказались на высоте своего пролетарского долга.

Так называемый „голод“, на который жаловались будапештские рабочие, невозможно было и сравнить с тем, что испытывал и испытывает московский и петроградский пролетариат, — и даже те небольшие жертвы, которые венгерский пролетариат принес делу защиты революции, окончательно убили в нем энтузиазм и всякую охоту к самопожертвованию. Всюду заметны были у рабочих усталость и недовольство своим рабочим правительством. Поэтому и Красной Армии не откуда было черпать поддержку, наоборот, сами рабочие массы относились к дальнейшему сопротивлению отрицательно. Недовольство рабочих масс и самих красноармейцев искусственно поддерживалось не только буржуазными контр-революционерами и бывшими офицерами-белогвардейцами, которые занимали почти все командные должности в Красной Армии, но и старыми социал-демократами вождями рабочего движения. Последние в своей контр-революционной агитации небрежовали самыми гнусными приемами для того, чтобы, воспользовавшись усталостью и недовольством народных масс, отвлечь их и от Советской власти и, глав-

ным образом, от коммунистической партии. Ради своих узких партийных интересов они приносили в жертву самые значительные интересы рабочего класса.

Социал-демократы не ограничились агитацией среди рабочих, они перешли к явным контр-революционным действиям, плодом которых было контр-революционное восстание 24-го июня в Будапеште.

Это восстание подготавливалось под флагом „Национальной С.-Д. Партии“, имевшей ту же антисемитическую окраску, какую с.-д. вожди, Гаубрих и его друзья придали после переворота 1-го августа всей с.-д. партии, взявшей в свои руки государственную власть; приказ о выступлении 24-го июня был отдан от имени того же Гаубриха, известного деятеля профессионального союза металлистов, который был председателем с.-д. правительства 1-го августа. Главнокомандующим или военным диктатором на случай свержения Советской власти был назначен контр-революционером 24-го июня Штрэмфельд, бывший начальником главного штаба после переворота 1-го августа. То обстоятельство, что в июньском восстании участвовали даже социал-демократы—комиссары дунайских мониторов, доказывает, что здесь работала умелая рука предателей рабочего класса.

Но лучшим доказательством этого служит история последних дней существования венгерских советов.

Почти все время существования венгерского советского правительства с.-д. лидеры не переставали втайне сноситься с агентами Антанты, в особенности с будапештской и венской итальянской миссией с целью свержения советов и захвата всей власти в руки с.-д. Агенты Антанты обещали социал-демократам полнейшую материальную и моральную поддержку, так что коммунисты были вынуждены постоянно считаться с возможностью нападения со стороны своих же „братьев“ с.-д.

Об этих тайных сношениях с.-д. с Антантой вначале знали лишь немногие, но параллельно с событиями на фронте и с ухудшением внутреннего положения все сильнее и сильнее распространялись слухи о том, что Антанта ничего не имеет против „рабоче-крестьянской“ власти и со своей стороны требует только отстранения от власти коммунистов; стоит только взять всю власть в свои руки с.-д.—этим „истинным и испытанным вождям“ рабочих — и Антанта окажет им полную поддержку; не будет больше войны, прекратится голод; румыны очистят занятые ими против воли Антанты местности и т. д. Одним словом перед рабочими откроется рай. И все это произойдет благодаря социал-демократам.

Ни у кого не могло быть сомнения в том, кем распространялись эти слухи. И тем не менее в рабочих массах очень многие принимали всю эту ложь за сущую правду.

Внешние обстоятельства как будто подтверждали эти слухи, так, например, наблюдалось все растущее отдаление с.-д. от коммунистов. Совершенно открыто стали об этом говорить, когда главнокомандующий венгерской Красной армией Вильгельм Без, тоже с.-д. и вождь металлистов, ссылаясь на болезнь, отказался от своего поста и через 3 дня после сдачи дел уехал в Вену, чтобы там занять пост венгерского посла. Всем было ясно, что он уехал в Вену для окончательного оформления соглашения между с.-д. и Антантой.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что рабочие, не стоявшие на высоте положения и забывшие о своем долге, поддавались гнусной агитации предателей рабочего класса и высказывались на своих собраниях в пользу с.-д., требуя „рабочего“ правительства. Этим обстоятельством объясняется и то, что Советское Правительство не допустило голосования вопроса о передаче власти в открытом заседании будапештского совета, желая представить перед всем миром дело так, будто только безнадежное военное положение и обстоятельства внешней политики принудили Советское Правительство к отказу от власти.

Вся эта история не была бы доведена до своего естественного конца, если бы Антанта не обманула слепо веровавших в нее с.-д. Несмотря на обещание итальянцев, торговавшихся с с.-д. о передаче им власти, румыны не остановились и не отошли от Тиссы к демаркационной линии, а наоборот, продолжали наступать и заняли Будапешт, где держали себя так, как будто там не было никакого с.-д. „правительства“, и положение этого несчастного правительства стало в конце концов невыносимым. И гибель, подготовленная ему 300-ми белоохранителями из бывших полицейских и офицеров, стала неизбежной. А „вооруженный пролетариат“, на который будто бы опиралось это предательское „рабочее“ правительство, отнесся с полным равнодушием к его свержению.

Учитывая все вышесказанное, мы должны еще раз констатировать, что Советская Венгрия была построена на очень шатком фундаменте, ибо соглашение и слияние с.-д. и к. п., на основе полного признания коммунистической программы, было и осталось только внешним и к тому же еще не искренним, что и привело к полной неустойчивости и крушению этой власти.

Основными мотивами коммунистов при захвате власти служили: 1) надежда на фактическое военное объединение русской и венгерской красной армии и на совместную защиту социалистической революции и рабоче-крестьянской власти, 2) надежда на активную поддержку международного пролетариата против нападающего на Советскую Венгрию интернационального капитализма. Эти надежды не оправдались: русская Красная Армия стоявшая в марте с. г. уже на старой австрийской границе, была вынуждена к дальнейшему отступлению, а международный пролетариат не оказал настолько сильного давления на правящие империалистические круги Антанты, чтобы это давление могло удержать наступление чехо-словаков и румын и тем спасти молодую Красную Венгерскую Республику.

В мои намерения не входило рассказать в этом отчете всю историю Венгерской Советской республики, я стремился только по мере возможности объяснить причины гибели венгерской советской власти и поэтому я останавливаюсь здесь почти исключительно на отрицательных сторонах просуществовавшей несколько месяцев рабоче-крестьянской власти в Венгрии, хотя на деле было не мало примеров и поразительного проявления ясного классового сознания, и самопожертвования в отстаивании идеалов рабочего класса и героизма в борьбе за осуществление этих идеалов.

И мы можем быть вполне уверены, что, несмотря на тяжелый удар, нанесенный делу социальной революции гибелью Венгерской Советской Власти, это время не прошло без глубоких следов оставленных им в венгерских рабочих массах. Была сильно поднята классовая сознательность рабочих, эта классовая сознательность проникла в рабочую среду самых отдаленных глухих уголков страны.

Венгерский рабочий класс и деревенская беднота знают уже, что значит для них советская власть; они уже почувствовали настоящую свободу, полную свободу от эксплуатации капиталистов и этого они уже никогда не забудут.

Наша культурно-просветительная работа, наши усилия к поднятию классовой сознательности рабочих и деревенской бедноты, наша работа по социальной организации труда должны рано или поздно принести свои плоды. Мы вполне уверены в конечной победе революции и смело можем идти навстречу будущему.

М. ГАБОР.

Будапешт, декабрь, 1919 г.

От редакции: Обращаем внимание товарищей на крайне интересный доклад тов. Габора, имевшего возможность наблюдать венгерское движение и после падения советской власти в Венгрии... Доклад т. Габора является первой значительной попыткой дать объяснение падению советского режима в Венгрии на основании учета конкретных фактов. Тов. Габор принад-

лежит к числу ближайших единомышленников покойного тов. Тибора Самуэли, который был против соглашения коммунистов с венгерскими с.-д. Предательская роль венгерских с.-д., решивших теперь вернуться в лоно II-го Интернационала, обрисована достаточно ясно в докладе т. Габора.

Когда мы пишем эти строки, случилось известие о том,

что во дворе Будапештской тюрьмы венгерская буржуазия казнила 75 венгерских наших братьев. Вечная память погибшим борцам!

А новая пролетарская революция в Венгрии все таки неизбежна, как неизбежно то, что капли ализм погибнет, а коммунизм победит.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В АМЕРИКЕ.

Коммунистическая Партия образовалась из некоторых групп, входивших раньше в состав Социалистической Партии (Socialist Party of America) и считавших дальнейшую совместную работу с остальной частью партии невозможной и бесполезной. Причина раскола станет ясной всякому, кто ознакомится хотя бы в общих чертах с деятельностью С. П.

Мы постараемся здесь дать краткий обзор этой деятельности. Большинство членов С. П. принадлежало к мелко-буржуазным слоям общества, не умеющим приспособиться к капитализму и поэтому всдушим жалкое существование при нем.

Идейных людей в С. П. насчитывалось очень мало, особенно среди вожаков; влияния в партии часто достигали обанкротившиеся политиканы из капиталистических партий, оказавшиеся неспособными к своему делу адвокаты, мелкие торговцы и т. д. Многие из них, вступая в С. П., видели в этом единственное средство для поправления своих личных дел.

Социалистическая Партия давала каждому полный простор испытать свое счастье по собственному усмотрению.

Выборные кампании обыкновенно велись самым нелепым, гнусным и отвратительным образом. Никакого идейного единства, которое бы сплачивало членов партии в С. П. никогда не существовало; партия представляла собой случайный конгломерат разочаровавшихся в своем счастье политиканов и разорившихся лавочников, которым предоставлялась полная свобода действий. Правда, существовала на бумаге партийная программа, и от времени до времени принимались принципиальные и тактические резолюции. Но каждый член партии и особенно каждый кандидат на какой-нибудь ответственный пост имел право толковать и программу и резолюции, как хотел. Типичный пример этого Джон Спарго, который считался одним из виднейших лидеров в С. П. Называя себя „нео-марксистом“, он написал несколько популярных брошюр о марксизме, доказывающих, по компетентному мнению Франца Меринга, что Спарго не имеет ни малейшего понятия о том, что такое марксизм.

В области политики С. П. стояла за демократию в самом широком смысле этого слова, и эта демократичность привлекала в партию всяких филантропов, фантазеров и аферистов. На Индианопольском Съезде 1912 г. среди делегатов было 15 священников! На этом съезде в первый раз произошло некоторое размежевание между большинством партии и левыми радикальными элементами. В партийную программу был включен пункт, требующий исключения из партии каждого, кто агитирует за применение саботажа или сам прибегает к нему.

На том же съезде был провозглашен лозунг: всегда оставаться в рамках законности! Эти решения были продиктованы желанием отмежеваться от Индустральных Рабочих Мира (I. W. W.) признающих саботаж, как способ борьбы за улучшение своего материального положения, а с другой стороны — также желанием пойти навстречу Американской Федерации Труда (American Federation of Labor), которая вела ожесточенную борьбу с I. W. W. В пояснение прибавим, что Инд. Раб. Мира, это — рабочая организация, вполне определенно стоящая на точке зрения классовой борьбы, а Ам. Фед. Труда — группа, заклю-

чающая разного рода закулисные сделки с буржуазией за счет рабочего класса.

Эти новые лозунги в высшей степени удовлетворяли священников, ненавидящих всякое насилие, в особенности когда оно исходит от рабочих, и классовую борьбу вообще. Вследствие изменения программы в партии началась перегруппировка, и левые элементы, группировавшиеся вокруг Гейвуда, вышли из партии.

С 1912 года господство в С. П. перешло к сторонникам „чистой политики“ („politics pure and simple“); в этом году партия достигла зенита своего развития, как относительно числа поданных за нее на выборах голосов, так и по числу входящих в нее членов. На выборах много кандидатов от С. П. прошло в парламенты отдельных штатов и в другие общественные и государственные учреждения. Эта победа „чистой политики“ вызвала бурный взрыв восторгов, но эти восторги утихли, как только ново-избранные кандидаты приступили к своей работе.

Во первых, произошло столкновение между избранными кандидатами и партийными организациями. Новые законодатели во многих случаях отказывались повиноваться партийным учреждениям, основывая свой отказ на том, что они ответственны не перед партией, а перед своими избирателями, большинство которых не принадлежит к С. П. Никакой разницы между представителями старых буржуазных партий и представителями новой С. П. в парламенте не замечалось, и даже голоса этих „социалистов“ очень редко раздавались в Конгрессе. Через год обнаружилось уже уменьшение числа членов в партии. Вожаки объясняли это явление разными причинами, но самая главная причина ускользала от их внимания; причина эта была та, что рабочие массы не питали больше доверия к С. П. Выборная кампания 1916 г. дала еще более печальные результаты: число голосов, поданных за партию, уменьшилось, по сравнению с 1912 г., почти на половину. Кандидат в президенты, выставленный С. П., — Бенсон, отличался от своего соперника Вильсона только тем, что Вильсон стоял за полное вооружение и за сильный флот, а Бенсон за частичное вооружение и за небольшой береговой флот. Бенсон олицетворял собою духовную нищету и тактическую беспринципность изменившей делу рабочего класса С. П.

Некоторые партийные органы открыли кампанию против Бенсона во время выборов. В то время в Штате Массачусетс образовалась Лига Пропаганды. В начале вожаков существования она не обратила на себя внимания органов партии, так как у нее не было собственного органа, но в начале 1917 г. появились первые номера издаваемого Лигой еженедельника „Интернационалист“ („Internationalist“), и Национальный Исполнительный Комитет счит нужным вмешаться в дело. Он заговорил о привлечении Л. П. к ответственности за пропаганду ереси. В то же время стала обнаруживаться в массах неудовлетворенность партийной тактикой. Со всех сторон стали раздаваться требования о созыве партийного съезда. К тому времени в партии наметилось два течения: пацифистское и шовинистское, и разногласия между их сторонниками приобрели особенную остроту, ввиду того что Соединенные Штаты как раз тогда готовились официально принять участие в европейской войне.

Партийный съезд был созван в Сант Луисе в 1917 г.; большинство делегатов его оказалось пацифистами. Центральным вопросом порядка дня на этом съезде было отношение к войне. Было внесено две резолюции: Хилквитом—от имени большинства и Будингом—от имени меньшинства. Принципиальных различий между этими резолюциями не было: и та и другая в принципе осуждали войну и указывали средства, к которым Соц. Партия должна прибегнуть в том случае, если Соединенные Штаты примут активное участие в войне. Съездом была принята резолюция Хилквита. На этом же съезде был отменен принятый в 1912 г. пункт партийной программы о саботаже. Общее впечатление от съезда было таково, что левые элементы одержали верх на нем.

Непосредственно же после съезда Соединенные Штаты официально вступили в войну, но Сант-Луиская резолюция осталась пустым клочком бумаги. Будин открыто выступил с призывом встать на защиту отечества и демократии, а Хилквит увернулся от определенного ответа на этот щекотливый вопрос. Когда некоторые члены партии обратились к нему за советом о том, как им следует отнестись к вступлению Соед. Штатов в войну, он ответил, что это дело совести каждого отдельного человека. На всех местных конференциях партии в отдельных штатах шовинисты пытались даже добиться официальной отмены Сант-Луиской резолюции, но это им не удалось.

Левые элементы убедились теперь окончательно, что с политиками всякая дальнейшая совместная работа невозможна. Снова все взоры обратились к Лиге Пропаранды, так энергично начавшей свою работу, но работа эта на время приостановилась по двум причинам: во-первых, самые активные работники уехали в Россию, во-вторых, вся радикальная пресса безжалостно преследовалась „демократическим правительством“; кроме того, благодаря колоссальным военным заказам, американские рабочие пользовались достатком, неслыханным дотоле в Соединенных Штатах.

Внутри С. П. опять произошла некоторая перемена: численность коренных американских членов сильно пала, между тем как число членов-эмигрантов, под влиянием русской революции, заметно возросло; таким образом, хотя общее число членов партии осталось почти то же, но состав С. П. существенно изменился.

В начале 1919 г. Хилквит на одном собрании воскликнул: „у нас, в нашей партии творится что то ненормальное, 57% партии состоит из эмигрантов!“

Как только окончилась война и снова открылась некоторая возможность организационной работы, Лига Пропаранды, возобновила свою деятельность под новым названием: „Левое Крыло С. П.“. Еженедельная газета Лиги „Революционный Век“ („Revolutionary Age“) издавалась в Бостоне под редакцией тов. Фрайна, единственного из партийных журналистов, который был марксистом и до конца остался верен марксистской точке зрения в это смутное время. „Революционный Век“ принес нам большую пользу в первый период существования Л. К. Газета, главным образом, выясняла и обосновывала теоретические положения Л. К., кроме того, в ней велась революционная пропаганда по злободневным вопросам; между прочим, много места уделялось в газете положению дел в России. Борьба с официальной партией велась в газете и вширь и вглубь, особенно во время опубликования программы Л. К. Вопросы, которые особенно интересовали тогда всю партию, были следующие:

1. Выход из II Интернационала и присоединение к III Интернационалу.

2. Полное устранение всех реформистских требований и пожеланий в платформе партии и агитация за социальную революцию.

3. Партийная пресса и партийные школы должны быть подчинены контролю партии.

4. Установление самой тесной связи между партией и профессиональными союзами, стоящими на классовой точке зрения.

.. всем этим вопросам официальные вожди не хотели вести открытую дискуссию, не желая показывать массам свой истинный лик. Когда Нац. Исп. Ком. выбрал делегатов на Бернскую конференцию, со всех сторон посыпались протесты против этого шага.

Чтобы избежать этих протестов, Н. И. К. сообщил, что делегаты посылаются в Берн только в целях информации. Но, именно благодаря такой уклончивости, вожди партии теряли одну позицию за другой.

На происходивших затем очередных выборах части членов Н. И. К., Л. К. выставила свой собственный список кандидатов, и список этот прошел подавляющим большинством. Потерпев поражение на выборах, все старые лидеры партии, Хилквиты, Бергеры и пр., почувствовали, что они загнаны в тупик. У них оставалось теперь два выхода: либо слаться, либо принять решительный бой. Они выбрали последнее.

На одном из своих заседаний, после выборов, Н. И. К. постановил исключить из партии все национальные федерации и несколько местных секций, в общем 40,000 членов партии, самых активных партийных работников.

Этим актом насилия, старые, пережившие самих себя партийные вожди хотели обеспечить себе победу на следующих выборах и удержать в своих руках кормило правления в партии, но, чтобы придать этому отчаянному шагу более приличный и законный вид, они заявили, что Левое Крыло, приняв новую программу без ведома всей партии, доказало, что оно не признает партийной программы. А между тем, сами эти вожди, никого не спрашивая, чуть ли не каждый день вносили изменения в партийную программу.

На городских и созываемых по штатам конференциях Л. К. обсуждался вопрос об этом своеобразном поведении Н. И. К. и о мерах к восстановлению нормальной партийной жизни. Многие из товарищей высказывались за организацию новой партии. Для окончательного решения этого вопроса было постановлено созвать особую конференцию на 21 июня в г. Нью-Йорке.

На этой конференции, собравшейся в Нью-Йорке, был поставлен вопрос: продолжать ли борьбу внутри С. П. или организовать новую Коммунистическую Партию? За продолжение борьбы внутри партии стояли, главным образом, ново-избранные члены Н. И. К., а за организацию новой партии исключительные федерации и местные секции.

Товарищи, настаивающие на организации новой партии, основывали это предложение на следующих доводах:

1. Раскол в партии неизбежен; оставаясь в рядах партии, мы только отсрочим его на два месяца (на 30-го августа был назначен общий съезд С. П., на котором предполагалось окончательно разрешить вопрос о судьбе исключенных членов).

2. Такая отсрочка неблагоприятно повлияет на массы: увидя нашу нерешимость в такой момент, когда положение совершенно ясно, они отвернутся от нас.

3. Элементы необходимые для создания новой партии, уже сплочены вокруг Левого Крыла, а та часть колеблющихся элементов, которая еще связана с С. П., представляет собою центр, который принесет новой партии больше вреда, чем пользы, так что в конце концов нам все-таки придется расколоться и с центром.

4. Материальной помощи коммунистическая партия никогда не добьется от С. П., а ее духовные сокровища новой партии не нужны.

5. Настоящее положение требует от Л. К., чтобы оно обратило все внимание на тридцати-миллионную массу неорганизованных рабочих, а не на тридцать тысяч социал-патриотов и шовинистов.

Доводы противников основания новой партии сводились к следующему:

1. Борьба с социал-патриотами еще не закончена, и выборы в Н. И. К. показали, что победа склоняется на нашу сторону. Поэтому долг Левого Крыла--довести эту победу до конца.

2. Большинство членов партии до сих пор ничего не знало о том, что на этой конференции предполагается приступить к организации новой партии, и следовательно делегаты на это не уполномочены.

3. В некоторых штатах рабочие не знают о существовании Л. К., стало быть, необходимо, оставаясь в партии, продолжать агитацию в массах.

При голосовании выяснилось, что большинство конференции стоит за продолжение борьбы внутри С. П. Меньшинство конференции на своем отдельном заседании решило 30-го августа созвать особый съезд в городе Чикаго и пригласить на этот съезд все сочувствующие коммунизму элементы, и партийные и не партийные, и те,

которые принадлежат к другим партиям. На конференции большинство также приняло постановление о созыве съезда в Чикаго 30-го августа, но полное соглашение между большинством и меньшинством так и не состоялось. За время от 21 июня до 30 августа целый ряд видных партийных деятелей перешли от большинства к меньшинству.

Товарищи, бывшие на конференции в меньшинстве организовали впоследствии Коммунистическую Партию, а представители большинства организовали Коммунистическую Рабочую Партию, по числу членов уступающую Коммунистической Партии.

А—Н.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОРЕЕ.

От редакции. С особенным удовольствием печатаем отчет корейского коммуниста.

В своем устном докладе Исполнительному Комитету тов. Пак сказал: корейские рабочие хотя и принадлежат к такому Интернационалу, который не поддерживает колониальную политику великих империалистических держав—поэтому они присоединяются к III-му Интернационалу.

Это сказано превосходно.

В этих простых словах выражена вся суть дела. II-й желтый Интернационал, прикрываясь фразами о „цивилизации“ и „прогрессе“, поддерживает империалистические государства в их разбойничьих походах против „колонизальных“ народов. Коммунистический Интернационал провозглашает лозунг—„вон из колоний“ и поддерживает освободительно-революционное движение во всех колониях против империалистских грабителей. Вот почему миллионы трудящихся Кореи, Китая, Индии, Персии, Афганистана и т. д., пробуждаясь к борьбе против своих угнетателей, с надеждой смотрят на Коммунистический Интернационал.

Всем им—пламенный привет от международного революционного пролетариата, организованного в Коммунистический Интернационал.

В Корее—одной из самых отсталых стран Востока,—лишь совсем недавно началось массовое социалистическое движение, и поэтому представители ее не в состоянии дать о своей революционной борьбе такой содержательный отчет, как товарищи-делегаты других стран.

С осени 1910 года, т. е. после потери Кореей независимости, в Корее наступил период реакции и общественного застоя. Японский империализм, подчинив своей власти корейский народ,—в целях окончательного порабощения его, отменил в стране всякую свободу печати и союзов. Невыразимо страдая под жестоким гнетом завоевателей, массы корейского народа стремились к освобождению. Стремлениям этим, однако, не легко было развиваться в атмосфере варварских репрессий, введенных японскими империалистами: всякая общественная инициатива в области просвещения, организации и самостоятельности масс встречала упорное сопротивление со стороны японских властей, не допускавших легального существования не только политических, но даже культурно-просветительных организаций. В таких ужасных условиях находилось все корейское общественное движение, в таких условиях возникла и развивалась наша организация: „Союз Освобождения“. В 1910 году съезд организаторов положил основу первой социалистической ячейки в Корее, создав Исполнительное Бюро Союза. Но под давлением все усиливающейся реакции, Исполнительное Бюро эмигрировало сначала в Манчжурию, а затем в Сибирь. С первых же дней возникновения Союза на него обрушилась с резкой критикой вся национально-патриотическая часть общества; социальные условия также не благоприятство-

вали росту и укреплению нашей организации: идеи классовой борьбы не могли вдохновлять корейские трудящиеся массы, так как самая классовая борьба была явлением, известным в Корее лишь по наслышке. Либерально-реформаторская политика правительства в периоде 1897—1907 г.г. на время почти совершенно изгладилла все словесные различия, а крайне медленное развитие капитализма не создало почвы для острого проявления классовых противоположностей. Дворянство и буржуазия, удаленные от власти железной метлой японского империализма, шли рука об руку с беднотой, дружно неся общее тяжелое бремя национально-освободительной борьбы. В народных массах наблюдалось широкое развитие патриотических воззрений, вызванное повседневной борьбой с насилием заморских завоевателей. Но с каждым годом число членов Союза увеличивалось; лучшая часть молодежи решительно становилась под наше знамя. Союз был единственной организацией, исшедшей из того, что самостоятельность Кореи может быть обеспечена лишь торжеством революции в Японии. Искренние протесты японских социалистов против политики правительства микадо, аннексировавшего Корею, и гонения на социалистов со стороны правительства дали первый толчок к расколу в среде корейского движения: „единный национальный фронт“ против Японии с этого момента распался. Идеологи нового течения, возникшего из этого раскола, стремились к сотрудничеству с левыми элементами Японии, но не могли достичь в этом направлении существенных результатов: взаимное непонимание и недоверие делали невозможным всякое сотрудничество. Руководители корейского левого течения видели во всем корейском народе вообще носителя демократических идей. Они полагали, что под гнетом японской бюрократии корейское дворянство и рождающаяся на их глазах буржуазия превратятся в истинных демократов. В этом была их главная ошибка.

Они не верили в правильность законов общественного развития, открытых основоположниками экономического материализма. Но весь ход политической и экономической жизни Кореи в 1912—17 г.г. разбил все утопические взгляды левых, а Великая Русская Революция заставила их признать свои ошибки. Она окончательно рассеяла иллюзии „Единой корейской демократии“, и все увеличивающееся разногласие в среде Союза кончилось неизбежным расколом. Хабаровская конференция 1918 года установила этот раскол, как совершившийся факт. На этой конференции был основан Союз Корейских социалистов, „Ханин-Сахве-Дан“, и с его основанием корейское левое течение вошло в общий поток мирового социалистического движения. В Сибири до чехо-словацкого переворота съюз корейских социалистов, получивший возможность легального существования, издавал свои листовки и положил начало тесному сближе-

нию всех социалистических партий Восточной Азии для совместной борьбы с японским империализмом; кроме того, наш союз старался сделать все, что было в его силах, для выполнения долга солидарности по отношению к русским товарищам.

Между тем как китайская революция, в сущности бывшая дворцовым переворотом, прошла совершенно незаметно для широких корейских масс, русская революция с самых первых дней своих нанеся непоправимый удар разлагающемуся буржуазному строю, напротив того, пробудила корейские массы, к которым призывы русского пролетариата и великие лозунги революции долетали из Уссурийских долин, и вдохновила их стремлением к новой жизни.

„Рисовые беспорядки“ в Японии, исход мировой войны с ее результатами, — Версальской мировой конференцией и Лигой Наций, на которых строили свои иллюзии наши национал-патриоты и отчасти правая часть нашего союза, поражение социалистов во вновь создаваемых государствах и мартовские волнения в Корее — все это дало новое содержание нашей общественной жизни, колесо которой, вертясь с головокружительной быстротой, рождало новые события, новые вопросы, требующие от общества сознательного ответа. И вот, в апреле сего года в районе г. Владивостока состоялся объединенный съезд 2-х общественных организаций: Союза Корейских социалистов — „Ханин-Савхе-Дан“ и „Шин-Мин-Дан“ — „Союза новых граждан“; в съезде участвовало 49 делегатов, представлявших 30.000 избирателей, 1/3 этого числа составляли члены первой организации и 2/3 — второй организации.

Левая часть съезда отстаивала чисто классовый принцип, связывая свои надежды с движением всего мирового пролетариата и в частности с японским рабочим движением, тогда как правая часть считала необходимым тесный контакт с отечественной буржуазией и дворянством, считая их группами революционными в данный момент. Она советовала левому крылу держаться подальше от шовинистической настроенного японского пролетариата. Победу одержала на съезде левая часть, считавшая нужным вести борьбу за национальное освобождение Кореи при поддержке рабочего класса Японии и других стран и рассматривавшая эту борьбу не как национально-шовинистическое движение против Японии вообще, а лишь как движение против японского империализма.

В порядке дня съезда стоял целый ряд вопросов. Вопросы международной политики были тем центральным пунктом, на котором сосредоточилось все внимание делегатов съезда.

На съезде состоялось объединение обоих союзов в одну партию, под названием: „Корейская Социалистическая партия“ — „Ханин-Савхе-Дан“. Фактически деятели обоих союзов и раньше проявляли единодушное согласие по всем почти вопросам и действовали с товарищеской солидарностью. Теперь это единение было оформлено организационно.

Съездом была принята программа, содержащая следующие основные тезисы:

1) Для обеспечения нормального духовного и физического развития корейских трудящихся масс необходимо освобождение Кореи от ига японского империализма и от капиталистической эксплуатации.

2) Принимая во внимание, что интересы трудящихся масс Японии и Кореи родственны друг другу и гнет японского империализма и капитала одинаково тягостен для них, необходима тесная связь между революционными организациями обеих стран.

3) Ввиду того, что Корея вступает в эпоху капитализма, партия должна организовать пролетарские и батрацкие элементы, воспитать их в духе революционного марксизма и руководить их повседневной борьбой с капиталом.

4) Опыт революционного движения всего мира, так же, как и опыт нашей собственной революции, вылившейся

в форму аграрных беспорядков в девяностых годах прошлого столетия, показывает, что в острые моменты классовых столкновений для торжества равенства и справедливости необходимо насилие эксплуатируемых над эксплуататорами. Поэтому наиболее целесообразной формой власти партия считает советскую власть.

На этой программе объединился весь съезд, за исключением пяти делегатов, не согласившихся с приведенными тезисами и покинувших съезд.

Затем съезд перешел к рассмотрению вопроса о текущем моменте. Несмотря на то, что начавшееся в первых числах марта и продолжающееся до сих пор восстание в Корее, руководимое национал-патриотами и направляемое ими на ложный путь национального антагонизма, при таких условиях не может привести к желательным результатам, Съезд считал нецелесообразным противодействовать революционному движению, какую бы форму оно ни принимало, и постановил: путем широкой пропаганды постараться направить движение в русло классовой борьбы и установить тесную связь с японскими социалистами для совместной борьбы против отечественных и японских дворян и банкиров.

О версальской мирной конференции съезд принял резолюцию следующего содержания: так как на Версальскую мирную конференцию представители держав Согласия собрались для дележа плодов своей победы и для раздела всего остального мира и так как на этой конференции малые угнетенные национальности представлены ничтожным меньшинством, то не может быть сомнения в том, что справедливые требования их не будут удовлетворены, и что та же участь ждет и „корейский вопрос“, поэтому съезд считает необходимым бороться путем пропаганды в массах против авторитета Мирной Конференции.

Лига Наций, по мнению съезда, является тем же, чем был Священный Союз после Наполеоновских войн; она отнюдь не может обеспечить свободу развития малым национальностям, которые и в ней будут представлять собою меньшинство. Съезд постановил поэтому вести усиленную агитацию и пропаганду в массах за отозвание корейских делегатов с Мирной Конференции и из Лиги Наций, если они окажутся участниками этой последней.

Далее, на съезде обсуждался вопрос о III-м Интернационале. Лихорадочная деятельность по вооружению, проявляемая Японией и „обиженной“ победителями Германией с одной стороны, и хищнические аппетиты англо-франко-американских империалистов, с другой, в связи с все обостряющимися расовыми антагонизмами могут снова привести к столкновению народов всего мира, если революционные социалисты всех стран не встанут дружно против новой мировой войны. Признавая все это, съезд постановил: начать переговоры с социалистическими партиями Восточной Азии о мерах для объединения общей борьбы с пан-монголизмом и войти в III Интернационал, действующий организзоваться в Европе для борьбы с мировым злом — империализмом.

Резолюция вместе с тем отмечала, что „мы, социалисты Востока, ни в коем случае не можем работать в контакте с большинством II Интернационала, поддерживающим колониальную политику своих империалистических правительств.“

В то время, когда происходил съезд, мы еще ничего не знали об основанном в Москве III Коммунистическом Интернационале.

Считая Сибирь базой своей политической деятельности и с горечью наблюдая все усиливающееся японское влияние на Дальнем Востоке, Съезд по вопросу о Сибири и Российской Советской Республике постановил: так как торжество Российской Советской Республики на Дальнем Востоке и свобода Кореи тесно связаны с судьбами японского империализма и ввиду того, что для нашей партии, признающей необходимым положить в основу государственного строительства в будущей Корейской Республике принципы Советской власти, особенно важно близкое соседство с Советской Россией, богатой револю-

вмешательства, только избавившись от них. Парламентская фракция партии, особенно с тех пор как был поставлен на очередь вопрос о большевизме, не была истинной представительницей масс и не руководила ими, она скрепя сердце, следовала за ними, когда они, выйдя на улицу, требовали осповения Советов; она робко, осторожно и платонически протестовала против интервенции; все это оттолкнуло от нее широкие массы и способствовало объединению против нее всех сил реакции. И хуже всего то, что вряд ли можно ожидать в этом отношении перемены к лучшему при новом составе парламентской фракции: будущим лидером фракции теперь уже называют Поля Бонкура, бывшего товарища министра, вчерашнего радикала и сегодняшнего буржуазного социалиста.

При оценке результатов выборов следует обратить также внимание на примененную на этот раз особую систему подачи голосов, благодаря которой Лонгэ, Майерас, Фроссар, П. Фор, Верфейль и некоторые другие кандидаты, получившие по 110—115 тысяч рабочих голосов в Сен-Дени и Со, оказались забаллотированными, между тем как в других округах прошли кандидаты, за которых было подано менее 20 тысяч голосов. Так например, Леон Додэ оказался избранным 19.685 голосами. Таким образом, 115.000 социалистов рабочих Сен-Дени не будут иметь ни одного представителя в палате, а менее многочисленная группа роялистов будет представлена пятью депутатами. За нашего товарища Садуля было подано 40.361 голоса, и он оказался неизбранным. Желая помешать его избранию, правительство заочно устроило суд над ним и — не выслушав даже его — приговорило его к смертной казни. Достойное введение к новому режиму!

Заметим, что кандидатура Садуля носила ярко выраженный боевой характер: она ставила перед избирателями вопрос: за или против большевизма? И все таки более 40.000 рабочих в предместьях Парижа открыто заявили о своем горячем сочувствии коммунизму, несмотря на то, что как раз во время выборов вся — без исключения — буржуазия и „желтая“ социалистическая пресса, надрылась от крика, проповедуя крестовый поход против большевизма.

Скандалные разоблачения.

Послевоенные разоблачения все продолжают. За три дня до выборов полиция „Общей Безопасности“ арестовала депутата Поля Менье — левого радикала и редактора газеты „La Verité“, по обвинению в сношениях с врагом.

Действительно ли П. Менье изменник и темный спекулянт, как утверждают его политические враги? Или же рассерженный старик, который теперь правит всей Францией, воспользовался лишь этим обвинением, как предлогом для того, чтобы отделаться от опасного противника, так же, как он недавно избавился от Кайо? По существу — это вопрос второстепенный: нас интересует здесь картина буржуазных нравов. За последние восемнадцать месяцев были задержаны по обвинению в государственной измене: бывший председатель кабинета министров, председатель кассационного суда, директор полиции „Общей Безопасности“, два члена палаты депутатов и целая вереница влиятельных журналистов... Все это — профессиональные патриоты! Поистине, французская буржуазия начинает разлагаться загнило.

Может быть, поэтому она и предается с таким наслаждением зрелищам казней. Все французские газеты посвятили недавно целые страницы подробному описанию казни Пьера Ленуара (бывшего, вместе с оправданным сенатором Эмбером, собственником газеты „Journal“), которого расстреляли, усыпив морфием и привязав к стулу. Само собою разумеется, что люди, наслаждающиеся зрелищем и описанием подобных сцен, с восторгом набрасываются на всякие измышления о „большевистских зверствах“.

Угольный голод. Стачки. Приговор по делам восставших матросов.

Угольный и вообще топливный голод, который довольно остро чувствовался уже и в прошлом году, внушает теперь парижскому населению серьезное беспокойство. За август, сентябрь и октябрь город получил 283.132 тонн жидкого топлива, вместо необходимых 400.000. Запасы уменьшились до 14.000 тонн. Вследствие недостатка топлива заводы предместий, не получая тока, вынуждены были остановиться. Положение с каждым днем ухудшается, и нет надежды на то, что его удастся поправить, несмотря даже на ограбление Германии, ежедневно доставляющей по 17.000 тонн кокса и угля.

Стачное движение — на наш взгляд, не менее внушительное, чем „избирательные победы“ реакции — не прекращается. В Лионе (сведения наши относятся к концу октября) бастуют рабочие шелковых заводов (ткачи и прядильщики). Около 20.000 рабочих требует установления минимальной заработной платы. Фабриканты, возмущенные невозможностью выполнения „срочных заказов“ (и получения по ним колоссальных барышей), угрожают локаутом! В Марсели моряки объявляют забастовку на время выборов. В Париже служащие больших магазинов („Бон-Марше“, „Галереи Лафайета“ и т. д.) и продовольственных лавок забастовали, предъявив ряд требований. Конфликты происходят и в известном магазине Потэна. Рабочие во многих местах отказываются упаковывать предметы военного снаряжения, предназначенные для русских контр-революционных армий. Печатники, наборщики и другие типографские рабочие больших газет перед самими выборами объявили забастовку в Париже, совершенно прекратив выход органов буржуазной прессы. Пресса запротестовала, и тут вышла наружу скрытая „суть вещей“. Обратившись за содействием к штрейкбрехерам, все буржуазные газеты объединились против общего врага, рабочего, и стали совместно выпускать ежедневную газету под названием „Presse de Paris“, в которой редакции самых противоположных буржуазных газет: „Temps“, „Le Radical“, „L'Action Française“, „L'Homme Libre“ и пр. и пр., распределив между собой отдельные столбцы, мирно уживаются рядом друг с другом. Роялисты, клемансисты, радикалы всех оттенков, на этот раз проявили полное единодушие, провозгласив общий лозунг: „смерть большевикам!“ Стачный Комитет, со своей стороны, разрешил выпуск в свет газеты „Feuille Commune“, в которой объединились десять революционных и оппозиционных газет. Это упрощение всей прессы, сведение ее к двум классовым органам — весьма характерно.

Буржуазия и в экономической области проявляет несомненную тенденцию к объединению. Вслед за Общей Земледельческой (эксплуататорской!) Конфедерацией возникла Общая Конфедерация Производства, крупное объединение эксплуататоров, решивших всеми мерами и способами отставать свои барыши...

В конце октября военным судом было рассмотрено дело о восстании на военных судах „Provence“ и „France“. Матросы этих кораблей, стоявших на Черном море, обвинялись в том, что они устроили мятеж, открыто заявив о своей солидарности с русскими коммунистами. Пока у нас имеются точные данные лишь о процессе моряков „France“: из них 5 человек приговорены к 2 годам тюрьмы, двое к 3 годам, один к 4 годам, один к 5 годам, двое к 6 и один к 8-ми. Так расправляется правительство „свободной“ Франции с большевиками!

Рабочие, интеллигенты, пресса и большевики.

Французские рабочие, исполненные глубокой симпатии к своим русским братьям, решили отпраздновать вторую годовщину октябрьской революции демонстративными забастовками. Это событие уверенно замалчивается

французской буржуазной прессой, и мы узнаем лишь некоторые подробности о нем из скандинавских газет.

26-го октября в Париже состоялось собрание, на котором присутствовали представители от 27 профессиональных союзов. На собрании по предложению железнодорожных рабочих было постановлено объявить в знак протеста против „кущего“ закона об амнистии и против вмешательства в русские дела общую забастовку 7-го ноября, в день годовщины Советской власти в России. На 6-е ноября было назначено в Бирже Труда для окончательного решения вопроса собрание представителей всех парижских синдикатов. Биржа Труда отказала в помещении для собрания, ссылаясь на то, что предполагаемая забастовка носит характер „политический, а не профессиональный“. Как протек день 7-го ноября в Париже, нам, к сожалению, до сих пор неизвестно. Как сказано уже, французские буржуазные газеты хранят об этом упорное молчание...

Интересно отметить движение, развивающееся за последнее время среди передовой французской интеллигенции. Все, что есть во Франции молодым сердцем и душой, с каждым днем проникается все более горячей симпатией к российской пролетарской революции. После ряда манифестаций, устроенных учителями, после открытого письма—„Мы обвиняем“—Барбюсса, навлекшего на автора град гнусных обвинений со стороны Бурцева,—газета „L'Humanité“ в номере от 26-го октября, специально посвященном „Республике Советов“, опубликовала манифест, подписанный 24-мя представителями французской интеллигенции (среди них мы встречаем имена Анатоля Франса, Жоржа Дюгамеля, Жюль Ромэна, Анри Барбюсса), которые единодушно выступают против блокады России, называя ее „неслыханным и ничем не оправдываемым преступлением“; они заявляют, что „не считают возможным поддерживать эту гнусность своим молчанием“ и „протестуют против нее со всей силой своего негодования“. Так цвет всей мыслящей Франции относится к „преступной политике“ Клемансо.

Продажная буржуазная пресса в ответ на все эти выступления продолжает свою нелепую и неумную, лживую и клеветническую кампанию против Советов. Читая эти чудовищные нелепости, буквально не веришь своим глазам, не веришь тому, что все это пишется в Париже, в 1919 году. Вот, например, некоторые из этих прелов: парижский „Times“, „Matin“ и „Journal“ в конце октября сообщали, что „большевики запретили давать новорожденным имена, — вместо этого, будут младенцам даваться номера“. „Общее Дело“ рыцаря печального образа—Бурцева поместило как-то на своих грязных столбцах характеристику Ленина, в которой, между прочим, говорится, что „Ленин в юности своей любил дразнить злых собак, доводя их до того, что они растерзывали друг друга“. Тот же Бурцев, преподносящий своим читателям мнимые письма Гильбо и „тайные большевистские документы“, заявляет, что „Ленин и Троцкий собираются уйти от власти“, что „Советское правительство делает приготовления к бегству в Туркестан“, что „большевики национализуют всех детей“... Наконец, даже известный своей серьезностью „Temps“ в номере от 30-го октября сообщал, что „пролетарки-женщины Петрограда сражаются под Царским Селом под командой китайцев“... Невольно залаешься вопросом: кто это пишет все эти бредни? Тупицы, лицемеры или просто шуты гороховые? Несомненно, люди всех этих трех категорий, и прежде всего тупицы.

В заключение отметим еще одно в высшей степени знаменательное явление современной французской жизни: для защиты свободы союзов и собраний от грубого произвола реакции революционные рабочие Парижа организуют особую „народную гвардию“, в которой многие усматривают зародыш будущей Красной Гвардии...

V.—C.

ИТАЛИЯ.

Положение в Италии носит сейчас ярко революционный характер. Чуть ли не каждый день происходят столкновения между пролетариатом и господствующим классом. Те скудные сведения, которые доходят до нас из Италии, позволяют нам лишь указать на несколько случайных эпизодов великой борьбы, разыгрывающейся в настоящее время на Аппенинском полуострове. В начале октября в Пьяченце была мобилизована вся полиция по случаю всеобщей забастовки сельскохозяйственных рабочих;—в то же время—9-го октября в Кастанизетте, в Сицилии, карабинеры стреляли в крестьян: восемь человек было убито, тридцать ранено. В Фоджий Крестьянская Лига, следуя принципу непосредственного действия, захватила все необработанные земли. 4.500 сельскохозяйственных рабочих с целым обозом в сотню телег, нагруженных сельскохозяйственными орудиями, явились к одному помещику и самым мирным образом экспроприровали его. Разумеется, и здесь немедленно же была применена вооруженная сила: полиция, карабинеры, кавалерия, артиллерия были двинуты против деревенской бедноты, чтобы отнять у нее землю, необходимую ей для существования—и отдать ее обратно помещику-паразиту! Следует заметить, впрочем, что в описываемом случае местный префект заявил, что ожидается опубликование нового закона, который позволит крестьянам обрабатывать необработанные земли частных владельцев. Однако, итальянские крестьяне привыкли не очень то полагаться на такие обещания. Все правительственные репрессии, особенно самые кровавые, лишь ускоряют неизбежный ход событий. Судя по всему, крестьянству придется сыграть видную роль в социальном перевороте в Италии. И единодушные стремления пролетариата городов и деревень служат серьезной угрозой для итальянской буржуазии.

* * *

Вообще, приближение революции чувствуется в Италии с каждым днем все отчетливее. Театральные жесты и пышное красноречие д'Аннунцио могут, пожалуй, увлечь воинствующих националистов и самые темные элементы широких масс, но их влиянию не поддается сознательный пролетариат, руководимый единственной в мире Социалистической Партией, в тяжелую минуту не изменившей делу социализма. На состоявшихся недавно (18 ноября) парламентских выборах Итальянская Социалистическая Партия одержала блестящую победу, удвоив число своих представителей в парламенте: вместо 81 депутата, партия теперь будет иметь в палате 163 депутата. Почти во всех крупных центрах большинство избранных депутатов—социалисты: в Турине всего выбрано 18 депутатов, из которых 11 социалисты, в Мантуе из 5 депутатов 4 социалисты, в Венеции избрано 3 социалиста и 3 несоциалиста, из 8 депутатов Равенны 5 принадлежат к социалистической партии, из 13 депутатов Флоренции 8 социалисты, в Милане 20 депутатов приходится 11 социалистов, в Генуе избрано 6 социалистов и в Риме—4.

Эта победа, представляющая такой яркий контраст с поражением социал-оппортунистов и социал-патриотов во Франции, очевидно, объясняется революционной непримиримостью итальянской партии. И если наши итальянские товарищи—в чем вряд ли может быть сомнение—по-прежнему останутся в тесном контакте с массами, которые с каждым часом все нетерпеливее рвутся к решительным действиям*), то Италия в самом ближайшем будущем вступит в новый период своей истории.

*) Отметим, что в связи с выборами в Милане имели место кропотливые столкновения, в свою очередь послужившие поводом к всеобщей забастовке.

* * *

В Италии издаются следующие коммунистические органы: в Милане выходит два раза в месяц журнал „Comunismo“ („Коммунизм“), редактируемый тов. Серрати; в нем помещаются важнейшие документы Коммунистического Интернационала и статьи Лашчари, Паннекука, Ленина и др. Кроме того, в Болонье издается двухнедельный синдикалистский журнал „La Guerra di Classe“ („Классовая Борьба“), в котором сотрудничает целый ряд видных итальянских товарищей-коммунистов: Луиджи Фабри, Амадо Борги, Энрико Леоне и др.

В.—С.

АНГЛИЯ.

Дефицит и нищета.

Английский капитализм вышел из войны глубоко ослабленный, покрытый ранами, которые через более или менее продолжительное время должны привести его к смерти. Не раз уже государственные деятели Англии выдвигали перед Палатою Общин призрак банкротства. Лорд Аустин Чемберлен, канцлер казначейства (министр финансов), хотя и говорил в заседании 29 октября официально оптимистическим языком, не мог все же скрыть действительной серьезности положения. Англии приходится считаться с дефицитом в 473.000.000 фунтов стерл., не говоря уже о колоссальном возросшем в результате победоносной войны государственном долге. Однако, все благополучно, уверяет министр, и доказывает это такими соображениями: министерство финансов обещает отнюдь не затрагивать прав капитала, обойтись без обложения доходов и даже отказывается притронуться к состояниям новых богачей. Очевидно, дело и на этот раз ограничится каким нибудь новым налогом на средства потребления бедняков? Речь министра привела в хорошее настроение палату, и она отвергла поправку Клайнса, предлагавшего конфискацию имущества, нажитых во время войны, и налог на капитал. На той же неделе,—может быть, это было случайное совпадение—цена на сахар поднялась на один пенни на фунт. Сидней Уэбб, умеренный социалист, следующим образом оценивает положение: надо или прибегнуть к налогу на капитал и на доходы или отказаться от всех проектируемых социальных реформ... Бернард Шоу, говоря об этой финансовой политике, заканчивает свой обзор словами: „это — хозяйничанье, достойное Бедлама (дома умалишенных)“. Сам он видит выход только в национализации крупной промышленности. „Волей — не волей, — говорит он — вам придется примириться с этим“. Можно быть уверенным в том, что, популярнейший из английских социалистов является здесь выразителем мнения широких масс.

Что касается правительства, то оно прибегает к совершенно безнадежным экспериментам. С одной стороны, оно возвещает прекращение всякой помощи генералу Деникину, и этот формальный отказ возбуждает великое недовольство в кругах империалистов. С другой стороны оно прекращает выдачу вспомоществований безработным, которых насчитываются сотни тысяч. 30.000 женщин в Лондоне окажутся предоставленными в жертву самой ужасной нищете. Из всех промышленных городов несутся угрожающие „жалобы безработных“.

К этому краткому перечню колоссальных финансовых трудностей королевства можно еще прибавить 1) неслыханных размеров забастовки (о них мы будем говорить ниже); 2) гражданскую войну в Ирландии; 3) вспыхивающие все снова и снова волнения в Египте; 4) войну на северных границах Индии (где организуется карательная экспедиция против некоторых афганских племен), и, наконец, неразрешимый русский вопрос,—и тогда получится некоторое представление о далеко не блестящем положении английского капитализма.

Муниципальные выборы. — Невмешательство.

Ллойд Джордж не даром все снова и снова заявляет о невмешательстве в русские дела. После съезда в Глазго, после бесчисленных рабочих демонстраций против вмешательства, муниципальные выборы дали еще один повод массе избирателей высказаться с недопускающей сомнения ясностью по этому вопросу. Громадному успеху социалистов на этих выборах невозможно приписывать только местное значение. Избиратели, разумеется, не имеют в виду приступить к социалистическому строительству в муниципальных рамках. Выборы эти скорее имели характер демонстрации и почти открытого протеста против финансовой политики правительства и против его политики в русском вопросе... Знаменательно, например, что Трудовая Партия (Labour Party), не получившая на муниципальных выборах в 1912 году большинства ни в одном муниципальном совете, на этот раз получила большинство в 13 лондонских советах (Депфорд, Вулич, Шордиш, Кэмберуэл, Гринич, Батерси, Ислингтон, Саусуэк и т. д.). Она завоевала в Лондонском графстве 182 новых мест, тогда, как местные реформисты потеряли 130, а прогрессисты — 65 мест. Так же значительны победы социалистов в Ливерпуле, в Манчестере, в Бирмингеме.

И эта избирательная победа социалистов, выступавших с лозунгом „Руки прочь от рабочей России!“ была одержана всего лишь через несколько дней после двусмысленной речи Ллойд Джорджа (публично уличенного во лжи Буллитом) о невмешательстве в русские дела. „Мы не можем бесконечно финансировать гражданскую войну в России“ — таков был в общем смысл его речи. Ему подпевают хором Дональд Маклин и лорд Роберт Сесиль: „Нельзя вести войну с теоретическими воззрениями“, „активное вмешательство бесполезно“ (18 ноября). Таймс оплакивал на другой день после речи Ллойд Джорджа „вступление премьера на путь к Принцевым островам“. Все дело, конечно, в том, что рабочие манифестации в Англии и победы Красной армии на всех фронтах в России способствуют все большему и большему прояснению взглядов премьера. 21 ноября он уже заметил, что „легально обоснованной“ блокады России никогда не было, и опубликовал официальное заявление, что вопрос о вторичной отправке английского флота в русские воды весною вовсе не ставится.

Всеобщая забастовка железнодорожников.

Всеобщая забастовка на железных дорогах, которой так боялись английские капиталисты, разразилась в последние числа сентября и закончилась в начале октября. Мы считаем необходимым остановиться несколько подробнее на этих событиях, хотя сведения о них дошли до нас с некоторым запозданием. 27-го сентября, в час пятьдесят минут, Министерство Путей Сообщения опубликовало извещение о полной забастовке на всех железнодорожных дорогах Англии. Подземная железная дорога в Лондоне также прекратила движение. Эта внезапная полная забастовка парализовала всю жизнь страны. Перед объявлением забастовки железнодорожники послали ультиматум, дававший правительству срок в несколько часов для исполнения всех требований железнодорожников (как известно, в числе этих требований было также требование национализации железных дорог). Последствия этой забастовки были потрясающие. 27-го же сентября пришлось закрыть несколько заводов в Вольвергемптоне из-за недостатка топлива. Предприниматели металлургической промышленности заявляли, что в течение недельного срока по той же причине остановится работа на всех машиностроительных заводах. В Лондоне население немедленно же было переведено на паек, как во время войны: 400 грамм хлеба на человека в день, — 400 грамм мяса на неделю... В одном только Уэльсе число неработающих в производствах, затронутых забастовкой, превысило 400.000. Прибавим, что громадное большинство этих рабочих (углекопы, жеста

ники, докеры, шоферы автомобилей и омнибусов в Лондоне, транспортные рабочие, рабочие электрической промышленности) обнаруживали явное стремление присоединиться к железнодорожникам.

Забастовка могла превратиться во всеобщую, — для этого достаточно было, чтобы этого пожелали вожди рабочего класса.

Значение этой всеобщей забастовки было бы колоссально. Она была бы началом конца для буржуазной Англии, первым актом революции. Корреспондент французской газеты „Le Journal“ писал, что в случае всеобщей забастовки „битва будет, почти на верное, проиграна партией порядка“...

Роберт Смилли не скрывал, что „среди трэд-юнионистов стремление к всеобщей забастовке становилось настолько сильным, что оказалось бы, пожалуй, невозможным обуздать его“...

Таким образом, громадное большинство рабочих желало решительной битвы, но и на этот раз оробевшие вожди дрогнули и отступили! В тот самый день, когда на конференции в Кэкстон-Холле (отчет о прениях на этой конференции — не был опубликован) почтово-телеграфные чиновники, печатники и рабочие сталелитейных заводов, электрической промышленности, федерация работников и т. д. обсуждали вопрос о том, в какой форме проявить свое сочувствие железнодорожникам, Ллойд Джордж заявил, что он „не желает вступать в переговоры, пока железнодорожники не приступят снова к работе“. Растерявшись при виде неожиданной смелости и стойкости железнодорожников, премьер надедел целый ряд поразительных промахов. Он заявил, что забастовка эта плод „анархистского заговора“, что она — „преступление против общества“. И он распорядился, чтобы по улицам ходили патрули, отряды солдат, вооруженных винтовками с прижатыми штыками. В Ньюпорте, в Суанси и в др. местах передвижение больших масс войск привело население в такое негодование, что рабочие различных производств заявили, что присоединятся к забастовке при первом же вмешательстве вооруженной силы. Даже военный флот был переведен в те порты, где происходила забастовка. Никогда еще не было продемонстрировано с такой очевидностью, насколько армия в руках правящих классов является орудием для борьбы против народа. Д. Г. Томас, вождь железнодорожников — он отнюдь не принадлежит к числу крайних — заявил (30-го сентября), что „ответственность за наступающую революцию падет на тех, кто ее провоцирует“. — Это были по истине трагические дни для английского капитализма! К сожалению, в рамках этой заметки мы лишены возможности дать мало-мальски подробную картину этих дней.

Таким образом, факты говорят за то, что Англия в эти дни, от 26 сентября до 5 октября (приблизительно) была на волоске от революции. Если бы у английского пролетариата были вожди, достойные его, или если бы он умел обойтись совсем без них, — то в настоящее время английский пролетариат был бы, пожалуй уже свободен, был бы победителем. Но и на этот раз все эти Смилли, Томасы, Крэмпы, оказывающие поддержку британскому капитализму, вышли сухими из воды... Забастовка, спустя дней десять, прекратилась. Правительство, ставшее возобновление работ непременным условием переговоров, формально добилось своего. По вопросу о заработной плате переговоры будут вестись до 31 декабря. Экономические требования рабочих будут удовлетворены. Ни один из забастовщиков не будет расчитан, забастовочное время будет оплачено, в правления железных дорог войдут представители от рабочих и от населения и т. д., и т. д.

По нашему мнению, значение этой великой битвы заключается, главным образом, в том, что английский пролетариат наконец, произвел пробу своих сил. Теперь ему должно быть ясно, чего он может достигнуть решительными массовым выступлением.

Революционное брожение в Ирландии и в Египте.

Силы английской империи истощаются от двух ран — Ирландии и Египта. В этих странах революционное брожение длится уже месяцы и годы с редкими перерывами спокойствия, необходимыми для подготовки новых попыток восстания.

26-го октября шесть главнейших син-фейнеров бежали из Манчестерской тюрьмы. Этот романтический побег был возможен лишь при соучастии множества лиц, и это доказывает, какой атмосферой деятельного сочувствия окружены ирландские мятежники даже тогда, когда они находятся в руках своих врагов. Того же самого числа рабочие союзы Дублина решили в принципе ответить всеобщей забастовкой на отказ правительства в разрешении вернуться в Ирландию нашему товарищу Джиму Ларкину, находящемуся в настоящее время в Америке. Открыто готовящаяся вооруженное восстание, син-фейнеры решили силой добыть себе оружие. Ежедневно группы замаскированных людей нападают на полицейские участки, на оружейные склады, на караульные помещения и даже на суда королевского флота с целью захвата оружия. Приведем несколько фактов. 28 октября подверглись нападению две казармы в Дублине, после чего была перестрелка на улицах. — 30 окт. в Мисе был убит один полицейский. — 16 ноября в Корке были обезоружены матросы военной моторной лодки. — Того же числа было произведено нападение на радио-станцию в Минна Гори, мятежники захватили аппараты беспроводного телеграфа. — В Нокнэгри замаскированные лица захватили 20.000 фунтов стерлингов казенных денег. — Недалеко от Бойля произошла перестрелка между син-фейнерами и полицией. — 20 ноября в Корке разграблен склад оружия. — 19-го в Дрогеде разорвались на улицах две бомбы. — Прим доводит до сведения судебной комиссии в Дублине, что за последние три месяца убиты сыщик и констебль, произведено 11 вооруженных налетов и 167 других нападений, не считая случаев воровства.

* * *

Английские газеты сообщают лишь отрывочные и неясные сведения о чрезвычайно серьезных волнениях в Египте. Но даже эти сведения говорят весьма красноречивым языком. 24 октября была разогнана стрельбой из пулеметов мирная демонстрация на улицах Александрии. 1-го ноября „порядок восстановлен“ в Александрии: насчитывают 10 убитых, железнодорожники угрожают забастовкой. Следующие дни отмечены стачкою извозчиков и посыльчиков в Каире и в Александрии; это привело к расстройству транспорта хлопка. Далее, сообщается о студенческих беспорядках. В течение двух недель идут непрерывные волнения с разграблением лавок и с кровавыми усмирениями. 18-го ноября в Каире толпою разгромлен полицейский участок. В уличных столкновениях убито 9 человек. Пришлось прибегнуть к помощи английских войск. Столица охвачена волнением. Для выяснения причин революционного брожения в Египте назначена комиссия под председательством лорда Мильнера. 25-го октября комиссия эта на улицах египетской столицы была встречена свистом и градом камней. На улицах Александрии были построены баррикады, которые пришлось подвергнуть обстрелу. Разумеется, комиссия Мильнера не излечит безысходную нищету феллахов. Безжалостная эксплуатация колоний английским империализмом может быть уничтожена только восстанием эксплуатируемых. И трудящиеся массы в колониях начинают понимать это.

В.—С.

„КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА“

(май—декабрь 1919 г.)

I. Манифесты и воззвания.		№ стр.		№ стр.	
Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира	I, 5	Гильбо, Анри. Третий Интернационал и задачи франц. пролетариата	I, 65	— От Брест-Литовска до Версаля	III, 341
Да здравствует первое мая! Воззвание Исп. Ком. Комм. Интерн. к пролетариату всего мира	I, 21	— Из документов Шарля Дюма	IV, 479	— Влияние октябрьской революции на франц. пролетариат	VI, 795
Долой версальский мир! Воззв. Исп. Ком. Комм. Инт. к трудящ. всего мира	II, 149	Троцкий, Л. Великое время	I, 69	— Письмо к французским товарищам	V, 611
К трудящимся всех стран. Воззвание Исп. Ком. Комм. Инт.	III, 277	— Октябрьская революция	VI, 775	— Жан Лонгэ	VII-VIII, 969
К рабочим всех стран (Кровавая расправа над венгерскими рабочими). Воззв. Исп. Ком. Комм. Интерн.	VII-VIII, 1115	Паннекук, А. Новый мир	II, 159	Панкхёрст, Э. С. Новая война	II, 165
К французским рабочим. Воззв. Исп. Ком. Комм. Интерн.	VII-VIII, 1117	— Рабочие и Лига Народов	III, 289	— Рабочие и социал-предатели в Англии	IV, 461
К рабочим всех стран от Комм. Интерн. (К годовщине убийства К. Либкнехта и Розы Люксембург). Воззв. Исп. Ком. Комм. Интерн.	VII-VIII, 1119	— Италия и революция	VII-VIII, 975	Хеглунд, Э. Интернационал действия	II, 187
				— Когда мы мертвые проснемся	VII-VIII, 949
				Мюнх. Е. Программные вопросы в швейцарской партии	II, 189
				— За Третий Интернационал	V, 653
				Редиг, В. Советская республика в Баварии	II, 193
				Альпари, Ю. Ход революции в Венгрии	II, 197
				Варга, Е. Коммунистическая Венгрия	II, 199
				Цеткина, К. В защиту Розы Люксембург	II, 201
				— Да здравствует III социалист. Интернационал	III, 283
				— Роза Люксембург	V, 597
				Мануильский, Д. Современное положение во Франции	II, 205
				Виктор, А. Письма о Франции. Письмо первое	II, 215
				Луначарский, А. Народное образование в Советской России. Гл. I	II, 217
				— Народное образов. в Советской России то же (продолжение)	IV, 493
				— Советская власть и памятники старины	VII-VIII, 1071
				Гортер, Г. Мировая революция	III, 297
				Маклин, Дж. Положение углекопов	III, 305
				Милютин, В. Эконом. программа коммунистов	III, 307
				— Два года экономической диктатуры пролетариата в России	VII-VIII, 1059
				Хевеши, Ю. Эконом. революция в Венгрии	III, 315
				Милкич, И. Социализм в Сербии	III, 319
				Стучка, П. Пять месяцев Советской Латвии	III, 327
				Блонина, Е. Перспективы революции во Франции	III, 333
				Фор, П. Демократия и большевизм	III, 339
				М. Володарский	III, 349
				Мархлевский, Ю. (Карский). Памяти Розы Люксембург и Льва Иогицеса	III, 353
				— Что будет с Германией?	V, 621
				— Польша и мировая революция	VI, 847
				— то же (окончание)	VII-VIII, 1035
				Ретгерс, С. Каутский-Вильсон	IV, 469
				— Лига Наций и малые народы	VI, 843
				— Америка и русская революция	VII-VIII, 999
				Тимирязев, К. Пророчество Байрона о Москве	IV, 483
				— Русский англичанину об интервенции	VI, 811

II. Статьи.

Горький, М. Вчера и сегодня	I, 29
— Две культуры	II, 171
— Замечательная книга	III, 301
— Интернационал Интеллигенции	VII-VIII, 1077
Ленин, Н. Третий Интернационал и его место в истории	I, 31
— Привет венгерским рабочим	II, 155
— Герон Бернского Интернационала	II, 175
— О задачах III Интернационала	IV, 447
— Как буржуазия использует ренегатов	V, 601
— Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата	VI, 889
— Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата	VII-VIII, 953
Зиновьев, Г. Перспективы пролетарской революции	I, 37
— Социал-демократы как орудие реакции	II, 181
— Франц Меринг	III, 345
— Две даты	IV, 437
— Обвинительный акт против Второго Интернационала	V, 617
— Русская революция и международный пролетариат	VI, 773
— Интернационал умирающий и Интернационал восходящий	VII-VIII, 1009
Рудаш, Л. Пролетарская революция в Венгрии	I, 45
Балабанова, А. Привет итальянским товарищам	I, 53
— Октябрьская революция и политические забастовки в Западной Европе	VI, 799
Альберт, М. Привет первому номеру „Коммунистического Интернационала“	I, 59
Грубер, К. Последний этап	I, 59
Платтен, Ф. Третий Интернационал	I, 61
Садуть, Ж. Третий Интернационал и Франция	I, 62
— Долг западно-европейского пролетариата	IV, 473
— Дух революции	VI, 793
— К рабочим и крестьянам Франции	VII-VIII, 989

	№	стр.
Бухарин, Н. Диктатура пролетариата в России и мировая революция . . .	IV,	487
то же (окончание)	V,	615
Дечев. Тесняки—болгарская коммунистическая партия	IV,	499
Роланд Хольст, Г. Большевики и их деятельность	V,	629
Руднянский, А. Професс. союзы и контр-революция в Венгрии	V,	637
Прайс, М. П. Германско-польский вопрос в Зап. Пруссии и мирные условия союзников	V,	645
Лорно, Ф. „Наш кризис“	V,	647
Революция или эволюция	VI,	897
Блан, А. Довольно колебаний!	V,	651
Томский, М. Очерки профес. движения в России	V,	657
то же (продолжение)	VI,	859
Е. К. „Субботники“	V,	669
Фридрих Адлер пугает австр. буржуазию, но ей совсем не страшно	V,	671
Иоффе, А. Первое пролетарское правительство	VI,	777
Чичерин, Г. Междунар. политика двух интернационалов	VI,	817
Рязанов, Н. Основание Первого Интернационала	VI,	829
Кон, Ф. Polonia militans	VI,	839
Крестинский, П. Потребительская кооперация в России	VI,	873
Крицман, Л. Самодержавие пролетариата на фабрике	VI,	881
Цыперович, Г. Интернационал Професс. Союзов	VII-VIII,	983
Росмер, А. Рабочий конгресс в Глазго	VII-VIII,	995
Гейер, К. Германская Независимая Социал-демократическая Партия и диктатура пролетариата	VII-VIII,	1003
Рид, Дж. Революционное движение в Америке	VII-VIII,	1017
Арбори-Ралли, Е. Социалистическое движение в Румынии	VII-VIII,	1023
Быстрянский, В. Терроризм и Коммунизм	VII-VIII,	1049
Заслуженный урок (обмен телеграммами между Коном-Ледебуром и Чичериним)	VII-VIII,	1079

III. Документы Интернационального Коммунистического Движения.

1) ПИСЬМА И ОБРАЩЕНИЯ.

Письмо Лорно Бернскому желтому Интернационалу. I,	71	
На смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург (воззвание спартаковцев)	I,	73
Обращение Сербской Социал-демократической Партии к Коммунист. Интернационалу	I,	77
Письмо т. Бела-Куна т. Ленину	II,	221
Письмо т. Бела-Куна т. Игнатию Богару	II,	223
К отказу итальянской соц.-дем. партии участвовать в бернской конференции (письмо т. Моргари)	II,	229
Завешание Карла Либкнехта	IV,	513
Воззвание французских социалистов	IV,	515
Воззвание к рабочим стран Согласия	IV,	516
К рабочим, солдатам и морякам Англии, Франции, Америки, Италии, Швеции, Финляндии, Эстляндии и Сербии	IV,	519
Резолюция петроградских митингов (обращение к рабочим Франции, Англии и Италии по вопросу о вмешательстве)	IV,	521

	№	стр.
Г. Зиновьев. Открытое письмо Фридриху Адлеру	IV,	521
Письмо съезда финляндской коммунист. партии	V,	695
Обращение к рабочему пролетариату Европы	V,	695
Резолюция III-го съезда украинской федерации Америк. Соц. Партии	V,	700
Н. Ленин. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам	VI,	907
Воззвание Западно-Европ. Секретариата Коммунистического Интернационала	VII-VIII,	1099
Воззвание Германской Коммунистической Партии	VII-VIII,	1101
Воззвание венгерских коммунистов	VII-VIII,	1105
Воззвание Датской Соц. Раб. Партии	VII-VIII,	1107
От Ц. К. Соц. Раб. Партии (коммунистов) Югославии	VII-III,	1110
В Исп. Ком. Комм. Интерн. (обращение Ц. К. У. К. П.)	VII-VIII,	1111
Резолюция Нем.-Австрийск. Коммунистической Партии	VII-VIII,	1112
Резолюция съезда Германск. Независим. С.-Д. Партии	VII-VIII,	1113
Заявление Американской Комм. Партии о присоединении к III Интернационалу	VII-VIII,	1113
Привет II съезда Мусульманск. Коммунист. организаций	VII-VIII,	1114
Приветствие Симб. Губ. Конф. Татарск. Коммунист. Организац.	VII-VIII,	1114

2) ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Италия.

Присоединение итальянских социалистов к Коммунист. Интернационалу	I,	79
Итальянская соц. партия и III Интернационал	III,	366
Резолюция Болонского съезда итальянской социалистической партии	VI,	915

Голландия.

Присоединение голландских социалистов к Коммунист. Интернационалу	I,	80
---	----	----

Венгрия.

Заявление делегатов венгерской коммунистической партии	I,	80
Текст соглашения, состоявшегося в будапештской тюрьме между коммунист. и социал-демокр. партиями Венгрии	II,	237

Франция.

✓ Программа комитета по восстановлению международных сношений	II,	231
✓ Французское социалистическое меньшинство о большевизме (резолюция Фроссара, Фора, Верфейля и Лорно)	II,	235

Ирландия.

Приветствие ирландских революционеров	II,	237
---	-----	-----

Болгария.

Присоединение к Коммунистическому Интернационалу болгарской соц.-дем. партии	III,	365
Програмная декларация болгарской коммунистической партии	IV,	503
Резолюция съезда болгарской комм. партии о положении в Болгарии	V,	689

Швеция.

Присоединение шведской соц.-дем. партии к Коммунист. Интернационалу	III,	365
Резолюция шведской левой социал-демокр. партии	V,	697

	№	стр.
Норвегия.		
Присоединение норвежской соц.-дем. партии к Коммунистическому Интернационалу	III,	365
Письмо И. К. норвежской рабочей партии	V,	695
Америка.		
Американская социалист. партия и III Интернационал	III,	367
Основание коммунистической партии в Америке (речи тт. Райта и Зиновьева)	VI,	917
Англия.		
Социализм в Англии (письмо к Ленину и ответ его)	V,	681
Присоединение Брит. Соц. Партии к III Интернационалу	VII-VIII,	1114
Швейцария.		
Проекты резолюций швейцарских организаций	V,	698
Постановление съезда Швейцарской Соц.-Дем. партии	V,	699
Финляндия.		
Вступление финских рабочих в коммунистический Интернационал (резолюция партийного съезда)	V,	700
Польша.		
Постановление Центр. К. Польск. Коммунист. Партии	V,	701
Эльзас-Лотарингия.		
Съезд социалистической партии Эльзас-Лотарингии	V,	701
Туркестан.		
Резолюция конференции мусульманских коммунистов Туркестана	V,	702
Бернская конференция.		
Отклики на бернскую конференцию (статья Э. Перика)	III,	367
Отзывы интернациональных социалистов о бернской конференции	III,	370
„Avanti“ о бернской конференции	III,	372
IV. Корреспонденции Коммунистического Интернационала.		
Письмо из Чехии	IV,	525
Революционное движение в Италии (отрывок из письма)	IV,	527
Фабрис, Ж. Письмо из Франции	V,	675
Н. Из Англии	V,	679
Уолтер, Дж. Письмо из Америки	V,	901
Французский коммунист. Письмо из Франции	VII-VIII,	1083
Ар. Письмо из Германии	VII-VIII,	1085
Н. Н. Письмо из Югославии I	VII-VIII,	1095
В. Г. Письмо из Югославии II	VII-VIII,	1096
V. Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.		
Воззвание рабочим и солдатам всех стран (о венгерской советской республике)	I,	81
Письмо Исп. Ком. Коммунист. Интернационалу	I,	83
Обращение Исп. Ком. Коммунист. Интернационалу по поводу похода на Венгрию	II,	239
Приветствие съезду социалистической партии Венгрии	III,	373

	№	стр.
Приветствие Исп. Комитета Баварским коммунистам	I,	84
Новое зверство социал-демократ. правительства Германии (о расстреле тов. Тышко)	I,	85
К убийству Розы Люксембург (обращение к коммунист. партии Германии)	III,	375
Съезду шведских товарищей	III,	241
Приветствие коммунистам Словакии	III,	374
Съезду итальянской социалист. партии в Болонье	V,	707
Письмо съезду финляндск. социал-дем. партии	V,	709
Как буржуазия борется против Коммунистического Интернационала	II,	240
Организациям пролетарской молодежи всего мира	II,	241
Бойкот Желтого Интернационала (к рабочим всех стран)	IV,	529
К рабочим стран Согласия. Международная забастовка сорвана, да здравствует международная забастовка!	IV,	533
К пятилетию со дня убийства Жореса	IV,	537
К постановке памятника Жоресу	V,	710
К пролетариям всего мира	IV,	541
Парламентаризм и борьба за Советы (циркулярное письмо И. К. Коммунист. Интернационала)	V,	707
К пролетариям всех стран	VI,	923
Приветствие Скандинавскому конгрессу коммунистов и левых социалистов	VII-VIII,	1122
К рабочим и крестьянам Украины	VII-VIII,	1121
Коммунистический Интернационал об украинских партиях	VII-VIII,	1125

VI. Постановления Первого Съезда Коммунистического Интернационала.

(См. содержание I номера).

VII. Доклады делегатов на Первом Съезде Коммунистического Интернационала.

(См. сод. II, III и IV ном.).

VIII. Герои и мученики пролетарской революции.

Евгений Левинэ	IV,	543
К. В. И. Памяти Евгения Левинэ	VI,	925
Биография тов. Урицкого	IV,	547
Луначарский, А. Из личных воспоминаний	IV,	579
Бухарин, Н. Тибор Самуэли	IV,	711
Зиновьев, Г. Леон Тышко (Иогихес)	V,	713
Цеткина, К. Карл Либкнехт	V,	715
Сафаров, Г. Николай Толмачев	VI,	927
Ю. Судебный отчет по делу об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург	V,	715
Б. Преследование социалистов в Америке	V,	717
32 расстрелянных	V,	719
Вечная память погибшим венгерским коммунистам	VII-VIII,	1128
* * * В. О. Лихтенштадт-Мазин	VII-VIII,	1131
Балабанова, А. Евгений Мюнх.	VII-VIII,	1135

IX. Интернационал коммунистической молодежи.

(см. сод. V)

Х. Отчеты и Хроника.

	№	стр.
Болгария.		
Джоров, Ст. Болгария и Империализм . . .	I,	127
Деятельность социал-демократии (тесняков) в Болгарии	V,	743
Галиция.		
Корф, А. Галиция между двумя советскими республиками	I,	129
Германия.		
Гордон, Дж. Последняя известия из Германии	I,	130
Кеннет, Г. Развитие германской революции Ю. Германия	III,	405
	VI,	934
Швейцария.		
Картины, А. Революционное движение в романской Швейцарии	I,	131
Ю. и Н. I. Швейцария	V,	764
Арест Фридриха Платтена	I,	138
Финляндия.		
Сирола. Социальное движение в Финляндии — Финляндия	I,	132
	II,	262
Франция.		
✓ Виктор-Серж. Настроение французского пролетариата	I,	134
✱ — Письмо Верфейля	I,	138
✱ — Франция	II,	255
✱ Картины, А. Франция	III,	400
✱ — Франция	IV,	571
✱ В. С. Франция	VI,	936
✱ Франция	VII-VIII,	1175
Англия.		
Англия	I,	136
Великобритания	II,	256
Ф. Англия	III,	397
А. М. Англия	IV,	565
А. М. Англия	V,	757
Ю. и В. С. Англия	VI,	929
В. С. Англия	VII-VIII,	1182
Бельгия.		
В. М. и С. Бельгия	I,	136
Испания.		
В. М. и С. Испания	I,	136
Ю. Испания	V,	763
Швеция.		
В. М. и С. Швеция	V,	137
— Швеция	II,	201
Б. Швеция	V,	759
Дания.		
В. М. и С. Дания	I,	137
— Дания	II,	263
Норвегия.		
В. М. и С. Норвегия	I,	137
— Норвегия	II,	262
Б. Норвегия	V,	761

	№	стр.
Италия.		
Италия	II,	260
М. Италия	V,	762
В. С. Италия	VII-VIII,	1180

	№	стр.
Америка.		
Соедин. Штаты Америки	II,	255
А. М. Америка	IV,	567
Ю. и А. М. Америка	V,	752
В. С. Америка	V,	939
Социальная революция перед судом (преследование союза „Industrial Workers of the World“)	II,	267
А—н. Коммунистическая партия в Америке	VII-VIII,	1167
— Революционное движение в Канаде	IV,	569

	№	стр.
Советская Россия.		
Горький М. Советская Россия и народы мира	I,	139
Х. Професс. союзы и комиссариат труда в Сов. Россия	III,	409

	№	стр.
Эстляндия.		
М. Л. В Эстляндии	V,	747
Эмигрант. Професс. движение в Эстляндии	V,	750

	№	стр.
Чехо-Словакия.		
Руднянский, А. Словацкая Советская Республика	III,	404

	№	стр.
Венгрия.		
Габор, М. Доклад о падении Советской власти в Венгрии	VII-VIII,	1159

	№	стр.
Австрия.		
Австрийский Коммунист. Отчет о коммунистическом движении и об общем политическом положении в Немецкой Австрии	VII-VIII,	1153

	№	стр.
Корея.		
Пак, Дж. Социалистическое движение в Корее	VII-VIII,	1171

	№	стр.
Люцернская конференция.		
Люцернские акробаты (отчет о первом заседании желтого Интернационала)	IV,	573

	№	стр.
Первое мая на Западе.		
Берзин, А. (Винтер)—Праздник международной солидарности	III,	402

XI. Из Международной Коммунистической Печати.

(см. сод. VII-VIII номера).

XII. Библиография.

В. М. Библиография	I,	141
В.—С. Ренэ Маршан. Почему я стал на сторону соц. революции	III,	415
Быстрицкий, В. Процесс Карла Либкнехта. Отец народничества о рабочей революции (Н. Л. Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871)	I,	577
Денежная помощь Коммунистическому Интернационалу	VII-VIII,	1126

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ, ОТЧЕТОВ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ДОКЛАДОВ,

помещенных в №№ 1—7/8 „Коммунистического Интернационала (май—декабрь 1919 г.).

	№	стр.		№	стр.
Австрийский коммунист. Отчет о коммунистическом движении и об общем положении в Нем. Австрии (отчеты и хроника) . . . . . VII-VIII, 1153			Гортер, Г. Мировая революция (глава из новой книги). . . . . III, 297		
А. М. Англия — (отчеты и хроника) III, 379. IV, 565. V, 757			Горький М. Вчера и сегодня. . . . . I, 29		
— Америка. Революционное движение в Канаде . . . . . IV, 567, 569. V, 759			— Советская Россия и народы мира (Отчеты и хроника) . . . . . I, 139		
Альберт, М. Привет первому номеру „Коммунистического Интернационала“. . . . . I, 59			— Две культуры . . . . . II, 171		
— Доклад на I-м съезде Коммунистического Интернационала . . . . . II, 243			— Замечательная книга („В огне“ Анри Барбюсса) . . . . . III, 301		
Альпари, Ю. Ход революции в Венгрии . . . . . II, 197			— Интернационал интеллигенции . . . . . VII-VIII, 1077		
А—и. Коммунистическая партия в Америке (отчеты и хроника) . . . . . VII-VIII, 1167			Гримпунд, О. Доклад на I-м съезде Коммунистического Интернационала . . . . . III, 393		
Ар. Письмо из Германии . . . . . VII-VIII, 1085			Грубер, К. Последний этап . . . . . I, 59		
Арбори-Ралли, Е. Революционное движение в Румынии . . . . . VII-VIII, 1023			— Доклад на I-м съезде Коммунист. Интерн. III, 377		
Б. Преследование социалистов в Америке . . . . . V, 717			Дечев. Тесняки—болгарская коммунистическая партия . . . . . IV, 499		
— Швеция . . . . . V, 759			Джоров. Болгария и империализм (отчеты и хроника) . . . . . I, 127		
— Норвегия . . . . . V, 761			Е. К. „Субботники“ . . . . . V, 669		
Балабанова, А. Привет итальянским товарищам . . . . . I, 53			Зиновьев, Г. Перспективы пролетарской революции . . . . . I, 37		
— Октябрьская революция и политические забастовки в Зап. Европе . . . . . VI, 199			— Социал-демократия как орудие реакции . . . . . II, 181		
— Евгений Мюнх . . . . . VII-VIII, 1135			— Доклад на I-м съезде Коммунистического Интернационала . . . . . II, 249		
Бела Кун. Письмо товарищу Ленину . . . . . II, 221			— Две даты . . . . . IV, 437		
— Игнатию Богару . . . . . II, 223			— Открытое письмо Фридриху Адлеру . . . . . IV, 521		
Берзин (Виктор). Праздник международной солидарности (Первое мая на Западе) . . . . . III, 402			— Обвинительный акт против Второго Интернационала . . . . . V, 617		
Блан, Ал. Довольно колебаний! . . . . . V, 651			— Франц Меринг . . . . . III, 345		
Блонина, Б. Перспективы революции во Франции . . . . . III, 333			— Леон Тышко (Иогихес) . . . . . V, 713		
Бухарин, Н. Диктатура пролетариата в России и мировая революция . . . . . IV, 487.			— Русская революция и международный пролетариат . . . . . VI, 781		
— Тибор Самуэли . . . . . V, 711			— Основание коммунистической партии в Америке (речь) . . . . . VI, 920		
Быстрянский В. Процесс Карла Либкнехта (Библиография) . . . . . III, 415			— Интернационал умирающий и Интернационал восходящий . . . . . VII-VIII, 1009		
— Отец народничества о рабочей революции (П. Л. Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г.). (Библиография) . . . . . IV, 577			Иоффе, А. Первое пролетарское правительство . . . . . VI, 777		
— Терроризм и Коммунизм . . . . . VII-VIII, 1049			Картинь, А. Революционное движение в романской Швейцарии (отчеты и хроника) . . . . . I, 131		
Варга, Е. Коммунистическая Венгрия . . . . . II, 199			— Франция (отчеты и хроника) . . . . . III, 400		
Верфейль, Р. Письмо (отчеты и хроника) . . . . . I, 138			— Франция (отчеты и хроника) . . . . . IV, 571		
Виктор, А. Письма из Франции. Письмо первое . . . . . II, 213			Кеннет, Г. Развитие германской революции . . . . . III, 405		
Виктор-Серж. Настроение французского пролетариата (отчеты и хроника) . . . . . I, 134			Кон, Ф. Polonia militans . . . . . VI, 839		
В. М. и С. Хроника революционного движения (отчеты и хроника) . . . . . IV, 136			Корф, А. Галиция между двумя советскими республиками . . . . . I, 129		
В. М. Библиография . . . . . I, 141			Крестинский, Н. Потребительская кооперация в России . . . . . VI, 873		
В. С. Библиография. (Ренэ Маршан. Почему я стал на сторону социальной революции) . . . . . III, 415			К. В. И. Памяти Евгения Левинэ . . . . . VI, 925		
— Франция (отчеты и хроника) . . . . . VI, 936			Крицман, Л. Самодержавие пролетариата на фабрике . . . . . VI, 881		
— Америка . . . . . VI, 939			Ленин, Н. Третий Интернационал и его место в истории . . . . . I, 31		
— Франция . . . . . VII-VIII, 1175			— Тезисы буржуазной демократии и пролетарской диктатуры . . . . . I, 95		
— Италия . . . . . VII-VIII, 1180			— Привет венгерским рабочим . . . . . II, 155		
— Англия . . . . . VII-VIII, 1182			— Герои Бернского Интернационала . . . . . II, 175		
Габор, М. Доклад о падении Сов. власти в Венгрии (отчеты и хроника) . . . . . VII-VIII, 1159			— О задачах Третьего Интернационала . . . . . IV, 447		
Гильбо, Анри. Третий Интернационал и задачи французского пролетариата . . . . . I, 65			— Как буржуазия использует ренегатов . . . . . V, 601		
— От Брест-Литовска до Версаля . . . . . III, 341			— Ответ английскому товарищу. (Письма „Социализм в Англии“) . . . . . V, 681		
— Из документов Шарля Дюма . . . . . IV, 479			— Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата . . . . . VI, 889		
— Влияние октябрьской революции на франц. пролетариат . . . . . VI, 795			— Привет итальянским, французским и немецким коммунистам . . . . . VI, 907		
Гордон, Дж. Последние известия из Германии (отчеты и хроника) . . . . . I, 130			— Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата . . . . . VII-VIII, 953		
			Лорно, Ф. „Нац кризис“ . . . . . V, 647		

	№	стр.		№	стр.
Лорио, Ф. Письмо Бернскому желтому Интернационалу	I,	71	Рывкин (О. Скар). Коммунистическое движение молодежи в России	V,	725
— Революция или эволюция	VI,	897	Рязанов, Н. Основание Первого Интернационала	VI,	829
Луначарский, А. Народное образование в Советской России	II,	217	Сафаров, Г. Николай Толмачев	VI,	927
— Народное образование в Советской России	IV,	493	Садуть, Ж. Третий Интернационал и Франция	I,	62
— Из личных воспоминаний	IV,	549	— Доклад на 1-м съезде Коммунистического Интернационала	III,	381
— Советская власть и памятники старины VII-VIII, 1071			— Долг западно-европейских пролетариев	IV,	473
М. В. Володарский (1891—1918)	III,	349	— Дух революции	VI,	793
М. Л. В Эстляндии (отчет о положении)	V,	747	— К рабочим и крестьянам Франции	VII-VIII,	989
М. Италия (отчет о положении)	V,	762	Сирола, И. Социальное движение в Финляндии (отчеты и хроника)	I,	132
Маклин, Дж. Положение углекопов	III,	305	— Доклад на 1-м съезде Коммунистического Интернационала	III,	323
Мануильский, Д. Современное положение во Франции (наблюдения и впечатления)	II,	205	Станге Доклад на 1-ом съезде Коммунистического Интернационала	II,	253
Мархлевский, Ю. (Карский). Что будет с Германией	V,	621	Стучка П. Пять месяцев Советской Латвии	III,	327
— Памяти Розы Люксембург и Льва Иогихеса (из личных воспоминаний)	III,	353	Т. Общескандинавский конгресс рабочей молодежи	V,	733
— Польша и мировая революция	VI,	847	Тимирязев К. Пророчество Байрона о Москве (историческая справка)	IV,	483
— то же (окончание)	VII-VIII,	1035	— Русский англичанину об интервенции	VI,	811
Милкич, И. Социализм в Сербии	III,	319	Томский М. Очерки профессионального движения в России	V,	657
— Доклад на первом съезде коммунистического интернационала	IV,	555	— то же (продолжение)	VI,	859
Милютин, В. Экономическая программа коммунистов	III,	307	Троцкий Л. Великое время	I,	69
— Два года экономической диктатуры пролетариата в России	VII-VIII,	1059	— Доклад на 1-ом съезде Коммунистического Интернационала	III,	385
Моргари. К отказу итальянской социалистической партии участвовать в Бернской конференции	II,	229	— Письмо к французским товарищам	V,	611
Мюнх, Евг. Программные вопросы в швейцарской партии	II,	189	— Октябрьская революция	VI,	775
— За третий Интернационал	V,	653	— Жан Лонгэ	VII-VIII,	969
Н. Н. и В. Г. Письма из Югославии	VII-VIII,	1091	Уолтер, Дж. Письмо из Америки	VI,	901
О. С. Личные впечатления о швейцарском движении коммунистической молодежи	V,	729	Ф. Съезд Американского Союза молодежи	V,	739
Оболенский (Осинский). Тезисы о международном положении и о политике Согласия	I,	111	Фабрис Ф. Ж. Письмо из Франции	V,	673
Пак, Дж. Социалистическое движение в Коре (отчеты и хроника)	VII-VIII,	1171	Французский Коммунист. Письмо из Франции	VII-VIII,	1083
Паннекук. Новый мир	II,	159	Фрейлих М. Доклад на 1-ом съезде Коммунистического Интернационала	IV,	557
Панкхэрт, Э. С. Новая война	II,	165	Фор П. Демократия и большевики	III,	339
— Рабочие и Лига Народов	III,	289	Х. Профессиональные союзы и Комиссариат Труда в Советской России	III,	409
— Рабочие и социал-предатели в Англии	IV,	461	Хевеши Ю. Экономическая революция в Венгрии	III,	315
— Италия и революция	VII-VIII,	975	Хеглунд Э. Интернационал действия	II,	187
Перика, Р. Отклики на Бернскую конференцию	III,	367	— Когда мы мертвые проснемся	VII-VIII,	949
Платтен, Фр. Третий Интернационал	I,	61	Цеткина К. В защиту Розы Люксембург	II,	201
— Доклад на 1-м съезде Коммунистического Интернационала	III,	387	— Да здравствует III Социалистический Интернационал	III,	283
Прайс, М. П. Германо-польский вопрос в Западной Пруссии и мирные условия союзников	V,	643	— Роза Люксембург	V,	597
Раковский, Х. Доклад на 1-м съезде Коммунистического Интернационала	IV,	555	— Карл Либкнехт	V,	715
Райт. Основание коммунистической партии в Америке (речь)	VI,	917	Цыперович Г. Интернационал профессиональных союзов	VII-VIII,	983
Ребиг, Викт. Советская республика в Баварии	II,	193	Иччерин, Г. Международная политика двух интернационалов	VI,	816
Ретгерс, С. Каутский—Вильсон	IV,	469	Швейцарский друг. Письмо из Швейцарии	VII-VIII,	1091
— Доклад на 1-м съезде Коммунистического Интернационала	IV,	553	Шовелон Э. После Люцернского конгресса реформистов (l'Avenir International № 22. Из межд. ком. печ.)	VII-VIII,	1139
— Лига Наций и малые народы	VI,	843	Штейнман И. Коммунистический Интернационал и интернациональная организация молодежи	V,	723
— Америка и русская революция	VII-VIII,	999	Эмигрант. Профессиональное движение в Эстляндии	V,	750
Рид, Дж. Революционное движение в Америке	VII-VIII,	1017	Ю. Судебный отчет по делу об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург	V,	715
Роланд-Хольст, Генр. Большевики и их деятельность	V,	629	— Америка. (Основание Коммунистической партии)	V,	752
Росмер, А. Рабочий конгресс в Глазго	VII-VIII,	995	— Испания (Отчет о положении)	V,	763
Рудаш, Л. Пролетарская революция в Венгрии	I,	45	— Швейцария (Политические процессы в Швейцарии.)	V,	764
Руднянский, А. Профессиональные союзы и контр-революция в Венгрии	V,	637	— Англия	VI,	929
— Доклад на 1-м съезде Коммунистического Интернационала	III,	391	— Германия	VI,	934
— Словацкая Советская республика	III,	404	Япымов. Доклад на 1-ом съезде Коммунистического Интернационала	IV,	563

Содержание 7—8 номера.

	стр.		стр.
З. Хеглунд. Когда мы мертвые проснемся...	949	Приветствие Симб. Конф. Татар. Коммунист. орг. Коммунистическому Интернационалу	1114
Н. Ленин. Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата	953	Присоединение Британской С. П. к III-му Интернационалу	1114
Л. Троцкий. Жап Лонгэ	969		
Э. С. Панкхэрт. Италия и революция	975		
Г. Цыперович. Интернационал профессиональных союзов	983		
Ж. Садуль. К рабочим и крестьянам Франции	989		
А. Росмер. Рабочий конгресс в Глазго	995		
С. Ю. Ретгерс. Америка и русская революция	999		
К. Гейер. Германская Независимая Социал-Демократическая партия и диктатура пролетариата	1003	Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.	
Г. Зинovieв. Интернационал умирающий и Интернационал восходящий	1009	К рабочим всех стран	1115
Д. Рид. Революционное движение в Америке	1017	К французским рабочим	1117
Е. Арбори-Ралли. Революционное движение в Румынии	1023	К рабочим всех стран от Коммунистического Интернационала	1119
Ю. Мархлевский (Карский). Польша и мировая революция	1035	Приветствие Скандинавскому конгрессу коммунистов и левых социалистов	1122
В. Быстрианский. Терроризм и Коммунизм	1049	К рабочим и крестьянам Украины	1121
В. Милютин. Два года экономической диктатуры пролетариата в России	1059	Коммунистический Интернационал об украинских партиях	1125
А. Луначарский. Советская власть и памятники старины	1071	Денежная помощь Коммунистическому Интернационалу	1127
М. Горький. Интернационал интеллигенции	1077		
Заслуженный урок (обмен телеграммами между Лелебуром-Коном и Чичериним)	1079	Герои и мученики пролетарской революции.	
		Вечная память погибшим венгерским коммунарам	1129
		* * * В. О. Лихтенштадт-Мазин	1131
		А. Балабанова. Евгений Мюнх	1135
Корреспонденции Коммунистического Интернационала.		Из международной коммунистической печати.	
Французский Коммунист. Письмо из Франции	1083	Полученные редакцией коммунистические издания	1137
Ар. Письмо из Германии	1085	Э. Шовелон. После Люцернского конгресса реформистов („L'Avenir International", № 22)	1139
Швейцарский друг. Письмо из Швейцарии	1091	Россия. („Lichtstrahlen", 5—XI—1919)	1143
Н. Н. и В. Г. Письма из Югославии	1095	В Америке. („Voice of Labor", August 1919)	1147
Документы Интернационального Коммунистического Движения.		Отчеты и Хроника.	
Воззвание Западно-Европейского Секретариата Коммунистического Интернационала	1099	Австрийский Коммунист. Отчет о коммунистическом движении и об общем политическом положении в Немецкой Австрии	1153
Воззвание Германской Коммунистической Партии	1101	М. Габор. Доклад о падении Советской власти в Венгрии	1159
Воззвание Венгерских Коммунистов	1105	А — н. Коммунистическая партия в Америке	1167
Воззвание Датской Социалистической Рабочей Партии	1107	Пак, Дж. -Социалистическое движение в Корее	1171
От Центрального Комитета Социалистической Рабочей Партии (коммунистов) Югославии	1110	В. С. Франция	1175
В Исполнительный Комитет III Коммунистического Интернационала. Заявление Центрального Комитета Украинской коммунистической партии (боротьбистов)	1111	— Италия	1180
Резолюция Немецко - Австрийской Коммунистической партии	1112	— Англия	1181
Резолюция Съезда Германской Независимой С.-Д. Партии	1113	— Последние известия	1185
Заявление Американской Коммунистической Партии о присоединении к III-му Интернационалу	1113	Содержание № № 1—7/8 „Коммунистического Интернационала"	1187
Привет III-му Интернационалу	1114	Алфавитный указатель статей в № № 1—7/8 „Коммунистического Интернационала"	1193

Опечатка: на стр. 1034, 24-ая строка сверху напечатано Ек. Арбори-Ралли следует читать Ек. Арбори Ралли.

Иллюстрации: между стр. 1128 и 1129: Бела-Кун, Тибор Самуэли; между стр. 1136 и 1137: В. О. Лихтенштадт-Мазин, Евгений Мюнх.

Цена 20 руб.